

Ольга Теплинская

Второй шанс

повести

16+

Ольга Теплинская

Второй шанс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38614738

SelfPub; 2019

Аннотация

В сборник вошли четыре повести о женских судьбах, о сложностях, которые им приходится преодолевать. Как устоять на ногах, когда твоя уютная и спокойная жизнь рушится? Когда мужья сбегают, не выдержав трудностей, или встречаются первую любовь, и вам больше нет места в их новой счастливой жизни. Как можно выстоять, когда твой красавец жених после свадьбы превращается в ужасного монстра? А можно просто самой запутаться в своих чувствах, разрушить все собственными руками, бросить мужа, детей и убежать навстречу.... Навстречу чему? Судьбе, счастью или боли?..

Содержание

Второй шанс	4
Глава первая. Вопросы без ответов	4
Конец ознакомительного фрагмента.	195

Второй шанс

Глава первая. Вопросы без ответов

– Таня! Ну, скорей иди сюда. Вон, Пупс уже в телевизор влез, – подруга Светка даже запрыгала на одном месте от восторга.

– И ничего не Пупс, а очень даже представительный, – смущенно улыбнулась Татьяна и с любовью взглянула на большой экран телевизора, где лысый мужчина в дорогом костюме и галстук с умным видом рассказывал о политической ситуации в южной стране.

«Да, галстук ему не идет. Или затянул слишком туго, того и гляди задыхаться начнет. Надо будет купить ему тот клетчатый пиджак, тогда можно будет без галстука.... А, может, у него давление подскочило? Вон красный, какой стал», – заволновалась Татьяна.

– Пупс, Пупс, его все в нашей компании так называли. Ну, а как его было звать – то с такой фамилией и такой внешностью? Пупсоев Михаил Терентьевич, а сам кругленький, пухленький, с белокурыми кудряшками – вылитый пупсик. Сейчас кудряшки ветром сдуло, но все равно на пупса похож. Помнишь, как его дразнили: «Пупсик, где твой тазик?» –

Красавица Светлана зашлась в звонком смехе, откинув назад длинную шею и обнажая в улыбке ровные белые зубы.

– Светка, прекрати! Обижусь! – Таня нервным жестом заправила за ухо непослушную кудрявую прядь темных волос. Она всегда так делала, еще со школы, когда нервничала.

– Перестань, сама его дразнила.

– Я никогда так его не дразнила.

– Ну, не ты, так Василиска. Ну, кто – то из наших. – Махнула рукой Светлана. – Не пререкайся, лучше дай послушать. Он всегда умным был, а сейчас мозг его развился на все сто процентов. Смотри, как к нему прислушиваются, даже никто не перебивает.

– Человек использует только десять процентов мозга, для умственной деятельности. Остальное наш мозг использует на то, чтобы управлять человеком, – авторитетно заявила Татьяна.

– Тань, вы оба такие умнющие! Вы, наверное, сидите и разговариваете днями и ночами? А секс у вас бывает?

– Светка, ну я понимаю, что ты из тайги приехала, но нельзя же человеку такие вопросы задавать? Неприлично же!

– Я же не всем, я своей старинной подруге.

Светлана подошла и крепко обняла ее.

– Я так скучаю там по всем и всему в своей тайге. Мне не хватает общения, выходов в свет, театральных премьер, пройтись по асфальтированному тротуару, а не дощатому

помосту, да просто посидеть в кафе за чашкой кофе. В нашем медвежьем углу только рюмочная, а туда сама знаешь, одни нефтяники заходят. Да, ладно, не смотри на меня так жалостливо, Тань. Все у нас отлично и я ощущаю себя счастливой. Я забочусь о своем муже, воспитываю своих детей. Я люблю их всех до дрожи. Стараюсь по мере сил, рассказывать им о прелестях жизни в больших городах. А скоро мы вернемся и купим такой же очуменный дом, с вами по соседству. У вас соседи не собираются продавать жилье?

– Надо будет узнать, – задумалась Татьяна. – В этом поселке с соседями как – то не принято откровенничать. Но дом с тобой по – соседству – это отличный вариант. Можно будет бегать друг к другу на кофе в одних тапочках.

– Обязательно будем. Ты же помнишь, что все наши мечтания, всегда воплощаются в жизнь. А сегодня я хочу кутить на широкую ногу, по – нашему, по таежному.

– Тогда пойдем в мой любимый ресторан. Открыли два года назад, а уже трудно попасть. Василисе только надо будет заранее сообщить. А то у нее там с нянями проблемы.

– Тань, прости, а вы, почему детей не заводите? Если хочешь, можешь не говорить, но это что – то по медицине или ваш выбор, – сейчас модно стало жить для себя?

– Не знаю, Светка! Я так устала и от этих вопросов и от этой ситуации. Мы даже проходили полное обследование в Германии. Здесь – то Мише неудобно по врачам ходить. Его многие узнают, как он стал на телевидение в программах по-

литических выступить. А в компаниях, на курортах всегда один вопрос: «А сколько у вас детей? А где они учатся? А почему нет?» Ну, почему посторонние люди так любят лезть в душу?

– Это обычный вопрос, который сближает людей, – тихо произнесла Света. – Спрашивайте человека, которого хотите расположить к себе о нем и его детях – и успех у вас в кармане.

– Миша тоже переживает. Мы когда этот дом строили, сразу определили, где будут детские комнаты. У нас их целых три. Все стоят и ждут своих обитателей. На обоях уточки, зайки, солдатики. Я их закрываю на ключ и храню его, как Синяя Борода, никому не разрешая входить. Даже пыль там редко протираю.

– А врачи что говорят?

– Врачи радостно сообщили, что у нас прекрасные анализы и мы оба готовы стать родителями, надо только немного подождать. И мы ждем каждый месяц. Я пью таблетки немецкие. А сама все время думаю – получилось или нет? Свет, я так устала, я вся вымотана. Знаешь, мне иногда кажется, что мы бы жили намного спокойнее, если бы нам не задавали вопросы о детях. А так, общественное мнение будто подстегивает нас: «Ну, когда? Ну, давайте! Надо же, как у всех»!

– На работу тебе надо, Тань! Вот где мозги от всякой ерунды отдыхают.

– Ты считаешь, что это ерунда? – глаза Тани наполнились слезами.

– Нет – нет, прости, родная, конечно нет! Иди ко мне я тебя обниму.

Прежде чем утонуть в Светкиных объятиях, Таня подошла к большому окну и плотнее задернула легкую занавеску, с опаской выглянув в сад.

– Тань, ты чего все в окошко выглядываешь, словно боишься? Я заметила. Вам угрожают? Миша попал в какую – то темную историю? Скажи, мы поможем.

– Нет, Светик, не переживай. Все у нас в порядке и у Миши тоже. Просто нервы у меня последнее время стали ни к черту. Может, это от таблеток этих... Все время кажется, что за мной кто – то наблюдает, словно я шпион на задании. Я просто чувствую на себе эти взгляды, у меня на затылке постоянно волосы дыбом стоят. И Мише ничего сказать не могу, боюсь, что он будет меня чокнутой считать. Он и так в последнее время на меня странно смотрит.

– Нет, Танюха, добровольно заточить себя в четырех стенах – это преступление. Ладно бы образования не было или учеба с трудом давалась. Но ты, же лучшей ученицей в классе была, и медицинский с красным дипломом окончила. Что ты дома то сидишь? Пошла бы на полставки в хорошую клинику, все бы голова при деле была. Такой диплом пропадает.

– Ну, твой же тоже пропадает, – пробормотала Татьяна.

– Не скажи! Я и своих детей, если что, знаю как и от чего

лечить и соседских смотрю.

– Вот и я думала, что буду своих детей сама лечить...

– Будут еще у тебя дети. Врачи же сказали, что все у вас в порядке. А пока, выходи, подруга, из своего шикарного дома, займись нужным обществу делом. И нервы на месте будут, и глупости в голову не ползут.

Светлана внимательно всмотрелась в уставшее лицо Тани: глаза унылые, цвет лица серый, уголки губ ползут вниз; роскошные когда – то вьющиеся волосы потускли и собраны в скучный пучок. Неудивительно, что Миша стал смотреть на нее странным взглядом. Надо что – то делать, спасти. Но как?

– Тань, я ты меня к своему косметологу не сводишь? Хочу проконсультироваться.

– А у меня нет своего косметолога, – подняла брови Таня.

– Ну, куда ты постоянно ходишь? В салон, какой?

– А я никуда не хожу, – пожалала плечами подруга и спохватилась, – ну, масочки делаю из сметаны или огурца...

– Больше вопросов не имею, – вздохнула Света.

– Думаешь, все так запущено?

– Думаю: что все можно исправить! – хлопнула в ладони Светлана.

Встречу в ресторане назначили на пять часов. Светлана еще должна была заехать проведать тетушку, Василиска объявила, что целый день проведет в салоне красоты.

Таня заказала любимый столик в уютном эркере; любез-

ная девушка уверила, что ее будут ждать и столик забронирован на ее имя.

Но в назначенное время Таня с недовольством увидела, что место занято. Симпатичный молодой человек со скучающим видом пил кофе и смотрел в окно.

Таня нерешительно подошла к нему, оглядывая зал в поисках администратора, но в зале было пусто.

– Простите, молодой человек, но я забронировала этот стол, вас, очевидно, не проинформировали.

– Вы очаровательны, – странно начал свою речь парень.

Таня решила стоять до победного конца, сегодня ей хотелось сидеть именно на этом месте.

– Спасибо, конечно, – замялась Татьяна.

– Я вас именно такой и представлял, – продолжал, как ни в чем не было захватчик стола, и протянул ей изумительную розу – белую с бордовой каемкой по краю.

Затем он, глядя ей в глаза, наклонился и нежно коснулся своими губами ее виска.

Поцелуй получился, какой – то слишком интимный. Так может целовать любимую женщину соскучившийся любовник.

– Да вы что себе позволяете, молодой человек? – громко возмутилась Татьяна.

– Я слишком тороплю события? – удивленно глядя на Таню, промолвил незнакомец.

– Какие события, о чем вы?

– Но вы, же пришли на знакомство вслепую?

– Боже мой, это ошибка! Я пришла встретиться со своими подругами и стол этот я заказала еще днем.

– О! Простите меня, наверное, я что – то перепутал. Так неловко! Могу я загладить свой проступок?

– Можете. Освободите наш столик, – улыбнулась Таня.

Парень с улыбкой пожал плечами, а потом в порыве обнял Таню, слегка прижав к себе, и тихо прошептал:

– Как жаль, что мое свидание не с вами!

И, оставив розу, спешно удалился.

«Чудеса, какие – то в последнее время происходят», – задумалась Таня, вспомнив, как совсем недавно шла по Невскому и вдруг какой – то мужчина закружил ее в объятиях. Симпатичный, между прочим, принял Татьяну за свою одноклассницу. А на днях принесли большой букет роз, с запиской от тайного поклонника. Еле уговорила курьера не оставлять букет. Хорошо еще, что Миши не было дома!

А про гостиницу ей даже вспоминать было неловко. Утром Миша сказал, что ему надо на денек слетать в Москву и вид у него при этом был загадочный, все утро он что – то тихо напевал. А после его ухода принесли коробку с дорогим нижним бельем, немного вульгарным на вкус самой Тани, – красным с черным кружевом – и ключ от номера в гостинице.

Она решила, что это Миша вдруг решил освежить их отношения, и притащилась в этот отель, надев белье. Проси-

дев два часа, Таня набрала Мишин номер. Трубку муж долго не брал, но после длинных гудков, торопливо буркнул ей, что он на совещании и отключился. А Таня стала торопливо собираться, боясь, что сейчас может нагряться тот, кто ее опять с кем – то перепутал. Хватило ума Мише ничего не рассказывать.

И вот теперь этот гражданин со своим свиданием вслепую...

* * *

Шумный Питер блестел в каплях осеннего дождя. Три подруги сидели за столиком уютного ресторана. Разноцветные зонтики торопливо проплывали мимо витринных окон. И никто не обращал внимания на смеющихся женщин за стеклом.

– ... нет, а ты помнишь, как мы сбежали с химии, и ничего не придумав умнее, качались на качелях в школьном дворе, а химичка подумала, что это мы так протест выражаем и испугалась?

– ... а как мы в колхозе картошку убирали, и не было сил идти вечером в столовую...

– Да, и мы еще разделили единственную бутылку сока, решив, что каждая может сделать только три глотка, а Сварова сделала четыре и все никак не могла проглотить контрабандный глоток, а все заставляли ее ответить или спеть, а она все

держала во рту тот злополучный сок.

– А как она теперь, кстати? Кто –нибудь знает, где она сейчас? У вас же был вечер встречи на двадцать лет окончания? – встрепенулась Светлана.

– Вечер то был, а Сваровой на нем не было. Говорят, она где – то за границей живет. То ли в Дании, то ли в Финляндии, – махнула рукой, сверкнув кольцами Василиса

– Она всегда красивой жизни хотела. Помнишь, Тань, как она Пупса с ума сводила, после его дня рождения? Он тогда еще весь класс на родительскую дачу пригласил казенную.

– Миша никогда не кичился положением своих родителей. Да и вся их семья спокойно относится к мировым сокровищам, – тихо вступилась за мужа Таня.

– Но Сварова то была других взглядов. И вспылала к несчастному Пупсу страстью, точнее к положению его родителей. А он, как теленок на веревке, покорно ходил за ней.

– Интересно, чтобы из этого вышло, если б наша Танюха не вмешалась? Вот мы тогда все удивились, что у Сваровой есть соперница! – не унималась Василиса.

– По – моему, больше всех удивился сам Пупс, что он так популярен у женского пола, – хихикнула Света. – Его мама всегда считала, что никто на их сокровище не клюнет, а Таня все эти годы нежно любила Пупсика за его добрую душу и чувство юмора.

– Девчонки, да с ним никакой мачо не сравнится! Он все-

гда чувствует, какое слово может меня утешить или рассмешить, или берет билеты, и мы на три дня улетаем в Европу. Просто так, потому что ему показалось, что я загрустила. Я уверена в нем, а он во мне... (Только сейчас что – то не так! – подумала Татьяна)

– Как же приятно слышать, что хоть у других все хорошо! – вздохнула Василиса.

– Вась, ты это про что? – удивилась Татьяна. – Живет в самом элитном поселке Ленинградской области, в шикарном доме. Дети ходят в престижный лицей, и она еще о чем – то вздыхает! Кстати, Светка, вот где тебе надо домик присмотреть. Там такие дворцы!

– А ты уже не хочешь бегать ко мне в тапочках на кофе? – сделала грустную рожицу Света.

– Конечно, хочу, Светик! Но к Василисе обязательно надо съездить, посмотришь, как живет питерская буржуазия.

– Да, брось, Танечка, какая буржуазия, – махнула рукой Василиса. – Да к тому же у нас сейчас ремонт идет широким фронтом.

– Васька, да сколько можно ремонтировать? Вы уже третий год в ремонте, – удивилась Таня, – вы же в новый дом въезжали?

– Да решили кое – что перестроить, – загрустила Василиса.

– Ладно, ремонт, не ремонт, но вы – то живете в нем. Найдешь два стула для старинных подруг, чашки можем с собой

принести.

– Ой, девчонки, мне бежать надо, – подхватилась Василиса. – Так с вами хорошо, но мне пора. Няню надо отпустить и вообще, пока доеду с пересадками.

– А ты разве не на машине?

– В ремонте машина, а водителя Юра в отпуск отпустил. Все так навалилось. Ну, пока, крошки!

Василиса помахала рукой и пошла между столиков.

– Таня, а что с нашей Василисой прекрасной? – удивленно глядя на подругу, спросила Светлана.

– А что с Василисой?

– А ты ничего не заметила? Нам сказала, что в салоне весь день провела, а у самой даже корни не покрашены, маникюром это тоже не назовешь – дешевым лаком ногти кое – как покрыты. И про машины как – то странно. Вряд ли наша Василиса добровольно поедет на автобусе или метро.

– Я не знаю, Свет. Мы с ней стали редко видеться. Она вся в детях, в заботах о доме. Сама за своим садом следит, ей стало нравиться ландшафтное проектирование. Она даже курсы окончила. У них такой сад, такие кустарники, розы! Мечта! Обязательно повезу тебя к ней. Наплевать на ремонт.

– Может, у них что – то случилось, а Василиса не хочет говорить? Она всегда гордая была.

* * *

Василиса взяла в гардеробе свое легкое пальто. Оно уже было не по сезону, но не идти, же на встречу с подругами в старой шубе? Это еще хорошо, что шуба эта сохранилась, и ее не надо было выставлять на продажу. А то в чем бы она ходила? Василиса поежилась и специально перешла на другую сторону улицы, чтобы не проходить мимо окон, из которых ее могли бы увидеть подруги.

«Может, надо было все рассказать девчонкам. Не прятаться, не темнить, не придумывать больше историй о шикарной жизни. А честно сказать, мы потеряли все: работу, дом, положение, даже школу, в которую ходила Сашка, нам пришлось поменять. Нет! Все вернется, все будет хорошо. Всегда так было. Главное, мы все живы и здоровы, как сказала мама. Выберемся!»

Закутавшись в теплый шарф, Василиса заспешила в сторону метро.

Из дум о тайнах Василисы подруг вывел звонкий голос:

– А я смотрю и не верю своим глазам: все те же три девицы под окном! Как ходили друг за дружкой всю школу, так и продолжаете?

Возле столика стояла высокая яркая женщина в зеленом брючном костюме, роскошные рыжие волосы она отбросила за спину эффектным жестом. На ее длинной шее переливалось тусклым блеском дорогое украшение.

За соседними столиками народ притих и, не скрывая вос-

хищенных взглядов, рассматривал красавицу.

– Сварова. Настя. – Выдохнула Таня.

– Ну, теперь уже не Сварова, а Сваровски, мама специально тогда нашу фамилию сократила, чтобы разговоров не было, но я рада, что меня еще можно узнать. Вас, впрочем, тоже. Танек, как была девочкой – ромашкой, так и осталась – кудряшки те же, толстая попка; а Светка всегда взмыленной активисткой носилась по школе. И сейчас собираешься кого – то спасать, я угадала? – Сварова рассмеялась так заразительно, что на нее с улыбкой снова воззрилось несколько человек. – А ваша прекрасная Василиса – вечно спешащая – уже упорхнула? Ничего не меняется.

Настасья уже сидела за их столиком и просматривала меню, предложенное бесшумным официантом.

– Ну, расскажите мне, что у вас нового? Мне все интересно.

«С каких пор тебя стала интересовать жизнь других?» – хотела спросить Света, но промолчала.

– Живем, – пожала плечами Таня, – общаемся вот.

– С кем живете? Где?

«Правильно Миша говорит – надо учиться говорить «Нет»! – с тоской подумала Таня. – Неужели человек сам не понимает, что нам и без нее хорошо? Хотя, это так невежливо. Ведь мы же учились в одном классе и, наверное, должны общаться более дружелюбно».

– У нас у всех семьи. Я и Василиса живем недалеко от

Питера, а Света сейчас приехала из тайги. Как Светик правильно называется ваш поселок?

– Неважно, – махнула рукой Светлана. – Настасья все равно не будет писать мне письма на точный адрес. Да у нас там и почты то нет.

– А как ты живешь, Настя? В прошлом году у нас был вечер встречи выпускников, многие из наших были. Двадцать лет все – таки.

– У меня были важные дела, никак не могла освободиться. «Интересная беседа у нас получается: вопросы без ответов», – подумала Света.

– А как мой любимый Пупсик? Вы, девчонки что – нибудь о нем знаете? Академик или еще профессор? Ждет еще меня или мамочка женила его на сухой курице?

– Пупс, то есть, Миша, счастливо и давно женат на Тане.

– Да что вы?! И дети имеются?

«Как то она ненатурально удивилась? Наверняка уже все узнала, а тут спектакль разыгрывает», – насупилась Татьяна.

– Таня, ты просто обязана пригласить меня в гости. Безумно хочу увидеть, в какого мужчину превратился наш милый Пупсик!

Таня с тоской глядела на Сварову, подавляя в себе огромное желание, встать и уйти из этого ресторана.

«Учись говорить «нет», Таня. Это помогает сделать жить легче. Сейчас бы сказала этой Сваровски, что не имею никакого желания приглашать ее в свой дом, и жила бы себе

дальше тихо и счастливо. А теперь как себя вести: назначить время и дату для радушного приема?»

Пауза затягивалась, положение спасла Света:

– Сейчас Таня принадлежит мне. Я вырвалась из своей семьи буквально на несколько дней и намерена злоупотребить всем имеющимся временем Татьяны. Так что, извините, госпожа Сваровски, аудиенция временно откладывается.

– Ну, что ж, девочки. Вы, как всегда, сами напрашиваетесь на неприятности, – легким тоном произнесла Настя.

– Мне показалось или ты нам угрожаешь? – удивилась Света.

– Решайте сами, вы уже достаточно взрослые.

С этими словами Сварова грациозно поднялась и, помавивая дорогой сумочкой, направилась к выходу.

– Свет, а что это сейчас было? – пробормотала Татьяна. – Но я тебе благодарна, что ты отшила ее. У меня не было никакого желания приглашать ее к себе домой и показывать Мишу. Помнишь же, как он сходил по ней с ума.

– Это было давно. И он же тогда тебя выбрал.

– Да, после того, как она решила, что Миша ей не нужен. Тогда какой – то знаменитый хоккеист переехал в соседнюю квартиру. Он уже был успешен и хорошо зарабатывал в своем хоккее, к тому же обладал прекрасной фигурой и лицом. Миша проигрывал ему по всем статьям. Вот она его и бортанула. А я явилась утешителем, которому звонили в любое время суток; жилеткой, в которую плакались; сотоварищем,

с которым вместе выслеживали неверную возлюбленную.

– Я всего этого не знала, Тань, думала, что Мишка сам увидел в тебе женщину своей мечты. Оценил, так сказать...

– Я его к этому подвела, – грустно кивнула Таня. – И вот теперь появляется эта Сваровски, красивая как никогда, и желает вновь приблизить его к своей особе. Светик, я второго раунда не выдержу. Я уже не та. А Сварова стала еще лучше. Видела, как на нее все в зале смотрели? И Миша не тот, – грустно вздохнула Таня. – Мне кажется, ему со мной скучно уже.

– У вас крепкий, стабильный брак. Он уважаемый человек и ему не пристало кидаться во все тяжкие.

– Сейчас это никого не останавливает. Времена и нравы сильно поменялись.

– Опять тебе ерунда в голову полезла, Татьяна! Сегодняшний вечер мы посвящаем Михаилу. Пьянка переносится ближе к телу.

– Это куда?

– Это к тебе домой. Берем в магазине самое лучшее вино, какихнибудь закусок и к вам. Зажжешь свой камин, свечи и проведем вечер, развлекая твоего супруга.

– Ой, Светка, как ты здорово это придумала? А то я ему сегодня сказала, что поздно явлюсь, мне показалось, что Миша так загрустил. Сейчас обрадую его.

– Не радуй раньше времени, сюрприз будет. Сюрпризы всегда оживляют семейную жизнь!

– Ну, это смотря, какие, – пожалала плечами Таня и набрала номер мужа. – Пупс, ты где?

Светка замахала руками и нахмурила брови.

– Дома? Скучаешь? Да, мы тут в ресторане с девочками... постараемся придти по – раньше. Целую, – дала отбой Таня и повернулась к подруге. – Сохранила я твой сюрприз, не волнуйся. А то он мог и на работе задержаться, раз меня дома нет. Не любит один сидеть.

* * *

К дому подъехали, когда ранний осенний вечер уже заставил зажечь фонари в поселке и на подъездных дорожках. Но окна оставались темными, и от этого дом казался неприветливым.

Татьяна лихо подкатила к крыльцу.

– Всегда восхищалась твоей манерой вождения. Водишь, как настоящий гонщик, – проговорила Светлана. – А я боюсь, что мне будет сложно после тайги ездить по городу. За три года нашего отсутствия, количество машин удвоилось, если не утроилось. А что окошки темные?

– Миша, наверное, в своем кабинете, это с другой стороны дома, – улыбнулась Таня и нажала на кнопку звонка.

Но прошли минуты, а к двери никто не подходил.

– Миша, ты где? – Таня набрала номер мужа. – Дома? А почему не открываешь дверь, мы у порога? Миша, алло! –

Таня нахмурилась. – Дома у мамы?

– Твой муж до сих пор считает домом квартиру своих родителей? – удивилась Светлана.

– Да никогда он так не считал, – нахмурилась Таня, доставая ключи.

Светлана

А Свете вдруг стало так тоскливо и немедленно захотелось домой к Паше и детям. Где все понятно и просто, и все любят друг друга и радуются своим любимым. И с чего она взяла, что ей не хватает суеты большого города?

Они никогда за три года не расставались. И маленький Денис, родившийся там, в далеком поселке без названия, еще никогда не оставался без мамы и никуда не выезжал из тайги. И повзрослевшая Маришка, у которой не было настоящего первого сентября, и для нее только мама Света была и учителем и директором школы и воспитателем. Все жили вместе, потому, что папа уехал туда работать.

Света сначала приехала с Маришкой на одно лето, просто посмотреть, пока еще можно проехать по пыльным, не раскисшим от осенней непогоды дорогам. Наладить быт мужа и уехать обратно в шумный любимый город. Но позже, когда лето кончилось, все откладывала отъезд, переносила сроки, а потом поняла, что просто не сможет уехать от Павлика и никакие долгие телефонные разговоры и редкие приезды не

заменяют ей родных глаз и любимых рук.

Тогда ее отговаривали все: родители, друзья, родственники, даже Пашка, хотя она видела, что в глубине души он счастлив. Во всем их поселке нефтяников, только она и маленькая Маришка были представительницами женского пола. Павел и гордился и боялся за них.

Рабочие прилетали в поселок на вахтовые смены, а потом улетали домой, в свои города, где их поджидали семьи и друзья. Павел и еще несколько человек жили тут постоянно, пользуясь только отпусками. А их семейство даже в отпуск не летало. Света боялась, что маленький Дениска не перенесет долгого перелета и все ждала, когда он окрепнет и подрастет.

И вот в этом году семейство, наконец, покинуло свой медвежий угол, выбралось на большую землю.

Поводом послужила золотая свадьба родителей Павла, которых он нежно любил и не мог пропустить такого значимого события.

Собирались долго и мучительно.

– Паш, я тут одичала совсем. Не знаю, что брать с собой, во что люди одеваются, о чем говорят, что их сейчас интересует. Оказывается, я домоседка и мне ничего кроме моей семьи не надо. Мне даже менять в жизни ничего не хочется. Я полностью счастлива и самодостаточна. Только ты и дети, – вот все, что меня интересует и волнует в этой жизни. Я даже готова родить еще одного ребенка – таежника, только бы не

выезжать из нашего поселка НХП – 128.

– Это у тебя птичий синдром, успокойся, родная. Ты у меня, как птичка, которая боится покидать свое гнездышко, опасаясь спуститься на землю. Но про третьего таежника мне нравится. Я давно об этом думал, но мне все казалось, что тебе и так тяжело одной с двумя детьми. Маришка еще на домашнем обучении...

– Я не одна, я с тобой. А потом, что тут еще делать? Любить и рожать здоровых детей. Экология то отличная!

– Ну, вот вернемся и вплотную займемся этим вопросом. Света почувствовала, как к глазам подкатывают слезы. Воспоминания о семье сделали ее беззащитной.

Отпраздновав счастливое событие, Света отпросилась у семейства слетать в любимый город, навестить подруг, подобрать вариант для возможного переезда. Этот вопрос еще висел в воздухе, но об этом уже думали, говорили...

Счастливые бабушки с радостью остались с долгожданными внуками, Павел решил немного помочь родителям по хозяйству, и Света улетела одна.

Василиса

Василиса вышла с хмурой толпой из теплого метро и быстрым шагом пошла в сторону своего нового дома. Повторя постоянно стучавшую в голове фразу: «С каждым днем моя жизнь становится все лучше и лучше. Я самая счастли-

вая на этом свете. Мне все удается. Я все могу».

Вокруг были длинные девятиэтажные дома. Краска на фасадах давно облупилась, кое – где узкие окна рачительные хозяева заменили пластиковыми, и те, своей белизной, еще больше подчеркивали убогость дома.

Рядом с унылыми девятиэтажками стояли унылые пыльные машины.

Василиса ускорила шаг, подгоняемая холодным ветром.

«Ослепнуть бы, чтобы не видеть всего этого или умереть. Люди не должны так жить», – с отчаянием думала Василиса, каждый раз проходя по этой улице.

Но навстречу шли вполне довольные граждане. Они несли пакеты из дешевых магазинов, смеялись, садились в старые грязные машины, смотрели день и ночь телевизор, включив на полную громкость звук. Их не раздражали разбитые посылочные ящики в грязных подъездах, убогие дворы, где среди луж, ржавых труб и машин копошились дети.

При воспоминании о детях Василиса пошла еще быстрее...

Она никогда не жила такой жизнью. Их квартира была в центре Ленинграда, родители преподавали в Консерватории, и в их доме всегда звучала настоящая музыка. В гости часто приходили бывшие ученики, ставшие известными музыкантами.

Василиса росла в атмосфере добра, гармонии и уважения. Премьерные спектакли, поездки с родителями на меж-

дународные конкурсы – их часто приглашали в жюри – где с ней здоровались такие люди, ради конкурса сменившие свои недостижимые орбиты.

От всего этого кружилась голова, и хотелось летать там, высоко, вместе с ними.

Кирилл появился в ее жизни случайно. Подвез на своей иномарке до дома в слякотный день. Василиса совсем продрогла в тонких сапожках, ожидая автобуса, и с радостью уселась в машину к незнакомому симпатичному парню с ямочками на щеках.

Кирилл оказался именно таким, каким должен быть настоящий мужчина: решительным, уверенным в своих силах, знающим, что все дела ему по плечу. Василисе было так спокойно и надежно с ним. Он так отличался от мальчиков из Консерватории, которые жили своими звуками музыки, мало что замечая вокруг.

К своим двадцати трем годам Кирилл уже имел собственный бизнес, машину и квартиру. Он жил будущими проектами, постоянно рассказывая о том, что собирается сделать, приобрести, купить. Василисе нравилась его уверенность, увлеченность делом.

Однажды он повез ее на берег Финского залива и сообщил, что скоро здесь будут возводить поселок элитного класса, и он мечтает в нем жить. Только во всех своих мечтах о будущем рядом с собой он видит Василису.

Это было такое своеобразное предложение руки и сердца,

и Васька не раздумывая ни минуты, согласилась.

Войдя в провонявший кошками и капустой подъезд, Василиса поднялась на четвертый этаж, не рискуя воспользоваться лифтом. В квартире было темно и тоже пахло капустой.

Васька опустила на детский стульчик и закрыла лицо руками.

– Мам, ты мне принесла пирожное? – к ней подошел маленький Ваня и пытливо взглянул в глаза.

– Нет, мой хороший, сегодня там пирожных не давали.

– Ну, ты же обещала, я ждал.

– Прости, давай мы с тобой завтра сходим в кафе, и ты выберешь, что захочешь сам? – Василиса прижала мальчика к себе. – А почему ты сидишь в темноте?

– Я смотрел в окно на машинки и ждал тебя.

Только маленький Ваня стойко перенес их падение. Все остальные находились в непроходящем унынии. Старшая Саша, даже не разговаривала несколько месяцев от стресса. Потом объявила всем бойкот, перестала общаться со всеми, включая родственников и друзей.

А Кирилл, потеряв все, стал пить, не обращая внимания на жену и детей. Василиса осталась один на один со всеми проблемами, которые сначала казались ей неразрешимыми. Она не знала, как платить за квартиру, сколько стоят продукты, как приготовить обед, стирать белье. Все это делали за нее многочисленные помощники, а она даже не вникала.

Даже трехлетнего Ваню, Василиса не знала, как одеть и чем занять.

Сашка только бросала гневные взгляды в сторону родителей и кричала, что хочет в свою комнату, в свой дом, в свою школу.

И если по – началу уговоры, что все пройдет, все скоро кончится, и они будут жить как раньше, немного успокаивали девочку и саму Василису, то спустя год во все хорошее уже не так верилось.

* * *

– Ничего, сейчас сами пир закатим, напьемся, – бодрым голосом начала Таня.

Но Света видела, как непросто дается подруге ее бравада, как предательски звенит ее растерянный голос.

– Правильно поступил Миша. – Поддержала она подругу. – Что ему тут одному делать? А так маму проведаль, порадовал старушку. Он же не думал, что мы так рано вернемся.

– Конечно. Сейчас мы все накроем, и Миша подъедет. Родители тут недалеко живут. Полчаса без пробок.

Но, ни через полчаса, ни через три Михаил домой не приехал. Татьяна, не находя себе места от волнения, даже проехала к свекрови, где выяснила, что любимый сын не появлялся у них последние три недели. Телефон его молчал, не желая откликаться на назойливые звонки.

– Света, с ним что – то случилось. Такого не было никогда. Я всегда знаю: где Миша находится и когда вернется. А он никогда меня не обманывал. Что – то случилось! – плакала Танюшка.

– Милая, ну, мало ли какие у мужчин могут быть дела? Важные переговоры вне работы, телефон разрядился, может, он сюрприз тебе готовит...

– Но он – же сказал, что у мамы? А это уже ложь. А маленькая ложь рождает что?

– Что?

– Я забыла, но кажется, большие неприятности... – неуверенно пробормотала Таня.

Светлана

Бессонной ночью, слушая беспокойные шаги подруги, Света представляла, как там ее семья в Великих Луках. Бабушки, видевшие маленького Дениску только на фотографиях, затискали его прямо с порога. А он терпел, как настоящий полковник, только удивленно вскидывал свои прозрачные бровки, и переводил взгляд на улыбающегося Павла.

– Надо же, как под копирку деланные, – радовалась свекровь, любуясь на белоголовую семейку.

И старшая Маришка, и маленький Денис, и Павел все были с белыми, льняными волосами и голубыми глазами. Светлана смеялась, что она просто мимо проходила, и к произ-

водству детей отношения не имела, – все Павел, он один.

Павел радовался этой шутке и с нежностью смотрел на жену.

Вспомнив взгляд мужа, Света почувствовала, как сжимается что – то внизу живота.

«А, может, ну его этот город, с его суетой, проблемами, тайнами и недомолвками? Вон как девчонки дергаются. И не нужны нам дома и яхты. Останемся жить в нашем поселке, пока в недрах не кончится нефть и газ. Будем приезжать в отпуск к бабушкам и дедушкам, чтобы порадовать стариков. Пока дети маленькие, это вариант, а там дальше будет видно. Может, они сами не захотят уезжать, а, может, им всем надоест тайга и потянет к людям».

Света вскочила с кровати, собираясь звонить Павлу прямо сейчас, ночью, чтобы сообщить свое решение. Но телефон остался в сумке, она забыла его вытащить. Пришлось накинуть на плечи плед и спускаться вниз по широкой лестнице.

Но, не дойдя до темного холла несколько ступеней, Света услышала приглушенный голос Пупса:

– ... прости, моя хорошая, но не могу я пока предать Таню. Она столько лет была мне хорошей женой. Надежной и верной. Я тоже тебя люблю и всегда любил, ты это знаешь. Но потерпи, Настенька, моя дорогая. Мы будем вместе, я тебе обещаю. Дай мне время. Немного. Много я без тебя не смогу. Целую тебя, моя Богиня. Моя Богиня...

Светино сердце тяжелыми ударами сотрясало тело, казалось, звук его разносится по большому притихшему дому и скоро все сбегутся на этот шум.

Постояв несколько минут, не в силах пошевелиться, Света вышла из своего оцепенения и тихо поднялась в комнату.

«Убила бы его вместе с его Богиней, – подумала Светлана. – И что делать: Тане все рассказать завтра или уехать и забыть как страшный сон? Боюсь, Татьяна мне не поверит, решит, что мне это все приснилось. Да я и сама бы не поверила, если бы мне кто – то другой это рассказал. А сказать подруге, что ее дорогой муж собирается уходить к Сваровой, и уехать к своей любимой семье, тоже как – то не хорошо!»

Так и не приняв верного решения, Светлана решила действовать утром по обстоятельствам.

Утро явило народу солнце и грустное настроение как – то растворилось в его ярких лучах.

Из кухни доносились аппетитные ароматы, прогоняя прочь ночные тревоги.

Света спустилась вниз и невольно улыбнулась от увиденной картины: Пупс в смешном фартуке стоял посреди просторной кухни с лопаткой в одной руке и тарелкой с горкой блинчиков в другой. Был он весел и с обожанием взирал на свою законную супругу Татьяну, которая доставала из буфета изящные кофейные чашки.

– Светик, завтрак ждет тебя! – обратился Михаил к гостье.

– Давай, подруга, Миша свои фирменные блинчики испек. Ради тебя, между прочим! – улыбалась Таня. – А я кофе сварила.

– Лучший кофе в мире варит моя жена и еще в одном кафе на Сицилии. Помнишь, дорогая? – ласковый взгляд, немного затуманенный приятными воспоминаниями...

«И как на это реагировать? – удивилась Света. – Может, мне вчера ночью все приснилось, и не было никакого подслушанного разговора? Пупс ведет себя как любящий муж».

За столом Пупсоев непрестанно шутил, заставляя женщин смеяться, пока Таня не попросила мужа дать им спокойно позавтракать:

– А то подавимся еще!

– Ну, а какие у вас планы на сегодняшний день? – ласково глядя на жену, спросил Пупс.

– Хочу показать Светику, как живут питерские миллионеры, прокатить ее к Василисе. Правда, она нас так к себе и не пригласила, но думаю, мы имеем право явиться к лучшей подруге без приглашения.

– Тань, а если их дома не окажется?

– Посмотришь поселок, – пожалала плечами Татьяна. – Поверь, он стоит того, чтобы на него взглянуть.

– Мне ваш тоже нравится – тихий уютный и город недалеко, никто никому не мешает. Соседей ваших я ни разу еще не видела.

– А вот, кстати, и соседи, точнее, соседка, – кивнула в сто-

рону окна Таня. – Только это не наша. В том доме два пенсионера жили, а эта женщина на пенсионерку явно не смахивает. Вон, как рьяно гребет газон. Зачем только? И одета странно. На улице солнце, а она в куртке и нелепом платке.

– А нельзя?

– Да, можно, конечно. Только зачем? Еще тепловой удар будет, спасай ее потом.

Михаил тоже подошел к окну и с благостной улыбкой смотрел на соседку.

– Труженица, – тихо прошептал он, но Света услышала и вновь, неприятные воспоминания коснулись души.

* * *

Ехать в «поселок питерских миллионеров» было далеко.

– Считай, на разных концах города живем. Поэтому и редко с Василисой видимся. – Поясняла Татьяна. – Знаю, что это не оправдывает, но так уж получается. У нее дом большой, много времени отнимает, Сашка почти взрослая, маленький Ванечка и Кирилл, наверное, самый капризный из всей компании. Василиска старается всем угодить, а на себя времени не остается. Хотя в салоны регулярно ходила. Но, сейчас, видимо, совсем загнала себя.

– А с Кириллом у нее как?

– А как: она любит, он принимает ее любовь. Правда, помнишь, как он раньше за ней ухаживал? Так по взрослому, по

– мужски, с цветами, ресторанами, поездками. Мы с Мишей этот период пропустили. Зато сейчас все наверстываем, наверстываем. Думаю, так даже лучше.

– И, что? Вы абсолютно друг друга не ревнуете? – задала Света вопрос, который мучил ее со вчерашней ночи.

– Может, я отревновала уже его в далекой юности? Мне кажется, что ревность – это от слабости, когда не чувствуешь под ногами опоры, не веришь, прежде всего, в себя. . . . – Таня задумалась и надолго замолчала.

– Это как? – не поняла Света.

– Ну, вот я верю в свою любовь. И в то, что она способна защитить нас с Мишей и нашу семью. Я на многое могу пойти ради нашего счастья. Поэтому и чувствую себя сильной и не боюсь измены. Да и Мише я верю. Зачем об этом говорить? Вот ты, веришь, что в твоей семье никогда не случится ничего плохого?

– Верю, Тань! Верю в то, что будет только лучше. Хотя и сейчас я всем довольна.

– Значит, так и будет. Про закон притяжения читала? К хорошему обязательно притягивается хорошее. И мы сами программируем нашу жизнь.

От уверенного тона подруги и ее жизнеутверждающей философии Свете стало спокойней на душе.

«Справимся мы со всякими Сваровски. Не смогут они разрушить наши семьи».

Василиса

Василиса всегда была уверена в муже, в их завтрашнем дне. И от этого ее жизнь казалась всегда наполненной солнцем, даже если питерские тучи лежали на головах.

Вокруг них, Юрьевых, трещал мир, рушился бизнес у друзей и знакомых, не выдержав сурового слова «Кризис»; распадались семьи, менялись жильцы в соседних домах. А у них все оставалось стабильно, спокойно и благополучно.

Однажды Василиса случайно услышала разговор Кирилла с его давним приятелем Вадимом. Тот просил одолжить ему крупную сумму денег, говорил, что Кирилл – его последняя надежда. Но ответ мужа ее испугал. Кирилл веселым, бодрым голосом спросил Вадима, помнит ли он закон джунглей, который вывел Киплинг? «Каждый сам за себя, дружище»!

Вадим еще дал Кириллу шанс остаться человеком, проговорив, что он и сам понимает, что в кризис сложно найти свободные деньги. Но Кирилл подачу не принял, а стал разглагольствовать, что он собирается расширять свой бизнес.

– Я заказал отборных бычков в Австралии. Буду свои стада выращивать. У мясного короля, должны быть и свои королевские стада. Подстраховаться никогда не поздно, а то вдруг ограничат ввоз мяса. А простои стоят денег и немалых.

Позже, Василиса спросила у мужа, не боится ли он, что может также остаться с протянутой рукой, и никто не захочет прийти к нему на помощь?

– Успокойся, дорогая! Я с юности знал, чем надо заниматься в этой стране, когда стоял с матерью в очереди за колбасой. Люди могут экономить на курортах, спорте, одежде, парикмахерских, даже на лекарствах, – но без еды человек просто не выживет. Поэтому мой бизнес стабилен и надежен. А от всяких попрошаек будем отбиваться. Не бойся, Васька! С голоду мы уж точно не умрем. В крайнем случае, если обвалятся все торговые сети, будем продавать мою колбасу на рынке с лотка. Сделаю тебя старшим продавцом.

Но с какого – то времени Кирилл стал угрюмым и замкнутым, он похудел и осунулся, объясняя это сложностями в создании нового бизнеса, привычно рассказывая о своих планах. Стада, молочные фермы, даже кожаное производство – одна его задача перекрывала другую и на все нужны были деньги.

– У Кирилла Юрьева и его семьи должно быть все самое лучшее: и жизнь и бизнес, – потрясал он кулаками перед кем – то невидимым.

Но грандиозные планы далеко не всегда могут воплотиться в жизнь. И жизни все равно, кто их строит: юный студент или король, прочно сидящий на своем троне.

В одно несолнечное утро, трон пошатнулся, и король остался голым.

– Вась, нам надо уехать, – хмуро проговорил Кирилл, когда они, как – всегда неторопливо завтракали, сидя налетней веранде.

– Ты же знаешь, я всегда готова, – кивнула Василиса. – А куда и на сколько?

– Не знаю, – глядя перед собой, тихо ответил Кирилл.

– Это как? А что брать с собой из вещей? – удивилась Василиса.

– Боюсь, что с основными вещами мы будем вынуждены проститься.

– Кирилл, толком объясни. Я что – то ничего не понимаю.

– У нас нет больше дома, нет машин, нет моего завода по переработке мяса. Нет элитного стада. Ничего у нас нет, Васька. Только ты, да я, да Сашка с Ванькой.

– Кирюша, ты что? Ты же всегда мне говорил, что твой бизнес самый надежный, что человек ел во все времена...

– Я и сейчас это всем говорю. Только вознесла меня моя гордыня под самые облака, Васька. Думал, все смогу, все выдержу, всех вокруг пальца обведу. А обвели меня. Знаешь, зависть страшное чувство способное из серенького сморчка создать могучего монстра.

– Это ты сейчас о ком?

– Да был у меня дружок Ленька Павлов.

– Я знаю Леню, он хороший парень.

– Был. Всегда восхищался моей семьей, моим бизнесом. Говорил, что готов подставить плечо, если я оступлюсь. А подставил ногу...

– Расскажи, Кирилл... – попросила Василиса.

– Да, что рассказывать? – вдруг взорвался на крик Ки-

рилл, а потом сел и закрыл лицо руками.

– Ты уже давно мне ничего не рассказывал. Думаешь, это правильно? Я же твоя жена, у нас семья.

– А тебе нужна была моя правда? – взглянул на нее Кирилл, но, вздохнув, начал рассказывать. – Первая партия бычков не смогла перенести качку и большая часть погибла. Это потом выяснилось, что на страховке решили сэкономить и на перевозке. Когда океан штормит, дешевле выходит. Но это, впрочем, были копейки, я имею ввиду потерю племенных бычков и телок. Другая партия была остановлена на таможне и выяснилось, что ветеринарный контроль ну никак не может впустить коров в Россию из – за подозрения на бешенство. И все мои коровки подлежат уничтожению. Причем за мой счет. С поставками мяса началась засада, а завод останавливать нельзя. Те, кто раньше умолял купить у них мясо, взвинтили цену раз в пять.

– Но это не могло так подорвать твой бизнес.

– Это пошатнуло, – скривился Кирилл. – Подорвали кредиты, которые я брал на строительство ферм, молочного завода, кожаных фабрик.

– А ты, что все эти стройки в одно время запустил? – ужаснулась Василиса.

– Ну, да! Ленька Павлов убедил меня, что так будет выгодней. И я брал под залог завода, потом под залог дома, потом под залог будущих строек.

– Кирюша, но так, же нельзя?! Ты же всегда был осторо-

жен и точно знал, где можно рисковать, а где нельзя.

– Голова закружилась, Вась. Павлов так красочно расписывал, как мы будем собирать золотой песок с нашей продукции. Он так убедителен был. Показывал свои международные проекты, у истоков которых он стоял. И, которые вышли теперь на недостижимый уровень. Я поверил ему, понимаешь?

– Я так понимаю, что Павлов не рисковал ничем?

– Правильно понимаешь. Мало того, это он перекупил мои недостроенные фермы и оставшееся стадо. И теперь даст интервью по телику, как собирается возродить элитные породы рогатого скота.

– А как ему это удалось? – на Василису вдруг напало безразличие, словно она смотрела на все это со стороны или видела сон, который скоро закончится, а за окном снова будет солнце.

– Когда фермы были почти закончены, выяснилось, что мощностей для подключения сложного оборудования нет абсолютно. Просто стоит сарай в чистом поле. Хочешь, барин танцуй в нем, хочешь, каток заливай на зиму. А чтобы коров держать, свет им давать, тепло, аппараты подключать, – об этом и речи быть не может. Нету в области таких мощностей. Я, естественно, в бешенстве. Ведь проект был подписан и деньги чиновники приличные себе в карман положили за каждую подпись. На бумаге все было, а в натуре ничего. И тут на арену выходит душка Павлов. Добрый и бес-

корыстный человечище. Мы, говорит, колхозникам, какие остались, ферму эту продадим; им, как колхозникам мощно-сти выделяют по программе возрождения коллективного хозяйства, а потом мы у них все перекупим. Но дело это тонкое и если узнают, что сам мясной король замешан, то сразу заподозрят и сделку нашу развернут.

– Путано объясняешь, – вздохнула Василиса.

– На деле еще путаней было.

– Короче, ты дал Павлову полномочия с правом подписи, а он кинул тебя, как ты его когда – то, когда завод мясной по акциям отжимали.

– Я продал ему ферму за один рубль.

– Еще лучше! Я только не пойму, почему ты столько лет держал его в друзьях. Тебе нравилось хвастать перед ним своими успехами, нравилось дразнить своими победами? Ты сам создал из него монстра, а теперь удивляешься.

– Продай, что сможешь, Вась, пока шум не поднялся.

* * *

– Да, что вы меня убеждаете? – злилась Татьяна перед будкой охранника. – Я, что, не знаю, в каком доме живет моя подруга? Сами смотрите. Семья Юрьевых дом 57. Два моих любимых числа. Вы, что новенький?

Парнишка в форме с надписью: «Охрана», нерешительно топтался рядом с машиной. Эти пахнущие дорогими духами

тетки на шикарных машинах порядком надоели ему, хоть он и проработал здесь всего – то пару месяцев. Вечно все путают, суетятся, в ворота нормально проехать не могут. Вон, и эта уже погнула хлипкий столбик своим бампером, даже не заметив, а он только вчера его поправил. Злится, ругается. А на кого? Ну, нет в списках жильцов этих Юрьевых. А, может, они наводчицы? Бывали такие случаи.

– Без согласования с жильцами посторонних пускать на территорию поселка нельзя, – отрапортовал бдительный страж. – Вы, дамочки, разберитесь сначала. Не произошла ли ошибка. Может, вы поселок перепутали? Такое бывает.

– Сам ты, ошибка, – Таня, чуть не плача, вытащила телефон и набрала номер Василисы. – Васька, привет! Мы тут приехали к тебе в гости без приглашения, а нас охрана не пропускает. Говорит: «Нет таких»! Ты, уж, передай ему, чтобы впустил. Новенький, наверное.

Какое – то время, она внимательно слушала, не произнося ни слова. Только ее красивые бровки удивленно поднимались домиком.

– Ну, счастливо тебе! – наконец, произнесла Таня.

И взглянув на притихшую Светлану, развернула машину и покатила в обратную сторону.

– Ерунда, какая – то, – пробормотала она, проехав несколько километров.

– Тань, ну не томи уже! Что случилось?

– Представляешь, Василиса мне сообщила, что они улете-

ли утром в Испанию, у них там дом. Они решили переждать там и ремонт, и питерскую осень. Ничего не понимаю. Она же нам вчера ни словечком не обмолвилась о том, что улетают. А на нашу Васю это не похоже. Она всегда так беспокоится перед поездками. Обсуждает разные мелочи. А тут – ни словечка.

– Ну, перестала волноваться, взрослая стала. Да и к чему волнения? Она же в свой дом едет. Это не то, что я. Три года в тайге просидела. Абсолютно из жизни выпала: в чем ходят, что обсуждают, чем живут?

– Да по – большому счету, ничего у нас особенно не изменилось. Как жили, так и живем. Но все – таки, странная история. А, может, Васька уже не считает нас своими подругами и делится переживаниями с кем – то другим? – грустно спросила Танюшка.

– Не знаю. Но вчера она показалась мне искренней. Обрадовалась встречи. Только выглядела уставшей какой – то.

Василиса

Василиса нажала кнопку отбоя под стук сердца и сползла по стенке прямо на пол. Ваня тут же подбежал к ней и плюхнулся рядом, обнажая в улыбке дырку от выбитого качелями зуба.

«Надо было давно поменять телефон. Нет, не телефон, а номер, конечно». Телефон был из прошлой жизни. Когда –

то самый модный, самый последний и самый дорогой. Только такие игрушки покупал Кирилл. Ваське он безумно нравился. И она не хотела с ним расставаться, хотя Кирилл пугал ее, что на этой станции метро за такой телефон можно получить по голове.

Он все время ходил мрачный, цеплялся к мелочам и ворчал по каждому поводу. Словно это была ее, Васькина, вина в том, что они оказались на этой станции метро, в панельной двушке, без работы и без денег.

Свою двухкомнатную квартиру им предоставила бывшая няня Ванечки, сердобольная Нина Константиновна. Узнав, что семейству Юрьевых, на которое она столько лет работала, придется срочно покинуть дом, она предложила Василисе купить у нее квартиру. Сама она переезжала к сыну в небольшой южный город на берегу Волги, нянчить собственных внуков.

– Вам ведь все равно идти некуда, – скорбно качала головой няня Нина. – А так хоть стены свои будут.

Василиса планировала пожить несколько месяцев в гостинице. Будучи уверенной, что скоро их несчастья закончатся. Каким образом должны были прекратиться эти зловещие явления и как к ним должен вернуться их дом, об этом Василиса предпочитала не думать. Вернется и все! Как советовал один модный психолог: «Хотите розовый «Мерседес» – заказывайте судьбе розовый «Мерседес». И неважно, что денег нет даже на велосипед! Как он к вам придет – это уже не

ваше дело. Главное – сделать заказ!»

Васька и жила, свято веря во весь этот бред. Делала заказы и получала желаемое. Однажды поделилась этим методом с няней Ниной. Женщина сидела, внимательно слушала, кивала химическими кудряшками, а позже тихо пробормотала русскую поговорку: «Дурак думкою богатеет!»

Василиса тогда даже обиделась, – оттого и служит Нина Константиновна в няньках, что в закон Вселенной не верит.

Слух о крахе мясного короля разнесся быстро. Слишком быстро! Вокруг них сразу образовался вакуум. Перестали забегать соседки, звонить телефон. Даже в фитнес клубе, куда по привычке ездила Васька (абонемент – то был годовой), к ней перестали обращаться, словно ее и не было.

Продавать собственные вещи было жалко, грустно и унижительно. Уходили они за полцены, а то и за треть. Шубы были никому не нужны, у всех и так шкафы ломились. Кое – как продала через Авито. Комиссионки остались в советском прошлом. Посуду, технику, дорогие покрывала из итальянского шелка, помогла сбить няня Нина по своим знакомым. Туда же ушла и дорогая мебель. Многочисленные украшения Кирилл сам отвез знакомому ювелиру, у которого большинство из них и приобреталось. Магазиновый ширпотреб Васька не носила в принципе.

Ювелир сначала пытался отказываться, говорил, что уцененкой не торгует. А когда Кирилл собрался идти к другим, отчего – то испугался, но цену предложил смешную, как за

бижутерию.

Одно кольцо, самое любимое с розовым большим бриллиантом, Васька не отдала. Оставила у себя. Тогда даже сама не поняла зачем. В память о счастливых днях или на черный день, или чтобы иногда любоваться им, мечтая о лучшем.

Посмотрев Нинину квартиру, Васька расплакалась. Она никогда не жила в таких домах – с тонкими стенами, где слышен каждый звук соседей. Где у подъезда на грязных лавках сидят злобные старушки, без стеснения обсуждая все, что видят их, пораженные осколками зеркала Снежной королевы, глаза. А в подъезде на мусоропроводе сидят ершистые подростки, сплевывая себе под ноги. И никогда не знаешь, что от них ожидать: бранную ругань, плевков или нож в спину.

Но самое страшное для Васьки в этой квартире были фото обои на кухонной стене. Пальма с выгоревшими листьями, готовилась упасть в голубые воды океана, а на горизонте проплывал крошечный белый лайнер.

Василиса уставилась на эту стенку и долго не могла прийти в себя. Все это она видела в своей жизни – и пальму эту, и белоснежный песок, и немислимые по своей красоте бирюзовые волны океана. В своей настоящей, полной солнца и счастья жизни. А в этой квартире жизнь чужая, нарисованная, из Зазеркалья. Она не ее, не Васькина, не должна быть ее.

Но так уж сложилось, что семейство Юрьевых переехало

в эту квартиру. Некуда больше было переезжать...

* * *

Телефон в сумке Светланы звонил долго и терпеливо, ожидая, когда она найдет его в необъятных недрах.

– Ну, где же ты? Давай, вылезай, – причитала Светка, лихорадочно роясь в своем бауле. – Алле! – выдохнула она с облегчением, но в один миг лицо ее стало встревоженным и даже постаревшим.

Она перевела на подругу полные слез глаза и прошептала: «Дениска заболел. Температура!»

Светлана еще несколько минут только слушала, кивая и жалобно ойкая, наконец, она убрала телефон и повернулась к Тане:

– Мне надо к ним, срочно. Бабушки в панике, вмиг забыли, как лечить детей. А он еще не болел у меня ни разу. Видимо, оказалось, что мальчик вырос в стерильных условиях, иммунитет не приспособлен к вашим вирусам.

– Не отчаивайся так, Светик! Ты же сама знаешь, дети иногда болеют. Сейчас заедем к нам, возьмем твои вещи и я отвезу тебя на вокзал.

– Танюш, к вам долго. Сумка с документами у меня с собой, а больше мне ничего не надо. Там барахло всякое, пусть у тебя полежит, заберу когда –нибудь. Прости!

– Ну, как скажешь! – вздохнула Татьяна. – Опять я одна

остаюсь. Ни тебя, ни Василиски. Может, мне действительно на работу пойти?

– Иди, конечно! Хоть не будешь о всякой ерунде думать. А, может, поедем сейчас со мной в Великие Луки? Детей моих посмотришь, Павла. Он таким красавцем стал. Дикая жизнь ему только на пользу пошла. Уже не похож на мальчика – ромашку, хотя, волосы стали еще белее, выгорели.

– Нет, Светик, с тобой сейчас точно не поеду. Куда? Там Денис болеет, ему сейчас больше всего мама нужна. Не буду отвлекать внимание. Лечитесь.

Таня во время разговора постоянно смотрела в зеркало заднего вида. Наконец, она не выдержала, и круто обойдя, впереди идущую машину, нажала на педаль газа.

– Тань, ты это что? – подозрительно спросила Света.

– Да не нравится мне машина, которая за нами сегодня целый день катается.

– Это какая? Я что – то ничего не заметила.

– А вон тот серый «Опель». Мы в поселок и она, постояла в кустиках, и снова за нами развернулась. Не может быть таких совпадений. Вот сейчас и проверим.

Татьяна уверенно держала руль, время от времени пере-страиваясь из ряда в ряд. Несколько раз она, показав поворотником, что собирается повернуть налево, проезжала прямо, чем вызывала недовольные гудки соседних машин.

«Опель» ехал за ними, как приклеенный.

– Прямо триллер, какой – то, – испуганно покачала голо-

вой Светлана. – И что теперь делать? Может, Мише позвонить?

– Зачем Мише? Сами оторвемся.

Таня свернула в последнюю секунду в тихий переулок и, проехав несколько метров, как заправский гонщик, встроилась между двумя автомобилями.

– Шпионский прием, – довольно проговорила она. – Я как – то в кино такое видела. Думала, уж мне – то не понадобится никогда, хотя понравилось. Лихо так было. Их полиция ищет, мимо пролетает, а они стоят припаркованные и все, словно невидимыми стали.

Они постояли какое – то время в переулке, заметили проезжающий серый «Опель» с затемненными стеклами, а потом спокойно двинулись дальше.

– И как тебя одну оставлять с такими шпионскими играми? Ты мне обязательно позвони, расскажи, как домой добралась, ладно?

Света хотела еще что – то добавить, но взглянув на подругу, передумала.

На Московском вокзале, расставались тяжело, со слезами. Понимая, что встреча может быть не скоро. Долго обнимались, обещали звонить или писать, просили беречь друг друга.

– Свет, ты, может, со своими рабочими будешь мне письма передавать? Они же прилетают на большую землю и пусть письма твои в почтовые ящики бросают. А то совсем без свя-

зи то как?

– Точно, Танюшка, я как то об этом не думала. Обязательно буду писать. Да мы скоро и сами к вам переедем. Жалко, что дом так и не присмотрели.

– А я сама могу тебе варианты подбирать. Вкус то у нас с тобой похожий, – обрадовалась Таня. – Да, и дай наши номера телефонов своей маме. Вдруг, у них что – то случится, помощь, может, понадобится, а вы далеко. Я и приехать смогу. Вот, держи, – и Таня смущенно вытащила из сумочки белый прямоугольник с номерами телефонов. – Тут мой и Мишин. Сделала визитки как – то, дурачась.

– Спасибо, Танечка. Я обязательно передам маме.

Но пришло время прощаться...

Света зашла в вагон и еще долго махала рукой, стоя у окна, а Таня шла рядом с медленно отходящим поездом. Слезы застилали ей глаза, и она почти ничего не видела, только расплывавшиеся силуэты таких же провожающих и тяжело проплывающие, серебристые вагоны поезда. Который вышел из пункта «А» и прибудет по расписанию в пункт «Б», если Коля Сорокин правильно решит свою задачу, вспомнился Татьяне любимый мультик из детства.

Слезы высохли, и она даже улыбнулась. Навстречу ей шел высокий статный красавец в светлом плаще. «На артиста похож, какого – то», – задумалась Таня, вспоминая, где же она могла видеть этого мужчину. Но долго раздумывать ей не дали, красавец, заметив ее, расплылся в широкой улыбке, рас-

кинул объятия и тут, же заключил в них ошеломленную Татьяну.

– Душа моя, как я рад нашей встречи! – искренне засмеялся незнакомец, слегка оторвав Татьяну от земли.

– Мужчина, вы меня с кем – то спутали. В последнее время это уже входит у многих в привычку. Поставьте меня на место, – отбивалась Татьяна.

Но объятия оставались крепкими, взгляд карих глаз любящим, а Таня продолжала висеть в воздухе.

– Я не ваша знакомая, – шипела она, чувствуя, что на них обращают внимание. Ей даже показалось, что их кто – то сфотографировал.

– Вы разве не Алена Шоколадная?

– Какая еще Шоколадная? Нет такой фамилии! – возмутилась Таня, опустившись, наконец, на землю.

– Фамилии нет, а сценический псевдоним может быть любым. Никто не запрещает, – немного обиженно проговорил красавец. – Простите, сейчас я и сам вижу, что ошибся.

«Может, у меня какое – то лицо особенное, что меня стали часто путать с другими? Наверное, надо сменить цвет волос или сделать короткую стрижку. А то хожу со школы с одной длинной. Завтра и пойду в парикмахерскую. И, вообще, надо собой заняться. А то что – то запустила себя – ем, все, что не приколочено, зарядку перестала делать, а абонемент в спортзал даже забыла когда видела в последний раз. А ведь собирались с Мишей вместе ходить с утра, перед его рабо-

той; планы строили, мечтали, как будем плавать в бассейне. Но каждый раз придумывали себе новые отговорки, находя оправдания собственной лени.

Света, вон, в тайге живет, без спортзалов, а выглядит, словно из салонов не вылезает. Может, действительно, экология так хорошо влияет на человека? А, может, счастье так подсвечивает людские лица. Светка светится от своего счастья, а вот мне явно его не хватает. Словно мешает что – то, заслоняет... Но в парикмахерскую я все – равно пойду, сейчас приеду домой и запишусь на завтра. Буду менять свою жизнь с мелочей, а там дальше разберемся.

Права была моя учительница, когда говорила, что я всегда все усложняю, от этого и на жизнь смотрю мрачно. А иногда надо просто принять ситуацию такой, как она есть, и выкинуть из головы умные мысли».

От собственного сеанса психотерапии настроение явно улучшилось. Таня уже улыбалась, спокойно ведя машину по Мурманскому шоссе. До дома оставалось не больше пяти километров...

Василиса

По мере того, как пустел избавленный от вещей дом, Кирилл все больше уходил в себя, замыкался, мрачнел. Василиса усиленно делала вид, что все в ее жизни под контролем, и она не собирается складывать руки. А без вещей даже луч-

ше, свободнее, легче. И надо время от времени избавляться от всего лишнего. Она тормозила Кирилла, уговаривая его не сдаваться, действовать, искать пути выхода. И он уезжал из дома и с кем – то встречался и вел долгие телефонные переговоры, плотно закрыв за собой дверь.

– Помнишь, как долго мы возводили замки из песка в детстве? – как то спросил он Василису.

Они сидели на любимой открытой веранде, светило солнце, порхали яркие бабочки, буйно цвели розы – Васькина гордость, – перед ними стояли чашки с ароматным кофе. И казалось, что они каким – то чудом вместе увидели один и тот же страшный сон о крахе своей счастливой жизни. И вот теперь сидят рядышком, и думают: как же надо ценить все, что окружает тебя в эту минуту. Как надо беречь дорогих тебе людей!

– Помню, конечно! Мы и сейчас с Ванечкой их строим на море. – Вышла из своих мыслей Василиса.

– А помнишь, как быстро и легко их разрушал тот, кто был сильнее? Вась, я всю жизнь строил свой замок. Всю жизнь! А разрушили его за один год. Представляешь?

– Кирюш, тебе еще и сорока нет. Можно сказать: жизнь только начинается! А ты уже списываешь себя в отставку. Создадим еще одну империю, построим новый дом, – сглотнула комок Василиса.

– Все ты правильно говоришь, Василиска! Все правильно! – обрадовался неизвестно чему Кирилл. – Я создам все

заново. И новую империю мы назовем: «Феникс».

– Ой, много я таких названий встречала, – улыбнулась Василиса. Но настроение мужа ей понравилось.

Вечером Кирилл надел свой смокинг, который доставал только в исключительных случаях и который продать было решительно некому.

С ослепительной улыбкой он спустился по лестнице, Василиса не отрывала от мужа восхищенных глаз.

– Ты куда? – прошептала она.

– Василиска, родная, просто поверь мне! Все вернется. И все будет хорошо! Не волнуйся! Ты мне веришь?

– Абсолютно! – Васька счастливо улыбнулась. В эту минуту она особенно была уверена в муже и в своем светлом будущем.

– Ну и чудненько. Твоя улыбка всегда приносила мне удачу, – чмокнул Кирилл жену в носик.

Он сел в свой любимый БМВ, с которым все не мог расстаться и, подняв два пальца, как знак победы, резко взял с места.

Под утро Василисе позвонили и потребовали привезти сто тысяч евро в погашение долга перед казино.

– Подождите, какого долга? Где Кирилл? – на другом конце что – то закрипело, зашелестело, а потом она услышала голос мужа:

– Василиса, привези деньги, пожалуйста! И забери меня отсюда. Я тебе все объясню.

– Да что, уж тут объяснять!

Женщина поднялась в большой светлый кабинет Кирилла. Где по прежнему, стояли вдоль стен стеллажи с книгами; большой камин, выложенный из мраморных плит, неизбежно и гордо занимал свое почетное место, – уж его точно никто продать не сможет. Не было только кожаной мебели и роскошного письменного стола – всегдашней гордости хозяина.

Привычно набрав код сейфовой панели, Василиса открыла тяжелую дверь и ахнула. Почти все деньги с таким трудом и унижением вырученные за продажу дорогих вещей, исчезли.

Василиса надеялась, что они купят на них небольшой домик в провинции Испании, где – нибудь на тихом побережье, где живут добродушные, простые жители и убегут туда зализывать свои раны. И начнется новая, спокойная жизнь, в которой не будет бесконечных телефонных переговоров о закупках, сорванных поставках, нарушениях технологий и прочего, – что всегда отнимало у них Кирилла. Эта мысль грела Ваську все хмурые дни, которые она проводила в уже ставшем чужим ей доме.

Василиса выстраивала в мечтах свою будущую жизнь. Строила планы, как пойдет работать: будет садовником, или устроится в турфирму, водить русские группы, или пойдет в гостиницу, будет заполнять музыкальные паузы за роялем в небольшом холле. Работы она не боялась, ей даже хотелось

испытать себя.

Но и этого ее лишил Кирилл, поставив все на улетевшую от него удачу.

Она взяла одну оставшуюся пачку, переложила в сумку.

– Васька, ты не представляешь, какая была удача у меня сегодня ночью! Сколько мне пришло! Я бы мог дворец шейха купить, выкупить весь свой бизнес и даже приумножить. Я все ставил и ставил. Вокруг меня собрались все, кто играл ночью. Все говорили, что такого форта не припомнят.

– Так почему ты не остановился?! – Закричала Василиса. – Почему?!!

– Я не знаю, Вась! Не знаю! Это было наваждение, точно кто – то другой сел вместо меня за стол. Помнишь, как у Достоевского?

– Тебя снова опьянило внимание публики, как и всегда? Получал свою порцию кайфа, стоя на вершине? Господи, да когда же ты спустишься со своей горы? Я ненавижу тебя, Кирилл! – прошептала Василиса.

Но он ее уже не слышал. Он спал, скрестив на груди руки и вытянув далеко вперед свои длинные ноги в мятых брюках. Спал спокойным, тихим сном, даже улыбка искривила его губы. Словно ему снова снилась вершина, которую он покорил много лет назад.

Тогда он вернулся с Кавказа, после восхождения на Эльбрус, другим, словно заколдованным, постоянно возвращаясь к той минуте, когда стоял на самом верху, вместе с дру-

гом Вадимом.

– Васька, ради этого стоит жить! Эти эмоции не сравнятся ни с чем. Ты стоишь на вершине, и весь мир лежит у твоих ног в буквальном смысле. Дышать трудно, адреналин зашкаливает, и ты пьянеешь и плачешь от своей победы. А рядом с тобой еще несколько сильных людей, которые испытывают те же чувства.

И он все последующие годы, пытался поймать те ощущения, сравнивая свою жизнь с той минутой восхождения...

Василиса, сжав зубы, вцепилась в руль, и все сильнее давила на педаль газа. Машина разогналась все стремительней по ровной, еще свободной в ранний час дороге.

«Сейчас будет поворот, который я всегда не любила и боялась и я в него не впишусь», – решила Василиса, бросив взгляд на сонного мужа.

Но он, словно почувствовав что – то, открыл в ту минуту глаза, посмотрел на чужое, серое лицо жены и вмиг все понял. Сжав руль своей рукой, он не дал машине вылететь в кювет...

Татьяна

Таня, подъехала к дому, припарковала машину и с недовольством заметила приличную вмятину на бампере.

– Это когда я успела? – пробормотала она, разглядывая повреждение. – Миша расстроится.

Они оба любили порядок, так уж им повезло друг с другом. Все вещи в их доме лежали на своих местах, то, что ломалось, обязательно отдавалось в починку или просто выбрасывалось. С особым трепетом Миша относился к автомобилям.

– Если в машине появляется лишний стук или скрип, это значит, машина просит о помощи. Вы же не будете спокойно ходить со сломанной ногой или больным горлом? Пойдете к врачу, правильно? Вот и машину надо везти в сервис, – любил он наставлять окружающих.

А, уж, водители, которые продолжали ездить на помятых, разбитых машинах, приводили его в крайнее возмущение:

– Нет, ну как можно так не уважать свой автомобиль? Он и себя этим не уважает. И в жизни у этого шофера такой же хаос, – всегда восклицал он.

– Миш, ну, успокойся! Может, у человека нет пока денег на ремонт его машинки. И он сам от этого страдает, а ездить надо, работа, дела... – успокаивала мужа Таня. – А, может, он записался на прием, и теперь ждет своей очереди. Ты же знаешь, как сейчас долго везут детали.

Михаил немного успокаивался, но свои автомобили сразу вез в автосервис на ремонт.

Вздыхнув, Таня направилась к дому и тут заметила большой букет роз, лежащий на газоне.

– А это еще, откуда? – она даже покрутила головой в надежде увидеть этого шутника, бросившего розы.

Цветы были дивными: нежно – розовыми с тонкой зеленоватой каемкой по краю лепестков. Татьяна подняла букет, обнаружив внутри маленькую открытку с одним словом: «Любимой»! Подчерк был красивый каллиграфический, ровный. Миша так никогда не писал.

«Опять с кем – то перепутали!» – вздохнула Таня, но цветы с газона подняла и внесла в дом. Не оставлять же на земле такую красоту!

– Кто – то останется сегодня без своих роз, а кто – то, может, возлагал на этот букет большие надежды. Вон сколько здесь цветков, – принялась пересчитывать Татьяна розы, но в это время раздался входной звонок.

Возле калитки стоял почтальон и, заметив Татьяну, приветливо помахал рукой.

– Вот, распишитесь, пожалуйста, – мужчина протянул ей большой желтый конверт, адресованный Михаилу Пупсову. – Тут, правда, написано: «Лично в руки»! – немного замялся почтальон.

– Не беспокойтесь, передам лично в руки, и вскрывать не буду, – улыбнулась Таня.

Конверт был увесистый, плотный, но без обратного адреса. «Такие к нам еще не приносили», – пробормотала Таня, положив послание на небольшой столик в прихожей.

Сменив свой костюм на старые, удобные джинсы и клетчатую рубаху мужа, Таня занялась домашними делами, решив побаловать Пупса пирогами.

Но очередной посетитель отвлек ее от приятного занятия. Звонили долго и настойчиво, Таня даже испугалась и поспешила открыть калитку.

У ворот стояла Настя Сварова. В рыжих волосах запутались капли уходящего солнца, легкая замшевая курточка, отделанная мехом рыси, придавала образу дорогую изысканность, светлые брюки подчеркивали стройность длинных ног. У Татьяны даже дыхание остановилось от такой красоты.

Настя стояла и молча, улыбалась, наслаждаясь маленькой победой.

– Привет, – пропела она мелодичным голосом. – А в дом не пригласишь?

– А как ты узнала наш адрес? – растеряно пробормотала Татьяна.

– Ой, как невежливо, – рассмеялась Настасья и, не дождавшись приглашения, прошла на участок. – Я гостила тут у приятелей и случайно речь зашла о моих школьных друзьях. Оказалось, что вы живете с ними по – соседству. Вот я и решила зайти по старой дружбе. А Михаил дома?

– Миша скоро придет. Проходи, – Тане стало совсем грустно, даже захотелось плакать.

Ей страшно было представить, что сейчас придет Миша и увидит эту неземную красоту своей бывшей возлюбленной.

– Ой, а где это ты так машинку помяла? – Настасья остановилась рядом с «Мерседесом» и огорченно рассматривала

вмятину на бампере.

– Не знаю, – пожала плечами Таня. – С утра еще ничего не было. Обидно, конечно.

– Михаил будет недоволен. Он с детства не любил полованные вещи. Приходил к нам и сразу принимался все чинить. Думаю, с годами эта привычка стала только сильнее?

– Правильно думаешь. Проходи в дом, – смирилась с неизбежным Татьяна.

– Дом у вас красивый, – одобрила Сварова, – большой. Она бесцеремонно обходила комнаты, заглянула на кухню, словно осматривала недвижимость, которую планирует купить.

– А на втором этаже что?

– На втором этаже наша спальня и Мишин кабинет, но туда мы гостей не водим.

– Да, брось, Серова, строить из себя богатую и знаменитую, – махнула рукой Настя, и уверенно стала подниматься вверх.

– Я не строю и я не Серова, – слабо возразила Таня.

– Ну, была Серова. Хотя я бы такую фамилию на Пупсоеву не поменяла.

– Дело же не в фамилии, а в человеке. Я уважаю своего мужа и мне все равно, какая у него фамилия. Я его жена.

– Ой, ой, как трогательно! – подняла глаза к небу Настасья. – А уборкой у тебя кто занимается?

– Я сама. Мне не трудно.

– С ума сошла? – Настя даже остановилась на лестнице, не поднявшись на несколько ступеней. – В таком доме, с таким мужем, в таком поселке сама драишь пол? Лучше бы в салон ходила. Хотя, может, и лучше что ты к красивой жизни не привыкла, – проговорила она тихо.

Но Таня не поняла ее фразы.

– Настя, я давно уже сама принимаю решения: куда мне ходить и с кем. И как мне лучше вести свой дом, я тоже решаю сама. Мне не нужны чужие советы. Если ты пришла для того, чтобы меня учить, то у тебя это не получится. – Таня даже сама удивилась своей смелости.

– Да, ладно, расслабься. Знаю, что давать советы дело благодарное. Мне и так все ясно.

– Давай, я напою тебя чаем, – устыдившись своего порыва, предложила Татьяна.

– Да пора мне уже бежать, ждут меня, – махнула красивой рукой с дивным перстнем Сваровски. – Заскочила на минутку, на Пупса посмотреть.

– Миша придет не скоро, – произнесла Таня и покраснела.

– Ты никогда не умела врать, Серова, – засмеялась Настасья. – Но тут я тебе верю.

Гостя быстрым шагом прошла к выходу, бросив на ходу:

– Красивые розы. От тайного поклонника?

– Нет. Не знаю от кого... – залепетала Таня, оправдываясь, и снова покраснела.

Дом опустел, только аромат волшебных духов подсказы-

вал, что его посетила прекрасная женщина, которая знает, как вести дом, как быть ухоженной и как нравиться мужчинам.

«Она хочет отнять у меня Мишу! – всхлипнула Татьяна. – А я не смогу его удержать. Не сумею!»

Василиса

Василиса даже не помнила, как доехали до дома, как она, не раздеваясь, не снимая плаща, легла на кровать. Зубы стучали, словно она прошла по морозу в одном купальнике, как тогда в Крещенскую ночь, когда отважилась погрузиться в темный крест Иордани на их озере.

Но тогда это было больше от восторга, что принимаешь участие в таком таинстве вместе со многими людьми, а сейчас зубы просто стучали, и внутри у нее тоже все стучало и сотрясалось.

– Василисушка, скажи мне, что случилось, – мягкая рука легла на горячий лоб.

Няня Нина сидела на краешке кровати и с грустью смотрела на Василису.

– Ты, вроде успокоилась немного в последние дни. Я подумала: решила что – то для себя моя девочка. Порадовалась. А сегодня, как увидела тебя такую, в плаще... Машина стоит твоя, двери открытые, а Кирюшиной машины нет. Думала, с ним что. А он в кабинете своем на полу лег, тапок под голову

положил. Что еще свалилось на вашу голову?

– Проиграл он все, Нина! – не разжимая зубов, произнесла Василиса и сама удивилась своему спокойствию, словно сюжет фильма пересказывала. – И деньги, которые оставались и машину свою, с которой все расстаться не мог. Я и правда, думала купить домик небольшой в Испании. Наш продать пришлось, ты же знаешь. Денег бы хватило, я в Интернете смотрела, еще немного на обустройство бы осталось, а там бы мы заработали. Я не боюсь работать и Кирилл... , но в него словно Бес вселился вечером. Смокинг надел, который мы с тобой продать не смогли, и укатил. А я его даже не остановила, думала на ужин, какой деловой идет, проблемы наши решать будет...

– И что теперь, то?

– Не знаю, Нина! Сегодня пришла в голову шальная мысль, когда везла его из Казино – покончить все одним поворотом руля... да Кирилл проснулся, удержал руль.

– С ума сошла, Василиса?! Это же грех страшный! Самоубийц даже в церкви не отпевают, – замахала руками няня. – А дети?! О них совсем забыла?

– Я не знаю, что будет завтра, куда мы пойдём. У нас даже на гостиницу нет денег.

– А в мою квартиру и пойдете, – покачала головой Нина.

– Да не могу я ее купить, понимаешь? Ничего в сейфе нет!

– А вы так живите. Пока. За свет и телефон платите только, чтобы не отрезали, ну и за метры. Она не дорого обхо-

дится. А там дальше посмотрим. Не всегда же вы в своей яме сидеть будете. Поднимитесь еще. Молодые оба, с мозгами.

– В яме – это ты точно сказала. И из ямы всегда можно выбраться, Нин. Нужно выбраться!

Татьяна

Миша в положенное время домой не приехал, на телефонные звонки не отвечал и где его можно искать, Таня не знала. Свекровь, которой Таня позвонила, недовольно высказала, что сын ее – человек государственный и пора бы, уж это понять, а не отвлекать его по всяким пустякам.

– Ну, я же волнуюсь! Уже поздно, а его нет. Он, обычно, звонит, предупреждает, когда задерживается... – оправдывалась Таня.

– Успокойся и не нагнетай! Только плохое своей паникой притягиваешь! Понимать надо, что не всегда это удобно – звонить жене.

– Простите, – совсем сникла Татьяна, не найдя поддержки.

– Позвонишь мне, когда Миша вернется, – бросила на прощанье свекровь и повесила трубку.

Как – то странно их отношения, такие теплые вначале, с годами сошли на нет. Таня продолжала приглашать свекровь в гости, каждый раз готовилась, дарила подарки по поводам и без. А взамен получала только недовольное молчание, под-

жатые губы или такие вот колючие разговоры. Михаил, казалось, и не замечал, что две его любимых женщины становятся чужими и не думал разбираться в проблеме, считая ее надуманной Татьяной.

– Миш, ну ты заметь, что она совершенно перестала на меня смотреть, словно я – это пустое место. А уж, про мои дни рождения я вообще, молчу. За последние пять лет она меня ни разу не поздравила. Может, я ее обидела чем? Ты спроси! Так же сложно жить.

– Тань, не говори ерунды! Ты придираешься, как всегда. Выдумываешь какие – то конфликты на пустом месте. Все хорошо. Если бы что – то произошло, мама бы мне сказала.

Так и жили. Без тепла, без ласковых слов, но и без скандалов.

Василиса

«Как странно избирательна наша память, – думала Василиса, сидя за кухонным столом на маленькой кухне. – Иногда она стирает года, не оставляя даже маленькой зацепки, а иногда старательно хранит десятилетиями в своих запасниках несколько ничего не значащих минут жизни. Тихий вечер, улыбку любимого, лучи заходящего солнца на стене, ужин в крошечном южном ресторанчике или вот это побережье с фотообоев».

Тогда они с Кириллом сбежали из слякотной питерской

зимы и бродили, обнявшись, там, по кромке белого песка. Не хотелось ни думать, ни говорить. Просто быть друг с другом, чувствовать рядом тепло и любимый запах, смотреть в родные глаза и видеть в них любовь. Она не могла вспомнить, сколько дней они пробыли на том чудо острове: один или десять. Помнила только, как пружинит влажный песок под ногами, как лежит на плече рука Кирилла, как солнце греет щеки...

Неужели это все было в ее жизни? Василиса хорошо помнила еженедельные обеды с соседками по поселку. Это было целое событие. К нему готовились, посещали салоны, делали прическу и свежий маникюр, подбирали наряды. Получить приглашение, считалось большой удачей. Значит, ты в тусовке, ты – избранная и должна это ценить и соответствовать.

Недели летели, а ничего не менялось. И разговоры не менялись и новые спектакли не обсуждались и интересные передачи и большинство новых книг были неинтересны. Главные темы еженедельных обедов – это кто с кем живет, кто, куда едет отдыхать и насколько там круто, чей бизнес более успешен, а кто попал в аутсайдеры. Приближаться к таким было табу. Сочувствие считалось под запретом.

– Господи, сколько же лет я прожила в таком серпентарии? Неужели для меня это было важно? И ничего лучше этих обедов для меня не существовало? Я не обращала внимания на то, как растет Сашка, – оттого и не могу сейчас найти с ней общий язык. Я не видела, как пошел Ванечка.

Знаю это только со слов Нины. Это счастье, что у моих детей была такая няня. Просто не няня, а добрая фея крестная, как у Золушки. Где бы мы сейчас были, если бы не она.

Переезд прошел болезненно для всех. Они даже уезжали из поселка поздним вечером, чтобы не было лишних глаз. Хотя Василиса кожей чувствовала, как за ними наблюдают из темных окон. Прощаться, конечно, никто не вышел. Это же не принято в приличных поселках – подавать руку тонущему.

Молча, погрузили несколько коробок с вещами в Васькину машину – любимый набор чемоданов от Луи Виттона был продан почти за копейки, – и так же молча, доехали до своего нового жилища.

Нина помогла им разместиться и ушла ночевать к соседке, собираясь ехать к своим на следующее утро.

Васька пыталась всучить ей свой перстень с розовым бриллиантом, но Нина наотрез отказалась:

– Пригодится еще самой. Потом сочтемся.

Кирилл первое время крепился, уезжал каждое утро по – делам. Говорил, что потерпеть надо немного и все у них наладится. Но время шло, ничего не меняя в их жизни. Точнее, перемены происходили в них самих каждый день, отдаляя их, друг от друга, делая хмурыми, неприветливыми, колючими.

Кирилл все чаще стал возвращаться пьяным, ни с кем не разговаривая, он проходил в комнату и ложился на старый

диван. Сашка молчала, бросая гневные взгляды на Василису, словно это она была виновата в том, что жизнь их изменилась. Только Ванечка жался к матери, чувствуя в ней слабую защиту.

Светлана

Поезд медленно подходил к платформе. Те, немногие, которые выходили в Великих Луках, уже стояли в узком коридоре со своими сумками, чемоданами, детьми.

Света вышла в тамбур задолго до прибытия. Путь был знаком еще со студенческих лет. Сколько времени она провела в дороге. Весь первый курс ездила даже на выходные – так скучала по дому, по маме. Потом приезжала на каждый праздник, на каникулы. А к последнему курсу ее визиты стали реже, появилось много друзей.

Появился Павел – смешной, нескладный с длинными руками и ногами, которые, казалось, мешали ему нормально двигаться. Белесые волосы никак не желали аккуратно лежать и топорщились в разные стороны даже после дорогого парикмахера.

Вот только глаза его, цветущего льна, и робкая, застенчивая улыбка, задержала Светлану возле этого смешного паренька.

Она тогда случайно пришла с подружкой за компанию на танцы в военное училище. Никогда не ходила и не любила

эти танцевальные вечера, куда бегали многие из ее группы девчонки, в надежде найти себе надежного мужа.

В медицинском институте с кадрами было не очень. Да и сколько бы получал молодой врач после учебы? А тут сразу военный, с приличной по тем временам зарплатой, с жильем.

Но Света как – то не задумывалась тогда о своем будущем. Ей хотелось стать хорошим врачом, а уж как сложится ее жизнь, она не загадывала. Просто была уверена, что все будет хорошо. И муж любящий, и дети хорошие. А как иначе? Все же так живут. А почему у нее должно быть по – другому?

Но вот на том первом и последнем танцевальном вечере она и встретила своего Павла Кротова.

– Что ты в нем нашла? – зашипела подруга, когда заметила, что Света уже пятый танец танцует с нескладным бело-брысым парнем.

Вдобавок ко всему, лицо его было постоянно красного цвета. Это уж потом выяснилось, что Павел никак не мог побороть своего смущения, оттого и краснел постоянно.

Но Света смотрела в его глаза, чувствовала, как нежно он касается ее талии, с какой теплотой он говорит о своих родителях и понимала, что это ее будущее. За этим пареньком она готова ехать на край земли, и рожать ему таких же блондинистых ребятишек. А, уж, когда выяснилось, что они родом из одного города и родители их живут на соседних улицах, оба поняли, что это и есть судьба.

Света заметила их первой, и сердце сжалось от волнения и радости, даже ладони вспотели.

Павел с Маришкой стояли на перроне, взявшись за руки, и одинаково втягивали свои белые головы в плечи. Это у них так выражалось волнение. И даже маленький Денис, уже пытался повторять это движение, когда и ему приходилось волноваться в своей маленькой жизни.

Глаза грустные, выражения лиц страдальческое – Вселенская тоска – не иначе. Заметив, радостно машущую им Светлану, Маришка заплакала, а Павел еще больше втянул голову и улыбнулся своей робкой улыбкой.

«Словно на год расставались!» – подумала Света и смахнула наворачнувшиеся слезы.

– Мы так скучали по тебе, – прошептал Павел, обняв жену.

– Я думаю, Денис заболел, потому, что перестал тебя видеть, – принялась отчитывать мать Маришка. – Сейчас увидит и сразу выправится.

Она крепко вцепилась двумя руками в Светину ладонь и протерла ей свое мокрое от слез лицо.

– Мам, ты нас больше не бросишь?

– Глупая! – Света даже растерялась от такого вопроса. – Кто же вас бросал? Я уехала всего – то на несколько дней, подруг проведать, а вы уже развели мокроту.

– А кто для тебя главнее: семья или подруги? – строго спросил ребенок.

– Конечно, семья!

– Вот и не покидай нас больше.

– Я думала, вы тут отдохнете без меня. С бабушками общаетесь. Разве плохо?

– Хорошо, но с тобой лучше. Ты же мама!

– Ой, Маришка, застыдила меня совсем!

– А где твои вещи? – Павел даже остановился, растеряно глядя на небольшую сумку.

– У Тани пришлось оставить. Я, как с тобой поговорила, услышала, что Дениска заболел, так сразу на вокзал. Некогда было за сумкой заезжать.

– Как там твои подруги? – поинтересовался Павел.

– Странно у них все как – то, запутано, – задумалась Света. – Мы лучше с тобой живем, проще. Пусть и в тайге.

– А мне уже сообщили, что мы можем собирать чемоданы. Кончилась наша длительная командировка.

– Да?! – Света постаралась придать голосу радость, но на глаза снова навернулись слезы.

– Свет, да ты, что не рада? Я думал, ты только об этом и мечтаешь? – Павел смотрел на жену и не мог скрыть удивления.

– Не знаю, Паш! Нам там было так хорошо вместе.

– Мы и сейчас будем вместе. Только жить будем в городе. Где кафе, театры, музеи. Ты же так мечтала в театр сходить. Теперь у тебя появится возможность посещать культурные мероприятия хоть каждый день. И в рестораны будем ходить

ужинать всей семьей, чтобы ты не хлопотала на кухне.

– Я люблю для вас готовить, мне это нравится, – всхлипнула Света.

– Мам, мам, – затрясла руку матери Маришка, – а я в школу ходила. Меня бабушка Женя водила. И за партой сидела с мальчиком. Представляешь, они там, в своей школе, даже таблицу умножения еще не знают. И английских слов не понимают совсем. Только сидят за своими столиками, ручки вот так складывают, – Маришка положила руку на руку, показав, как складывают руки настоящие школьники, – и выходить могут только когда звонок звенит.

Света не поняла по тону дочки, понравилось ей в школе или нет.

– А ты еще хочешь туда пойти?

– Не знаю, – задумалась дочь. – Странно у них как – то все, запутано, – повторила она слова матери. – У нас лучше.

Татьяна

Таня уснула на диване, возле телевизора. Она все ждала Мишу и не хотела подниматься в спальню одна.

«Он же голодный придет, наверное. А греть себе не любит. Схватит что –нибудь из кастрюли холодное, разве это еда. И поговорить ему всегда хочется перед сном: где он был, что делал, о чем спорили».

Таня всегда садилась напротив мужа, он доставал из бу-

фета два тонких фужера, наливал в них немного красного вина, и они засиживались так за полночь.

Сразу уснуть Миша не мог, ему всегда надо было «выпустить пар», как он говорил, обсудить прожитый день, подумав немного о завтрашнем, и Таня всегда должна была находиться рядом.

Сквозь сон она услышала, как тихо отворилась входная дверь, как вошел Миша, и отчего – то долго стоял в прихожей, не зажигая свет. Она даже испугалась, что это кто – то чужой забрался в их дом, и вскочила с дивана, сжимая в руке пульт от телевизора, как оружие.

Миша стоял, глядя перед собой, и не сразу заметил жену. А заметив, вздрогнул; спросил, не глядя ей в глаза:

– Почему не спишь?

– Тебя жду.

– Зачем? Ложись спать. Я посижу немного в тишине, устал.

– Я с тобой. Ты ел? Хочешь, мясо разогрею? Но его можно и холодным с помидорами...

– Я ничего не хочу, – раздраженно воскликнул Михаил. – Просто хочу посидеть в тишине. Это так сложно понять?

– Ну, ладно, – пожала плечами Таня и стала подниматься по лестнице.

– Откуда такие цветы?

– От тайного поклонника, – бросила она, не оборачиваясь.

«Пусть тоже переживает. Даже поревнует, полезно, осве-

жает семейные отношения. А то ведет себя как – то странно».

Таня долго лежала с открытыми глазами, обида не давала уснуть, требовала выяснить отношения, наговорить друг другу резких слов. Михаил ворвался в спальню и подлетел к кровати, потрясая в воздухе желтым конвертом, доставленным почтальоном.

– Это что? Это что, я тебя спрашиваю? – прохрипел он сдавленным шепотом.

– Ты о чем? – Таня испугалась искаженного гневом лица мужа. В первый раз она видела его таким злым.

– Ты – дрянь, вот ты кто! Я терпел тебя, потому что верил, что ты надежная и верная мне женщина. А ты... ты...

Он кинул ей на кровать пачку фотографий и выбежал из комнаты. Трясущимися руками Таня стала разбирать снимки, что лежали в конверте: вот она на пороге своего дома с букетом красных роз – тогда она отправила букет обратно, не имея представления, кто мог его прислать. Вот входит в гостиницу на Исаакиевской площади, а вот уже в номер этой же гостиницы. А вот ее обнимает симпатичный мужчина на Аничковом мосту, а вот молодой парень в ресторане протягивает ей розу и целует. А это последний снимок, сегодняшний – красавец в светлом плаще с радостной улыбкой кружит ее на Московском вокзале.

Руки дрожали, немного не совпадая с ритмом колотящегося сердца, во рту пересохло, и голова кружилась все силь-

нее. Успокоиться не удавалось, Таня отбросила одеяло и спустилась вниз, где горел на кухне свет.

– Миша, – тихо позвала она и сама удивилась, как странно прозвучал ее голос. – Миша, ты где? Я тебе сейчас все объясню, ты успокойся только.

– Успокоиться?! – муж выскочил на нее из – за угла, потрясая ножом. – Я же тебя святой считал. Мне говорили, что ты не такая уж тихоня, но я не верил. Глупец! Думал, сидит моя Танечка дома, вся в заботах, хозяйничает, даже помощницу себе не берет, все сама делает – и готовит, и стирает, и мужа встречает. Конечно! Зачем тебе помощница, еще заложит хозяйку. Так же удобнее изменять. Муж целый день на работе, все время твое. Гуляй, Европа!

– Миша, зачем ты так? Неужели ты поверил всем этим снимкам?

– Думаешь, это фотомонтаж и кто – то хочет подставить мне подножку, ослабив тылы? – более спокойным тоном заговорил рассерженный муж.

– Нет, это не фотомонтаж, – начала Таня, но закончить ей Михаил не дал.

Издав не то вой, не то вопль, он поднял руки вверх, швырнув на пол нож; потом закрыл руками лицо, покачался немного на одном месте и выскочил в прихожую. Хлопнула дверь, заворчал разбуженный двигатель машины и наступила тишина.

Когда Таня, опомнившись, выскочила на улицу, то увиде-

ла только красные огни машины и задвигающиеся створки ворот.

«Иль меня оклеветали, иль царя околдовали...» – снова вспомнилось из сказки.

– Что – то часто мне в последнее время сказки стали вспоминаться. Так плохо в реальности, что ищу утешения в мире сказок? – подумала Таня и расплакалась, ощущая себя совершенно одинокой на этой земле.

Подруги далеко, им не позвонишь вот так, среди ночи. В последнее время Миша заменял ей и друг и весь остальной мир. С ним она делилась своими печалью и радостями, с ним строила планы на будущее, с ним ходила в театр, обсуждала новые выставки, забегала по выходным в кафе выпить чашку кофе с любимым пирожным. Даже новое платье показывала мужу, прислушиваясь к его советам.

И все это было так привычно и спокойно и по – настоящему счастливо. И Миша с удовольствием разделял с ней все их маленькие семейные радости.

А что теперь? Теперь – то, что ей делать без Миши, как жить? И Таня зарыдала, уткнувшись носом в подушку

Василиса

Промаявшись в четырех стенах в надеждах на лучшее будущее и поняв, наконец, что Кирилл сломлен, гораздо, сильнее, чем это казалось им обоим, Василиса решила стать кор-

милицей семьи.

«Ничего, – думала она, – я вполне смогу работать администратором, в каком –нибудь приличном салоне. Главное, что это не наш район, и вероятность встретить знакомую тут равно нулю. Могу пойти в туристическую компанию и рассказывать о тайнах Петербурга. Или потешу надежды родителей и стану аккомпаниатором у оперной знаменитости».

Решив начать с последнего, Василиса позвонила маме и бодрым голосом попросила познакомить ее с какой –нибудь оперной дивой:

– Решила вспомнить о своем консерваторском образовании.

– Слишком поздно, Василиса, – строгим тоном начала мама. – Ты же не сидела за инструментом все эти годы. Так, песенки брэнчала. Представляешь, что стало с твоей техникой? Точнее, с зачатками техники. В настоящего пианиста ты так и не выросла, Василиса. А потом, я так понимаю, что няни в вашем доме уже нет? А работа аккомпаниатора требует полной отдачи. Тебя могут вызвать на репетицию в любое время, ты должна будешь сопровождать артиста на гастроли, концерты. А с кем будет мальчик?

Мама никогда не называла Ванечку по имени. «Мальчик» и все. Василисе каждый раз хотелось подсказать имя внука, но она молчала.

– ... нет, Василиса. Я даже не смогу рекомендовать тебя начинающему исполнителю. Не могу брать на себя такую от-

ветственность, подводить человека.

«Мама, в моем кошельке осталось пятьсот рублей. Три месяца назад я даже не знала, что бывают такие деньги и что на них можно жить. Через пару дней мне нечем будет кормить и мальчика, и девочку и себя с Кириллом. А он пьет не понятно, на какие средства. И не разговаривает со мной вообще, и Сашка только шипит на меня. А ты боишься брать ответственность...» – все это хотела сказать Василиса, но промолчала, пожелав матери спокойной ночи.

Кризис ударил и по туристическому бизнесу. Туристов было мало, и за группы приезжих шла настоящая битва между профессиональными гидами. О любителях – одиночках никто не хотел даже слушать.

А хороших салонов в этом районе не было вообще. Только убогие парикмахерские. Где роль администратора часто выполняла сама хозяйка, она же мастер, она же уборщица.

После трехдневных мытарств, Василиса пошла в самое ближайшее от их квартиры учреждение – детский сад «Светлячок». На дверях крупными буквами было написано: «Требуется няня в младшую группу».

– Вы хотите работать у нас няней? – грузная заведующая чуть не упала со своего крутящегося кресла, узнав по какому вопросу, обращается к ней эта стильная девица с длинными волосами.

– Да, я хочу работать няней и хочу устроить в ваш сад своего сына. Ему, как раз, исполнилось три года.

– А, – протянула заведующая и снисходительно заулыбалась, блеснув золотыми зубами. – Сына вашего устроим, вы три дня поработаете, а потом уйдете с чистой совестью. Проходили мы уже такие варианты.

– Вы не поняли, мне работа нужна. Очень.

– А вы хоть знаете, чем занимается няня в младшей группе?

Василиса пожала плечами.

– Пятнадцать поп надо высадить на пятнадцать горшков, потом, эти попы надо подтереть, а горшки вынести. А среди дня бывают еще и непредвиденные обстоятельства, когда попа до горшка не успевает и тогда ее надо мыть. А еще успеть разлить пятнадцать порций супа по тарелочкам и пятнадцать ртов накормить, а после переодеть в сухое, потому что половина супа выльется на кофточки. И одеть на прогулку, только быстро, а то они потеют, а после прогулки раздеть и тоже очень быстро. И развесить мокрую одежду на батарее и не перепутать, а то уставшие после работы мамочки начнут скандалить. Иди-ка ты, девка, лучше в дом престарелых. Вон он через дорогу от нашего садика. Там попроще и платят вроде больше.

Василиса постояла еще минуту, глядя перед собой, потом развернулась и пошла к выходу.

– Постой, – окликнула ее заведующая, – если туда не возьмут, приходи к нам, попробуем, в конце концов.

Татьяна

Таня не заметила, как уснула, скрючившись, на кухонном диванчике. Помнила, как пошла, заварить себе чай, ждала, пока закипит чайник, продолжая плакать; потом легла, поджав ноги. Больше всего обижала несправедливость. Ее Таня не могла выносить с раннего детства, всегда и во всем стараясь, навести моральный порядок. А тут не смогла объяснить любимому человеку, как оказалась на фото рядом с посторонними мужчинами. И Миша даже не постарался ее выслушать, обиделся, уехал, а у него сердце в последнее время стало болеть.

И что он там говорил? Его кто – то предупреждал, что Таня не святоша.

Утром их ссора выглядела немного странно, по – театральному. Вечерняя усталость, напряжение дня – все сыграло свою роковую роль.

«Миша наверняка переживает, не спал ночь. Надо позвонить срочно, поговорить с ним, успокоить, все объяснить».

Но телефон абонента был выключен. Сделав еще несколько безрезультатных попыток поговорить с мужем и оправдаться, Таня приняла решение поехать к Мише на работу.

– Мне надо видеть его глаза. По телефону мириться нельзя, это не правильно. – Металась по дому Таня, наводя красоту.

Неожиданный звонок в дверь заставил подпрыгнуть серд-

це.

Первой мыслью было, что это вернулся Миша, но потом Таня сама себя одернула: Миша бы открыл дверь своим ключом; волнение нарастало, и улыбка растянула губы.

Но у ворот стояла полицейская машина, а кнопку звонка давил молодой офицер полиции.

«Что – то с Мишей!» – испугалась Таня и почувствовала, как немеют губы, и ноги словно наливаются свинцовой тяжестью.

– Что с моим мужем? – смогла она прошептать непослушными губами.

– А я откуда знаю, что с вашим мужем? – удивленно поднял черные брови полицейский.

– Вы не по поводу Михаила Пупсоева? – напряжение постепенно отпускало ее сердце.

– Я по поводу Пупсоевой Татьяны Игоревны.

– Это я. А что случилось?

– Вот этот «Мерседес» принадлежит вам, Татьяна Игоревна? – полицейский протянул между прутьев решетки несколько мутных снимков с ее машиной. – А войти не позволите?

– Входите, пожалуйста, – кивнула Таня.

– А вот и виновник торжества, – обрадовался страж порядка, присев перед машиной и с довольным видом, рассматривая вмятину на бампере.

– Простите, но, может, вы мне объясните цель своего

визита? Если я превысила скорость, то я готова оплатить штраф.

– Скорость вы, гражданка превысили – это само собой. Вчера вы за рулем данной машины находились?

– Я, – Таня вспомнила вчерашнюю погоню, серый «Опель» преследующий их по шоссе, ее маневры в городе. – Если я вам скажу, что за мной гналась странная машина, вы мне поверите?

– В каком смысле гналась? – удивился парень.

– В прямом. Сначала серый «Опель» преследовал меня тихо, я его не сразу даже заметила. Мы с моей подругой ехали в гости к нашей третьей подруге, но ее не оказалось дома и нам пришлось развернуться и уехать. Так вот, «Опель» этот постоял вместе с нами у шлагбаума и тоже развернулся. Ну, я и решила проверить: за нами этот хвост или совпадение...

– И что, проверили? – в глазах молодого полицейского читался восторг и удивление.

– Ну, пришлось превысить скорость, чтобы оторваться.

– А дальше?

– Перестраивалась несколько раз из ряда в ряд.

– И что? – не унимался полицейский.

– Не отставал. А потом, когда мы ехали по центру города, я применила шпионский прием.

– Это как?! – на Таню уже смотрели с открытым ртом и восхищением. Видимо, в молодой жизни еще не случились погони и преследования.

– Заехала в переулок, быстро встроилась между стоящими машинами и выключила двигатель. – Таня чувствовала, как растет ее авторитет с каждым эпизодом.

– Здорово! – парнишка даже почесал от восторга затылок, сдвинув на лоб фуражку. – Ну, а «Опель» что?

– Он проехал мимо, не заметив нас.

– А кто был за рулем той машины, вы не рассмотрели? Может, это ревнивый муж?

– Стекла были тонированы... – пробормотала Таня, задумавшись над словами полицейского.

«А, может, там действительно находился Миша? Хотя, вряд ли. Он же знал, куда она едет, и рядом была Света».

– Нет, муж исключается. Он точно знал: где я и с кем.

– А подруга что может сказать обо всем?

– Подруга вчера уехала срочно, у нее сын заболел. Она сюда на три дня приезжала с нами повидаться.

– А куда она уехала, можете адрес уточнить?

– Ну, вроде в Великие Луки, а вот когда они в свою тайгу возвращаются, я не знаю.

– В какую тайгу, Татьяна Игоревна?

– Понимаете, они с мужем живут, в какой – то тайге, точнее в поселке то ли газовщиков, то ли нефтяников. Я не знаю адреса. И телефоны сотовые там не берут, вышек нет, – уточнила Таня.

– Понятно, – помрачнел полицейский. – А как вы можете объяснить тот факт, что вчера на Мурманском шоссе сбили

человека, и уехали с места преступления, не оказав помощи?

– Что, простите?

– То есть вы отрицаете данный факт?

– Какой факт? Я никого не сбивала, честное слово.

– Ну, в суде «честное слово» не рассматривается. Нужны свидетели. Они у вас есть? Какая – то подруга, которая уехала неизвестно куда... А человек, между прочим, в тяжелейшем состоянии в больнице. А у вас только штрафов за превышение за вчерашний день целых четыре. И это те, что были зафиксированы камерами. Откуда вмятина на бампере?

– Я не помню, – дрожащим голосом проговорила Таня.

– Вы вчера принимали, какие – нибудь таблетки, спиртное? Может, с подругой выпили по стакану?

– Нет.

– Если вспомнить ваш рассказ, гражданка Пупсоева, то складывается впечатление, что это у вас было наркотическое опьянение. Мой вам совет, Татьяна Игоревна, – тихим голосом добавил полицейский, – не рассказывайте больше никому, как вы отрывались от погони. Не в вашу пользу.

– Но это было! – чуть не плача воскликнула Татьяна.

– Значит, вы могли сбить человека и не заметить. Так как ваше внимание было приковано к преследующей машине.

– Нет, это не возможно, вы же понимаете. Сбить человека, это удар сильный. Я бы почувствовала.

– Откуда вы знаете, что это сильный удар? И вы не можете объяснить, где помяли свой бампер. Собирайтесь, Татьяна

Игоревна, – скорбно качая головой, изрек добрый полицейский.

– Куда? – холодея от возможного ответа, спросила Таня.

– Поедем к следователю. Я вам помочь ничем не могу.

Мне сказали доставить вас, я исполняю свою работу.

– А меня сразу в тюрьму посадят?

– Не сразу! Следователь сначала допросит, а потом решит.

Но вещи я бы посоветовал вам собрать, мало ли что.

– А я могу позвонить мужу? – роняя слезы, попросила Таня.

– Звоните, – заговорщицки, оглядываясь на машину, прошептал стражник. – Вы в дом пройдите, гражданка.

Таня вошла в свой дом и вновь стала набирать номер мужа. Но он по – прежнему, был «вне зоны». Секретарь взволнованно сообщила Татьяне, что Михаила Терентьевича сегодня на рабочем месте не было. И назначенное совещание пришлось отменить.

– У меня муж, кажется, пропал, – в испуге воскликнула Таня.

– Что значит – пропал?

– Мы вчера вечером поссорились, и он уехал из дома. А куда поехал – неизвестно. На работе его сегодня не было. А у него сердце болело всю неделю... Мальчик, как вас зовут? – обратилась Таня к полицейскому.

– Коля. Коля Сорокин. Сержант Николай Сорокин.

– «...скорее, скорее к Сорокину Коле. Напомним Соро-

кину Коле о школе...» – продекламировала Татьяна и осеклась. – Простите, что – то мне в голову сказки разные лезут в последнее время.

– Я с этой сказкой все школьные годы воевал, – насупился сержант.

– Коля, а можно узнать, пострадал ли кто в аварии вчера ночью? Была ли авария с участием «Мерседеса» и гражданина Пупсоева? Вы же можете по своим каналам узнать?

– Нужен запрос. Но я постараюсь.

– Пожалуйста, сейчас, – простонала Таня.

Светлана

– И ты ничего мне не говорил? Знал и не говорил! – Света смотрела на мужа полными слез глазами.

– Свет, ну, что – ты? Я сюрприз готовил, думал, ты обрадуешься.

– Я радуюсь, – насупилась Светлана и отвернулась от Павла к окну.

– Ну, перестань злиться. Глупо же! Понимаю, если бы я наоборот сказал, что мы едем в Тмутаракань на неизвестное время. А тут, говорю, что кончилась наша каторга...

– Значит, для тебя эти годы были каторгой?!

– Свет, ну я не так выразился, не цепляйся к словам. Меня в корпорации даже к награде хотят представить за такое длительное несение трудовой вахты. Тоже, между прочим,

не просто так. Все же понимают, что нормальные люди в таких условиях долго жить не могут.

– Твоя семья – это люди ненормальные, – пожалала плечами Света. – Так там и передай, в своей корпорации.

– Светка, а мы с тобой ссоримся, – удивленно глядя на жену, проговорил Павел. – Никогда не ссорились еще, а тут... и из – за чего...?

– А это, Пашенька, городская жизнь. Тут все ссорятся, ругаются, даже изменяют друг другу. И мы такими будем.

– Я не хочу, – подойдя к жене и крепко обняв ее, прошептал Павел. – Ну, давай я попрошу, чтобы нас оставили там еще на три года. Ты будешь рада?

– Мам, мне сегодня учительница три пятерки поставила с восклицательными знаками, – в комнату вбежала Маришка и с интересом посмотрела на родителей.

Света с Павлом так и стояли, обнявшись, и с улыбками смотрели на свое белоголовое чудо с красным бантом, повязанным любящей бабулей. Бант съехал на бок, белые волосы торчали в разные стороны тонкими прядями, и Свете дочка так напомнила Павла, когда он еще был курсантом.

– Ну! Я же жду! – напомнил о себе ребенок.

– Чего ты ждешь? – удивились родители.

– Как чего? Восторгов, радости, подарков! Дочка – круглая отличница, а они стоят как вкопанные.

– Мариш, ты молодец, конечно! Но круглыми отличниками называют тех детей, которые заканчивают на пятерки це-

лый год. Сможешь продержаться год на одних пятерках?

– Целый год? – задумалась девочка. – А год это много?

– Учебный год – это девять месяцев, не считая осенних, зимних и весенних каникул.

– Ну, не знаю. Слишком, уж, это долго – девять месяцев.

А за три пятерки мне ничего не полагается?

– За пятерки я тебя расцелую, а в кафе свожу вас с мамой просто так. Идет?

– В кафе? С настоящими пирожными? Конечно, идет, даже бежит!

– Мариш, а ты бы хотела все время ходить здесь в школу, как другие дети? – пристально глядя на дочь, спросила Света.

– А ты опять уедешь к своим подругам?

– Нет, мы будем жить все вместе, но только здесь, без нашей тайги. Так бы ты хотела?

– Это было бы здорово! – запрыгала Маришка. – Все вместе, с бабушками и без тайги! Ура!

Василиса

Здесь, «через дорогу», был совсем другой мир – серый и призрачный. Там пахло кипяченым молоком и манной кашей, слышались детские голоса, смех и пение, – тут пахло лекарствами и старостью. По коридорам ходили, словно во сне, седовласые женщины, шаркая тапками. Тяжело опира-

сь на палки, вышагивали хмурые старики.

«Похоже, на один из кругов ада – содрогнулась Василиса. – Уж, лучше попы на горшках, чем это подобие жизни».

Она уже готова была развернуться, когда услышала приятный женский голос:

– Вы пришли, кого – то навестить?

В коридоре стояла высокая молодая женщина: светлые волосы подколоты в высокую прическу, на серое платье, закрывающее колени, наброшена пестрая шаль, туфли на устойчивом каблуке, как у пожилой тетки.

«Зачем она так себя старит? Лет двадцать прибавила. А ведь ей нет и сорока! И наряд такой откопала, не иначе, в бабушкином сундуке».

– Здравствуйте, я пришла узнать насчет работы. Может, вам нужны помощники?

– Конечно, нужны! А у вас медицинское образование?

– Нет, у меня консерватория.

– Ой, – девушка прикрыла рот ладошкой, но потом ее серые глаза просияли. – А знаете что, у меня есть полставки методиста по культурной работе! Деньги небольшие, да у нас больших и не бывает. Но вы можете взять еще и полставки уборщицы, если вы не против.

– Я – за, – вздохнула Василиса.

– А я, как раз, недавно думала, что хорошо бы, если бы у нас звучала музыка. Старики наши любят, когда звучат знакомые мелодии. А по радио сейчас одна «попса», как сей-

час модно выражаться; по телевизору прямо сводки боевых действий передают, а потом это обсуждают громко с руганью. Никакого позитива для пожилых людей. А они в положительных эмоциях очень нуждаются, им это жизнь продлевает, – как с трибуны строгим голосом вещала девушка.

– А вас как зовут?

– Простите, не представилась – Виолетта Бенедиктовна. Я здесь заведующая. А вас как величать?

– Меня зовут Василиса Юрьева.

– Очень приятно. А знаете, что? Давайте приступим прямо сейчас. Вы не против?

– К чему?

– К вашим обязанностям. А то они без дела маются. Завтрак давно закончился, а обед еще не думал начинаться, – помните, как у Вини Пуха? – засмеялась собственной шутке Виолетта. Пройдемте в наш «Красный уголок» – это мои старики так его называют. Там стоит наш инструмент.

«Красным уголком» служила двадцатиметровая комната с несколькими пластиковыми стульями и круглым желтым столом, а инструментом называлось старое расстроенное пианино – марки «Красный октябрь». Пожелтевшие клавиши, к которым робко прикоснулась Василиса, недовольно отозвались глухим тусклым звуком, словно возмущаясь, по какому такому поводу потревожили их старческий сон.

Василиса попробовала сыграть своего любимого Листа, но «Грез любви» не получилось. Несколько клавиш запада-

ло, остальные каждый раз задумывались: «А стоит ли выдавать звук?» В беспомощности она повернулась к Виолетте, но та стояла с блаженной улыбкой, а за ее спиной одуванчиками белело несколько седых голов, покачиваясь в такт музыке.

Послышались робкие аплодисменты, одобрителный шепот.

– Видите, как мои подопечные соскучились по хорошей музыке? Можете дать концерт прямо сейчас.

– Но инструмент сильно расстроен. Он не звучит. Нужен настройщик. – Залепетала Василиса.

– А где водятся настройщики? И сколько они могут стоить?

– А знаете, я приведу вам хорошего мастера. И он сделает свою работу, как благотворительность, – тряхнула головой Василиса. – Есть у меня знакомые музыканты.

Светлана

– Свет, ну я только туда и обратно, ты даже не заметишь, что я уехал, – уговаривал жену Павел Кротов.

– Почему я не могу поехать с тобой. Я же нужна тебе там. Кто будет вещи собирать? Тебе же некогда будет, ты будешь дела сдавать.

– Свет, я все успею. Не двадцать четыре часа же я буду занят.

– Ну, Паш, ну почему нам стало так сложно общаться друг с другом? Я пытаюсь объяснить тебе прописные истины, а ты делаешь вид, что меня не понимаешь. На самом деле ты все прекрасно понимаешь: и что тебе без меня не справиться, и что будет сложно, и что скучать будешь, даже когда занят. А вечером будешь приходить в пустой холодный дом. Я с тобой еду.

– Свет, а дети? – выдал очередной козырный аргумент Павел. – Я большой, я все могу пережить, а они опять будут думать, что мама их бросила, и начнут болеть. А если еще и я уеду? Что с ними будет?

– Дети уже привыкли к бабушкам и прекрасно обойдутся без нас недельку.

– А если что – то затянется? И нас не будет намного дольше?

– А что может затянуться? – с тревогой спросила Светлана. – Ты же на вертолете полетишь из Красноярска?

– Ну, на вертолете, конечно. А вдруг вертолет сломается и придется ехать на машине?

– Паш, какая машина? Даже на вездеходе туда сейчас не проехать. Там дорог нет. Я с тобой хочу, – заскулила Света. – Я не могу без тебя дышать. Мои глаза слепнут, когда тебя не видят.

Павел подошел к жене и нежно прижал ее к себе, чувствуя, как стучит ее сердце, как тихо трясутся плечи, не в силах подавить подступающие рыдания.

– Любимая моя девочка. Как же я счастлив, что у меня есть ты. Я постараюсь закончить все быстро, не буду заставлять тебя ждать. А вещи можно и не собирать. Новые купим.

– Нет, Паш, там много нужных вещей, ты даже не представляешь. Вот я бы и рассортировала: какие можно оставить, а какие надо забрать с собой. Лучше бы ты остался в армии, тогда бы можно было не расставаться.

– Ну, уж, как получилось. Но иногда я и сам жалею, что все так вышло. В армии порядка больше, субординация строгая. А, может, нам вернуться?

– А так можно, Павлик?

– Не думал над этим.

– Я знаешь, что придумала: сейчас созовем семейный совет и решим: вместе нам лететь или они без меня не останутся.

Но совет созывать не пришлось. К маленькому кашляющему Дениске присоединилась с высокой температурой Маришка. На бабушек надежды было мало.

Татьяна

– Вам придется подождать, – обратился к Тане пожилой полицейский с пышными черными усами и добрыми лучиками – морщинками в уголках карих глаз, когда Николай Сорокин привез в полицейское управление перепуганную Татьяну.

Всю дорогу она безрезультатно пыталась дозвониться до мужа, телефон которого оставался «вне зоны доступа».

Коля Сорокин – доброй души паренек, искренне старался выяснить: не попадал ли прошлой ночью в аварию господин Пупсоев со своим «Мерседесом». Но сведений таких полицейские не имели. Свекрови звонить Таня боялась, чтобы не расстраивать пожилую женщину.

Но все – таки ей казалось, что с Мишей ничего не случилось. «У него всегда и все хорошо»! – твердила про себя Таня, как молитву, успокаивая то ли себя, то ли взывая к небесам.

– Пройдемте, гражданка, – вышел из своей прозрачной конторки пожилой полицейский, когда Коля Сорокин отпартовал ему, что задержанная Пупсоева доставлена в отделение. – Что у вас в сумочке? – покосился он на дорожную сумку Татьяны, куда она собрала несколько личных вещей по совету Сорокина.

– Пижама, тапочки, зубная щетка и кружка. Да, еще книжка и несколько шоколадок. – Перечислила задержанная.

– В санаторий собрались? – удивился полицейский.

– Нет, в тюрьму, – тяжело вздохнула Таня. – Только это все нелепая ошибка, понимаете, товарищ? Скорость да, я превышала, но только чтобы оторваться от погони. Я вот, Коле Сорокину это объясняла. А чтобы сбить человека и скрыться с места преступления – этого не может быть.

– А, так это вы сбили бедную женщину? – насупился

стражник. Его добрые лучики у глаз моментально разгладились, и выражение лица тут же сделалось суровым, а взгляд подозрительным. – Эх, вы, барынька, а у нее бедняжки маленькие дети, да без отца...

– Да никого я не сбивала, честное слово, – писклявым голоском начала Татьяна, почувствовав, как предательские слезы – вечные спутники женской слабости, мешающие другим, более весомым аргументам, начали скапливаться где – то внутри. (И себя было жалко и слово «барынька», вроде ласковое, а ударило по душе – не заслужила. Напрасно с ней так).

Полицейские тоже это почувствовали, и поспешили избавиться себя от тягостного зрелища плачущей женщины.

– Пройдемте за мной, гражданка, – строгим голосом выкрикнул усатый полицейский и поспешил по темному коридору, выкрашенному зеленой краской.

«Вот странно, столько сейчас отделочных материалов, а у них, как в старину краской выкрашены стены. Да еще и такой жуткой – темно – зеленой. А откуда я, интересно, знаю, как были выкрашены стены тюрьмы в старину?» – машинально подумала Татьяна, следуя за широкой спиной. Почему – то сильно пахло чесноком, Тане даже хотелось зажать нос, чтобы не слышать этот жуткий запах. И не то, чтобы она не любила чеснок, но он был смешан с чем – то противным, резким.

Слезы, готовые водопадом пролиться и омыть грязный ка-

зенный пол, высохли, превратившись в горечь и обиду.

– С кем я могу тут поговорить? – гневно обратилась Таня в спину своего конвоира. – Кто может адекватно реагировать на объективные жалобы? Кто должен проверять факты и разбираться в происшедшем? – звучал один вопрос за другим.

Полицейский остановился и недоверчиво посмотрел на Таню.

Та ли это беззащитная барынька, что пять минут назад была готова затопить их своими слезами? Которую хотелось пожалеть, да отпустить – сразу поверив в ее невиновность. Теперь за спиной возвышалась злобная фурия, считающая, что все в этом мире существует только для нее.

А таких Василий Степаныч не любил. На дух не переносил, и жалеть не собирался.

«Сейчас мы ее закроем, где погрязнее, – злобно подумал Степаныч. – И дежурный сегодня Ганин. Не человек, а мусор настоящий. Разбираться: кто прав, кто виноват – не будет. Ему главное дело закрыть, чтобы начальству доложить, а там, хоть трава не расти».

Но взглянув на поникшую барыньку, устыдился своих мыслей. Тридцать лет прослужив в доблестной милиции, в полиции вот уже пять лет, Василий Степаныч не очерствел душой, жалел всех несчастных – озлобившихся или заблудших.

Правда, камеру для нарушительницы выбрал самую пар-

шивую: холодную, сырую, без окошка. Может, Ганин ее и выпустит, но чтобы в воспитательных целях, пусть посидит пару часиков, помучается.

Резкий запах узкой, как пенал камеры, сильно ударил в нос. Чесночный, по сравнению с этим, сразу показался вкусным. Таня беспомощно обернулась на своего конвоира:

– А сколько мне тут сидеть?

– Ждите, пока следователь не придет.

– А, может, я в коридоре подожду? Я не убегу никуда, честное слово.

– Положено вас задержать, вы, можно сказать, многодетную мать жизни лишили на своем «Мерседесе».

Слово «Мерседес» Степаныч выплюнул. Не мог он понять: как можно за машины такие деньги выбрасывать и где их можно заработать честным трудом.

Таня, вздохнув, полезла в сумку за телефоном, но Степаныч, уже сделав два шага к выходу, развернулся и забрал из рук потерпевшей сумку.

– Это следователь будет решать, что вам из вещей оставить. У меня в дежурке пока постоит.

– Но я же имею право на звонок, – робко вспомнила Татьяна фразу из многочисленных фильмов о преступниках и стражах закона.

– Только в присутствии следователя, – парировал, знающий законы Степаныч, и, нарочно гремя ключами, долго копался в замке.

– Василь Степаныч, – молчавший до этого Коля Сорокин, решил вступить за свою подопечную, – а зачем ты ее в камере закрыл? Могла бы и в коридоре подождать.

– А убежит? Ты доставил, я за нее расписался, значит, несу ответственность. Мне, что прикажешь – ее к себе наручниками приковать? У меня своих дел полно, – глядя в немытый пол, бубнил Степаныч, понимая, что палку перегибает.

– Да не виновата она, мне кажется! – вздохнул Коля.

– Не нам с тобой решать. Кажется, не кажется, а это суд будет приговор выносить, на основании расследования. Вот ты свой институт закончишь, и будешь судить, а не на кофейной гуще гадать.

– Ох, когда я еще его окончу!

– Надо, Коленька. А то так в дежурке и просидишь свой век, как я – неуч.

Василиса

Настройщика прислала мама, даже не спрашивая, каким образом ее дочь связана с Домом престарелых.

Василиса помнила этого седого сухонького старичка, каждый месяц приходившего в их дом настраивать дорогой старинный рояль. Казалось, он был таким еще тогда в дни ее беззаботного детства.

– Здравствуйте, Александр Сергеевич! – встретила Васи-

лиса его на пороге своей новой работы.

Несколько старушек, оживленно зашаркали тапками, с интересом поглядывая на новое лицо.

Лицо, несмотря на свой невысокий рост, любило длинные пальто и галстуки – бабочка. Смотрелось на низкой фигуре все немного комично, но это Александра Сергеевича не смущало.

Пройдя со своим неизменным чемоданчиком в Красный уголок, и увидев, с чем придется работать, настройщик встал в ступор и пару минут буравил пианино взглядом, словно тореадор, определяя: как долго продержится бык, и сколько с ним надо будет повозиться.

– Александр Сергеевич, вы хотя бы западающие клавиши верните, а с остальными я справлюсь, – взмолилась Васька, понимая трудность поставленной задачи. – Это «Красный октябрь», – зачем то пояснила она, – еще советский.

– Я вижу, – прошелестел настройщик и взял несколько аккордов.

Аккорды не удались, изобразив какофонию.

– Н – да, – прокомментировал Александр Сергеевич и отвернулся к окну. Ругаться в его семье, было не принято.

– Не сможете? – загрустила Василиса. Она уже представляла, как будет играть для стариков, как они будут ждать ее прихода.

– Мои предки настраивали инструменты в Зимнем дворце, и никогда от трудностей не бегали. – Сверкнув глазом из

– под седых бровей, воскликнул Александр Сергеевич.

– Думаю, что с такими трудностями они не сталкивались, тем более в Зимнем, – тихо прошептала Василиса.

– Девушка, ваша мама попросила меня сделать все возможное, чтобы помочь вам, и я ей пообещал. Не скрою, такого ужасающего состояния я не ожидал, но тем интереснее будет работа. Если есть возможность, чтобы сюда никто не заходил, то я бы попросил оставить меня один на один с этим монстром.

Окинув Красный уголок быстрым взглядом, Александр Сергеевич бросил в пространство:

– А в малом зале меняют кресла. Сначала хотели перетянуть, но оказалось, что купить новые будет дешевле. Могу посодействовать, чтобы вам пару рядов привезли, если хотите.

– Александр Сергеевич, миленький, конечно хочу! Вы же видите, что здесь стоит!

Васька сама удивилась, как обрадовалась списанным стульям. Кто бы сказал ей несколько месяцев назад, что эта новость сможет доставить ей радость – не поверила б.

Она словно открывала для себя мир заново. Будто другую жизнь стала жить. Получая, как дорогие подарки такие вот вести, покупая Ванечке пирожное или просто гуляя с ним по аллеям с тоненькими липами.

Василиса все – таки устроила его в тот садик и сама стала там работать только не нянечкой, а посудомойкой. Это было

удобнее, в свободное от посуды время она перебежала дорогу и шла к своим старикам и всегда улыбающейся Виолетте.

Она научилась экономить. И на продукты практически не тратила, – приносила из садика в баночках каши, блинчики, оставшиеся котлеты. А часть денег откладывала. Удивляясь, вспоминала свои прежние траты. Она даже себе не могла объяснить – на что копит – на лучшую жизнь или на черный день?

К ноябрьским выдали премию в детском саду, и у Василисы скопилась приличная по ее нынешней жизни сумма. Она бежала с работы и мечтала, что сможет купить на эти деньги, чем побаловать семейство.

Торжественно достав коробку с накоплениями, она обнаружила, что коробка пуста. С застывшим сердцем Василиса подошла к шкафу и не нашла там смокинга Кирилла.

Как раненая тигрица металась она по квартире, не находя себе покоя, перебегая от окна к окну. Выбегала несколько раз на улицу и бессмысленно топталась у подъезда.

Сашка прибежала домой с радостными глазами, что было чудом, кинулась было к ней, но застыла на пороге, пристально взглянув на мать и погаснув.

Кирилл пришел шумно, не заботясь о покое близких. Долго звонил в дверной звонок, топал ногами. В глаза Василисе не посмотрел, только рукой отодвинул и прошел в комнату прямо в лакированных ботинках.

– Где деньги? – стараясь говорить тихо, спросила Васька.

– Какие? – скривил рот Кирилл.

– Мои деньги из коробки.

– Раньше ты не делила деньги на твои и мои, все было наше.

– Хорошо, что ты сделал с нашими деньгами?

– Проиграл, если это можно было назвать деньгами. У меня вдруг словно голос в голове раздался: «Иди, Кир, и ставь на цифру двадцать семь»! Я и пошел, Васька. Уверен был, что выиграю, отыграю то, что тогда спустил. А выпало «зеро». Ноль, Василька. Ноль выпал на мою жизнь.

Василиса тихо вышла из комнаты и заплакала. Слезы не катились, они лились, по ее лицу, не прекращаясь. Василиса даже испугалась, она и не подозревала, что в ней столько слез. Она сползла по холодной стене и сидела на полу, поджав босые ноги. Лицо она уткнула в подушку, чтобы заглушить рыдания, но Сашка все – равно ее услышала.

Она вышла на кухню и опустилась рядом с матерью, прижавшись к ней всем телом.

– Мам, ну что ты так плачешь? Все живы, живем не под мостом, а в квартире нашей Нины. Праздники скоро. Пойдем к твоим старичкам концерт им устроим. Я буду петь.

– Ты будешь им петь? – отупев от рыданий, спросила Василиса.

– Ну, да! Бабушка сказала, что у меня редкое меццо – сопрано. С этим надо что – то делать. А я вот что подумала, мам – прославлюсь и построю для нас всех дом, лучше того,

что у нас был. И все будет, как раньше, даже лучше.

– А когда это ты пела для бабушки?

– Да вот, сегодня и пела. Пошла к ней на работу, по улицам холодно ходить, а она как раз мастер класс давала своим бездарям. Еще в консерватории учатся, – помотала головой Сашка, улыбнувшись. – Ну, я и взяла си – бемоль. Все так и попадали, включая бабулю.

– Просто Фрося Бурлакова какая – то, – с удивлением разглядывала дочь Василиса. – А почему ты по улицам ходила, а не в школе находилась?

– Ай, мам, не могу я там, – нахмурилась Саша. – А бабушка обещала меня пристроить в школу при своей консерватории. А пока будет со мной лично заниматься. Сказала, что для тебя она ничего не делала в этой жизни, а меня не упустит.

– Саш, какая ты у меня уже взрослая! Рассуждаешь так, – охрипшим от слез голосом проговорила Василиса.

От пролившихся слез, она ослабела, губы распухли, и внутри было пусто, словно из нее вынули что – то тяжелое.

«Сегодня ночью я выплакала свою слабость и свою любовь» – подумала Василиса.

Светлана

– Светик, посмотри, что у меня есть, – Павел протянул на ладони маленькую бархатную коробочку.

– Это что? – Света посмотрела красными от бессонной ночи глазами на сюрприз.

Маришка горела, Денис продолжал надрывно кашлять, – за последние сутки женщина смогла поспать рядом с детской кроваткой только пару часов. И сейчас единственное, что могло ее порадовать по – настоящему – это час спокойного крепкого сна.

В коробочке сверкало изумительной красоты кольцо с бриллиантами.

– Паш, это что? – Света не могла отвести глаз от колечка.

– Кольцо, чтобы ты так не скучала. Видишь, тут семь крупных бриллиантов и тринадцать по – меньше. Семь – за каждый день разлуки и тринадцать по количеству прожитых лет.

– Ты специально заказывал?

– Нет, просто так совпало. Так хотелось, чтобы ты не скучала.

– Я даже не представляю, Павлик, как без тебя буду жить. Мы же никогда не расставались, всегда вместе.

– Светик, семь дней надо пережить. Ты точно в своих хлопотах не заметишь отсутствия бойца.

– Откупился, Кротов, значит?

– Попытался скрасить твои одинокие дни. Не тревожь мне душу, Светка, а то я буду думать, что тебе плохо и не смогу сосредоточиться.

– И тогда пробудешь там не семь дней, а все восемь? –

испуганно вскинула на мужа свои большие глаза Светлана.

– Господи, как же я тебя люблю! – Павел подошел, и крепко обняв жену, уткнул нос в ее густые, пахнущие травами, волосы. – Свет, представляешь, меня в магазине продавщица спрашивает: какие камни ваша жена любит, какую форму колец предпочитает? А я стою и думаю, что никогда не дарил тебе никаких украшений: ни колец, ничего, вообще. Прости! А ты никогда и не просила.

– А мне это все и не нужно, правда, Павлуш! В этом мире мне нужен только ты...

– Мам, теперь папа нас бросил? – прохрипела Маришка, когда за Павлом закрылась дверь. – Это все из – за меня?

– Мариш, ну, что ты ерунду говоришь? Папа поехал в наш поселок, соберет вещи и вернется.

– А если бы я не заболела, мы бы туда все вместе поехали и никогда не расставались.

– Увы, Мариш, придется когда –нибудь расставаться. Вы с Дениской вырастите и заведете собственные семьи, вам захочется жить своей жизнью. И вы покинете нас с папой. Мы будем скучать, а вы постараетесь приезжать к нам на выходные.

– Нет, мама, я так не хочу! Мы будем жить все вместе в одном большом доме. Я без вас с папой не смогу и Дениска не сможет, я у него спрашивала.

– Ну, тогда пойдем и нарисуем наш новый дом. Папа вернется, а мы ему покажем рисунок.

Татьяна

Минутная жалость к задержанной сменилась нахлынувшей злобой. Василь Степаныч даже сам испугался: с чего бы вдруг? Но сколько раз он закрывал вот так чистеньких, пахнущих духами нарушителей, которым грозил приличный срок. А через пару часов появлялся солидный дядька адвокат и нарушителя отпускали. Когда под подписку, когда под залог и все.... Считай дело закрыто. Находились свидетели, что именно в момент преступления этот человек лежал в больнице или праздновал с сотней друзей вторую пятницу на неделе, или в театре оперу слушал, и сам Отелло мог за него поручиться.

Нет, уж, пусть теперь сидит эта барынька без телефона, а то сейчас муженька своего вызовет, и будет он тут кулаками стучать. Может, в следующий раз на дороге внимательней станет.

Звякнув замком, стражники удалились, оставив Таню в холодной камере.

«А вдруг Миша вернулся, все осмыслил, и приехал мириться, а меня дома нет. Ведь может подумать, Бог знает что. Вчера пришел такой уставший, расстроенный чем – то, а тут этот конверт. Конечно, любой бы на его месте вскипел. Это хорошо еще, что Миша не ревнивый. Другой, может, и убил, такое увидав».

Таня мысленно поблагодарила Сорокина Колю, что тот посоветовал ей надеть теплые вещи. Сейчас в этой сырой камере, она стала чувствовать, как холод медленно пробирается к ней под свитер, касаясь спины; как холодеют без движения пальцы ног. Решительно поднявшись с ледяной лавки, Таня стала делать энергичные движения руками, топтать ногами, стараясь не делать глубоких вдохов. От неприятного запаха кружилась голова, а может, это от бессонной ночи. На маленьком кухонном диванчике спать было практически невозможно, он был не приспособлен к лежащему положению.

Согревшись, женщина снова села на лавку и попыталась, как то отвлечься от мрачных мыслей. Но память подсовывала ей снимки, словно слайд – шоу, где Таня обнималась с незнакомыми мужчинами. Фотографии были сделаны качественно. На каждой ее лицо было повернуто к объективу. И глаза такие радостные и смущенные одновременно. Ничего не скажешь – встречи влюбленных.

«Интересно, а кто это меня снимал и зачем? – вдруг пришел в голову простой вопрос, который до этой минуты, почему то не возникал. – Кому было нужно очернить меня в глазах мужа? Значит, все эти мужчины были всего лишь нанятыми статистами? И меня никто ни с кем не путал, а просто разыгрывал, чью – то злую шутку. Да и шутка ли это? Как же мне надо поговорить с Мишей! Он все поймет. Может, это, правда, из – за того, что он стал так часто появляться на

экранах и в партию вступил. Сказал, что это его гражданская позиция, и он чувствует в себе силы сделать что – то хорошее для страны. А его, наверное, решили таким образом скомпрометировать, устранить. Скорей бы пришел следователь, я ему все расскажу обязательно».

Таня не могла сообразить, сколько прошло времени. Сумку с телефоном изъяли, а свои дорогие золотые часики – подарок Миши на прошлый день рождения, она надевать побоялась. Мало ли. Окна в камере не было, и определить: ночь сейчас или продолжается осенний день, было невозможно.

Она старалась не засыпать, но глаза, то и дело закрывались, погружая женщину в вязкую глубину сна. Иногда она слышала шаги в коридоре и возникала надежда, что это идут за ней, но шаги проходили мимо, даже не останавливаясь возле ее дверцы.

– Ну, что, Степаныч, отпустил Ганин мою подопечную? – спросил на утро Коля Сорокин.

Но взглянув, как вытянулось лицо Василь Степаныча, как зашевелились его губы в немом ругательстве, как скопились глаза на дорожную кожаную сумку, все понял без слов.

– Ты, что ж ее всю ночь в этой камере продержал?

– Нет, в театр выводил на премьеру, – зло рявкнул Степаныч. Но смягчил тон и добавил уже спокойнее. – Коль, ты не говори никому, а я в долгу не останусь.

– Мне ты ничего не должен, ты лучше ей что сделай, –

махнул рукой Сорокин. – Следователь хоть пришел?

– Пришел, сегодня даже раньше времени, а я вот, все Саньку Мухина сменщика жду. Целые сутки отработал, вторые пошли, а он – огурчик, проспал сегодня. Клялся пиво купить в компенсацию. – Коль, побудь здесь, а я к Ганину с докладом и за потерпевшей твоей, то есть за нарушительницей.

У следователя Ганина всегда было плохое настроение, с таким родился. Ему всегда казалось, что судьба обходит его стороной, в какой бы ситуации он не был. В садике, когда всем ребятам раздавали роли на утренниках, Ганина отсаживали в сторонку – быть зрителем. И в школе, когда учителя вызывали его именно в тот день, когда он не успевал сделать домашнее задание и на экзаменах всегда именно его засекали со шпаргалками и выдворяли из класса. И здесь в отделении всегда все громкие дела доставались другим, и те другие бубнили в микрофоны журналистов, как они ловко раскрыли преступление. А Ганину доставались одни бытовухи и мелкие кражи, о которых даже дома говорить было неловко. Да и домом своим он был недоволен. Галька вышла за него замуж не от большой любви, а просто в Питере захотела остаться, вот и охмуряла Ганина, как могла. А когда он заглотил ее наживку, тут же сообщила ему радостную весть: «Ты, Геночка Ганин, скоро станешь счастливым отцом. И отношения наши следует узаконить, а то она со своим животом пойдет в школу милиции к товарищу командиру».

И что оставалось делать? А с нелюбимой жить – хуже, чем в тюрьме сидеть. Оттуда, по – крайней мере, знаешь, когда выйдешь. А Генка собирался с ребятами в Крым съездить на машине, палатку на берегу моря поставить, как в том фильме с Мироновым. Еще на Севере хотел поработать. Года три – не больше. Заработать себе на квартиру или тачку. Вон, Егор Вязов из соседнего отделения через пять лет приехал и с машиной и с женой – красоткой и квартиру купил. А Генка так и живет с родителями и ненавистной Галиной в тесной двушке.

Хоть бы она встретила кого, да и ушла бы из его жизни. Бывают же чудеса. Правда, не родился еще на свете такой второй идиот, который на Гальку позарится. Ни лица, ни фигуры, один скандал и требования.

Сегодня утром супруга устроила очередные разборки, вовлекая в них и родителей и маленького сына Генку. Ей, видите ли, захотелось дачей собственной обзавестись, чтобы он Генка – старший со своим папашей ей клубнику выращивали, да яблоки. А мать бы всю продукцию на рынке продавала. А то у них в отделе одна тетка так своему сыночку комнату купила, да еще и витаминами его снабжает. А родители Ганины только о себе думают.

Противно Генке стало и перед предками неудобно, хотя они и не такое от невестки слышали. Он даже завтракать не стал, из дома вышел и дверью посильнее хлопнул. Теперь голодный и злой вынужден сидеть за маленькую зарплату.

Невеселые размышления прервал Василь Степаныч. Остановившись в дверях забубнил что – то про случай о сбившей тетке, о котором им из больницы звонили и куда Ганин все не находил время съездить.

– Ну, что ты там шепчешь, Степаныч?

– Докладываю: сержант Сорокин доставил задержанную, сбившую по приметам женщину.

– Откуда эта задержанная нарисовалась?

– Ну, так нам же номер машины сообщили свидетели, – пришла очередь удивляться Степаныча. – Пробили по базе, Сорокин съездил к ней домой, на «Мерседесе» вмятина. Полная картина.

– А ордер на задержание кто выписывал?

– Ордер?! Да можно ж на сорок восемь часов и без ордера?

– Вы что с ума посходили? – рявкнул Ганин. – Да нас самый захудалый адвокатишка сам в тюрьму закроет. А Сорокина этого в институте ничему еще не научили? Где эта задержанная? Пусть войдет.

– Я сейчас за ней сбегаяю, – слегка присел Степаныч.

– Вась, куда сбегает? – Странно улыбаясь, спросил Ганин.

– В камеру, – тихо, одними губами прошептал полицейский.

– Вася, скажи, что ты пошутил. И что вы не держали ее в камере всю ночь.

– Я сейчас, Гена, ты не волнуйся, она тетка тихая, буянить

не будет.

Таня робко вошла, щурясь на яркий свет, горевший в кабинете следователя.

– А сколько сейчас времени? – задала она простой вопрос.

Но следователь, дернув головой и скривившись, как от зубной боли на него не ответил, а молча, показал на стул, предложив, таким образом, присесть.

– Гражданка... Пупсоева? – странно воскликнул следователь. В этом возгласе Тане показался не то вопрос, не то трагизм.

«Может, он что – то знает о Мише?»

– Да, я Татьяна Пупсоева и мой муж Михаил Пупсоев. Вы что – то знаете о нем?

«Сорокина убью. Совсем страх потерял. Соображать надо кого в отделение приводить», – думал несчастный Ганин. Михаила Пупсоева он часто видел по телевизору. Отцу всегда нравились его умные, продуманные выступления. И вот теперь Геннадию придется лично с ним встретиться.

Но, решив делать хорошую мину при плохой игре, Ганин начал свой допрос, стараясь не глядеть на грустную, ссутулившуюся фигуру симпатичной женщины всем своим видом выражающую покорность.

«У Гальки никогда такого вида не было, ее никогда не хотелось пожалеть, приласкать и защитить. А эту бы заслонил своим телом, если бы в нее вдруг кто стрелять стал. И чего

я ее с Галиной вдруг сравнивать начал?» – одернул сам себя Ганин.

– Гражданка Пупсоева, вы признаете тот факт, что совершили наезд на гражданку Демидову и скрылись с места преступления, не оказав пострадавшей помощи?

– Нет, не признаю, – пожал плечами, ответила Пупсоева.

– Не признаете, – кивнул Ганин и что – то отметил в своем протоколе. – А как вы объясните тот факт, что на вашей машине наш сотрудник обнаружил вмятину? И имеются свидетели, которые видели, как вы скрылись с места преступления.

– Простите, я не могу ничего вам объяснить. Но я точно знаю, что не совершала никаких наездов.

– Против фактов не пойдешь.

– Я могу вам рассказать о странных вещах, которые творятся вокруг меня, и может, это все звенья одной цепи? И вы поможете мне разобраться?

Василиса

После той ночи Кирилл пропал. Ушел утром из дома, стараясь не глядеть Василисе в глаза, и больше не возвращался. Только оставил записку, что собирается уехать на поиски пропавшего счастья и попросил, чтобы Василиса не вычеркивала его из своей жизни, оставила шанс.

«Как все просто у него, – отстраненно подумала Василиса,

читая записку, – одну жизнь сломал, уехал новую искать. А как мы будем существовать, это его мало волнует. Главное – найти себя, снова быть на вершине...»

Но что – то и в ее душе произошло, – Василиса вдруг встрепенулась, по – иному стала смотреть на свою жизнь. Сашку, словно расколдовали, так и льнула к матери, постоянно напевая арии из опер. Голос у нее действительно был красивый, редкий.

Однажды Василиса перед ноябрьскими праздниками привела дочку в Красный уголок и попросила немного спеть для своих стариков. Сама она каждый день устраивала им музыкальный час.

Старики рассаживались на удобные бархатные кресла – подарок малого зала Консерватории, которые Василиса отбирала лично, заодно приняв в дар выгоревшие тяжелые портьеры. Комната преобразилась неузнаваемо и стала пользоваться популярностью среди местного населения. Сюда заглядывали даже те, кто старался не покидать своих комнатушек, проклиная свою жизнь и весь белый свет.

– Василиса, какое провидение прислало тебя в наш уют? – радовалась Виолетта Бенедиктовна. – Ты за три месяца сделала с ними то, что я не могла годами. Ты возвращаешь в наш дом радость, старики мои начали общаться, на их лицах появились улыбки, а это настоящее чудо.

– Наверное, это не я, Виолетта. Это – музыка!

– Господа, знакомьтесь, это моя дочь Александра. Она исполнит для вас несколько романсов. – Представила смущенную Сашку Василиса. – У нее сегодня дебют.

Ванечку в честь выступления сестры причесали, нацепили на рубашку галстук – бабочку и посадили в первый ряд – такого важного и смешного.

Все затихли, с ожиданием глядя на ершистую девочку – подростка в синем платье.

И Саша запела красивым звонким голосом: «Лишь только вечер затемнится синий...»

Она пела, прикрыв глаза и полностью отдаваясь музыке. Было странно, что из худенького тела выходят такие красивые взрослые звуки, что девочка владеет своим голосом так, словно с ней занимались лучшие педагоги в течение нескольких лет.

Василиса тихо аккомпанировала дочке, наслаждаясь ее пением и ощущая, как зрители в восторге затаили дыхание. Все кресла были заняты, в дверях стояло несколько человек, среди которых Василиса с удивлением узнала маму.

Аплодисменты и крики «Браво!» заставили Сашу еще больше смутиться. Она тоже узнала бабушку и подбежала к ней, спрятав в пушистый воротник свое покрасневшее лицо.

Поверх внучкиной головы на Василису смотрели лучистые светлые глаза:

– Какая же она у нас умница! И ты – умница, – тихо с

нежностью добавила мама.

А Сашку поздравляли со всех сторон улыбающиеся старики, говорили, что никогда не слышали такого дивного голоса, такого пения и все советовали ей обязательно заняться музыкой, развивать свой талант.

– Кстати, о таланте, – гордо глядя на внучку, сказала мама, – Василиса, я пробила для нашей девочки место в школе при консерватории. Будет у меня на глазах. И музыке учиться и другие предметы там на уровне.

– Ага, математика с музыкальным уклоном, – кивнула Василиса.

– Мам, ты, что против? – испуганно прошептала Сашка. – Я всегда мечтала ходить в ту школу.

– Мечты должны сбываться, – улыбнулась Василиса.

– Ура! – закричала Сашка своим красивым меццо – сопрано.

Татьяна

– Гражданка Пупсоева, я сейчас не понял, вы заявление хотите оставить, чтобы мы разобрались с вашими фотографиями? – Ганин уже был не рад, что позволил этой Пупсоевой рассказывать о своих проблемах.

– Я не знаю, – пожала плечами Таня. – Я не знаю, что мне с этим делать.

– Ваш наезд с фотографиями никак не связан.

– А вдруг связан? – Таня даже подалась вперед и легла грудью на стол следователя.

– Будем разбираться, – нахмурился Ганин.

«А вдруг это и, правда, как то связано, только не с ней, а с ее мужем? И дело это может стать политическим». – У Ганина даже в носу зашекетало, как у гончей, от предвкушения интересного дела, которое его, может, и прославит.

– А пока вы разбираться будете, я могу домой вернуться?

Ганин с тоской подумал, что еще не опрашивал потерпевшую и не помнил, куда дел телефон свидетеля, который сообщил о месте преступления.

Чтобы отпустить под залог, надо завести дело, а его – то, как раз и нет. Поторопился Сорокин доставить подозреваемую.

Видя, что лицо следователя выражает крайнюю степень задумчивости, Таня решила надавить:

– Меня можно выпустить под подпись или под залог. Да! – воскликнула она громко, заставив следователя выйти из мрачных дум. – У меня есть право на телефонный звонок. Мне сказал тот усатый дядечка, что сидит в будке.

– Степаныч...

– Точно, Коля Сорокин называл его Степанычем.

– А вы знакомы с Сорокиным? – удивился Ганин.

– Только шапочно, – махнула рукой Таня. – Из мультика.

Так я могу позвонить?

– Адвокату? – насупился следователь.

– Нет, мужу.

«Еще лучше. И на фига мне это политическое дело? Уж, лучше тихо разбираться со своими бытовухами.»

– Звоните, право имеете, – кивнул Ганин.

Таня порылась в сумке, которую принес Степаныч, вытащила из нее на свет божий смартфон и с грустью заметила, что он полностью разрядился. Ганин, откинувшись на спинку стула, спокойно наблюдал за происходящим. Заметив ужас на хорошеньком личике женщины, молча, пододвинул к ней свой старую потертую трубку, ожидая продолжения. Мало кто может вспомнить на память список своих контактов, но эта уверенно стала стучать по кнопкам.

Телефон мужа, по – прежнему, был «вне зоны доступа», что еще сильнее взволновало Таню.

«Так, свекрови звонить не стоит – и не поможет, и позора потом не оберешься. А кому я могу еще позвонить? – задумалась Таня. – У кого попросить помощи? Василиса? Но она далеко, а других подруг у меня и нет». Стало так грустно, что она такая одинокая, да еще и в тюрьме находится.

– А какая сумма может служить залогом? – покосившись на следователя, уточнила Татьяна.

– Ваше преступление классифицируется, как тяжкое – не оказание помощи – значит, не менее ста тысяч. А может, и того больше. Вдруг, та женщина умерла. Говорили, что у нее множественные травмы.

На глаза навернулись слезы, Таня даже разозлилась на се-

бья: действовать надо, соображать, помочь не кому, а тут слезы вытекают. Вздохнув, и проглотив подступающие слезы, не дав им выйти на свободу, она набрала номер Василисы:

– Вась, я понимаю, что ты далеко, но, может, ты сможешь попросить кого – то из своих друзей, чтобы они привезли за меня выкуп в полицию. Я только доеду до дому и сразу же им верну.

– Таня, это ты? – в испуге прокричала Василиса. – Что случилось?

– Говорят, я сбила человека, правда, сама я этого не почувствовала. И теперь меня могут выпустить под залог в сто тысяч. Вась, мне больше не к кому обратиться. Миша пропал, как назло. Ты мне pomoжешь? Когда надо привезти деньги? – обратилась Татьяна к следователю, с интересом разглядывающего Таню.

– Гражданка Пупсоева, а что это вы развили такую бурную деятельность? Вам вынесли постановление? Я лично вам что – то предлагал?

– Василиса, прости, я тебе перезвоню, – пискнула в трубку Таня.

Василиса

«Сто тысяч! Сто тысяч! Сумасшедшие деньги. И где теперь такие взять?» – Василиса с остановившимся взглядом смотрела в окно.

– Василиса, у вас что – то случилось? – дородный старик, тяжело опираясь на палку, внимательно вглядывался в лицо женщины.

– А? Спасибо, все хорошо, – кивнула Василиса. – Подруге помочь надо. И я, кажется, знаю как.

Василиса побежала домой и осторожно вынула из своего тайника за половицей единственное оставшееся у нее сокровище – кольцо с розовым бриллиантом.

– Я тебя не отдам, моя прелесть. Мы только поможем одной хорошей женщине, моей подруге, а потом я тебя обязательно заберу.

Василиса даже не стала надевать кольцо, хотя ей очень хотелось, боялась расплакаться.

В ломбарде, каких в районе было много, молодая девушка равнодушно взглянула на перстень:

– Пятьсот рублей.

– Что? – переспросила Василиса. – Девушка, вы, наверное, не понимаете. Это очень дорогое кольцо, с редким бриллиантом. Оно стоило пять миллионов, а я прошу за него только сто тысяч. И я хочу только оставить его на время, я обязательно заберу его завтра или послезавтра.

– Женщина, это вы, наверное, не понимаете. У нас серьезное учреждение и за обычное стекло никто вам не даст больших денег. Сто тысяч, скажете! – хмыкнула девица.

– Стекло говорите?

Василиса даже не помнила, как доехала до «Горьков-

ской», где жил «домашний» ювелир, как называл его Кирилл.

Дверь долго не открывали, но после того, как Василиса, оставив дверной звонок в покое, принялась стучать ногой и кричать, чтобы Давид Моисеевич немедленно открыл, слышался лязг замков.

– Добрый день, – поклонился ювелир, – извините, Василиса, не узнал сразу. Вас так давно не было видно в моем доме.

Рот старика улыбался, а глаза смотрели настороженно; внимательно исследовали легкое пальтишко, практичные ботинки на толстой подошве. От былой красоты остались только шикарные волосы и достаточно молодые годы.

– Давид Моисеевич, у меня к вам дело.

– Слушаю вас, Василиса. Колечко хотите заказать или кольцо?

– Нет, наоборот. Хочу вернуть ваше кольцо. То есть мое, но которое вы делали. Вот. – И Василиса протянула на ладони кольцо с розовым бриллиантом.

Ювелир при виде драгоценности вздрогнул и зажевал старческими губами:

– Не понимаю.

– Нет, вы все прекрасно понимаете. А вот я, хотела бы разобраться. Мне сегодня сказали, что это вовсе не бриллиант, а обычное стекло. И за это стекло мой муж заплатил вам пять миллионов. Вы даже хотели больше, говоря, что это

очень редкий и чистый камень, и вы заказывали его в ЮАР. И как вы сможете это прокомментировать?

– Ваш муж мог подменить камень. У вас, кажется, материальные трудности?

– Это сейчас ни при чем.

– Именно, что причем, именно. Камень подменили, настоящий продали, вот вам и сказали, что это стекло.

– Нет, это ерунда. Кольцо было у меня все время, еще до того, как... все произошло. Кирилл не мог. И вы даже не хотите на него взглянуть? Не хотите, потому что знаете, что это подделка?

– Вы пришли в мой дом, чтобы оскорблять меня? – повысил голос ювелир. – А потом, даже если я подтвержу, что это стекло, что это изменит? И как вы можете это доказать, милая дама?

– Никак. Это вы можете сами убедиться, что камень никто не менял, не вынимал из вашей оправы. Ведь работу то свою вы узнаете?

– Без сомнения. Таких, как я уже почти не осталось в Петербурге. Старая школа.

– Ну, посмотрите же!

– Если работал хороший профессионал, по крайней мере, аккуратный, то следов практически остаться не должно. Это вам не отмычки дверные, следы искать.

– Ну, взглянуть то вы можете?

Ювелир вставил в глаз болтающуюся на цепочке лупу, и

пошел к свету.

– Мог и не смотреть. И так все ясно. Оправа моя. А в оправе, – еще один быстрый взгляд на Ваську, – в оправе стекло. Ничем помочь не могу.

– Тогда купите у меня эту оправу, – жалостливым голоском, от которого самой стало противно, попросила Василиса.

– Ну, если только, как золотой лом... – мохнатые брови задвигались на крупном лице, – старого Давида все так и норовят обмануть, только Дава никого обмануть не может. Потому что не умеет. Я дам вам пятнадцать тысяч.

– Сорок! Это же уникальная работа и к тому же платина!

– Это мне в убыток, – пожевал губами ювелир.

– Не думаю, Давид Моисеевич.

– Я могу дать вам только двадцать тысяч и ни рублем больше, – прокаркал старик.

– Двадцать нас не спасут. Оставлю на память, – произнесла Василиса и резко развернувшись, покинула квартиру ювелира, куда так любила приезжать вместе с Кириллом.

Давид Моисеевич тяжело опустился на старинный кожаный табурет и прошептал: «Жадность никогда не приносила мне доход. Надо было заплатить ей сорок тысяч. Старый я дурак». Но Василиса всего этого уже не слышала.

«Просто прощание с иллюзиями, – подумала она, выходя на гудящий проспект. – Странно, но я, ни о чем не жалею. Надо бежать к Танюшке, может, можно что – нибудь сделать без ста тысяч. Я могу за нее поручиться. И сегодня я расска-

жу ей все про мою жизнь. Не буду больше врать и прятаться».

На улице бежали люди с озабоченными лицами, со своими делами и проблемами. Первые легкие снежинки упали с тяжелого серого неба. Василиса поймала одну языком и подмигнула смешному мальчишке с россыпью рыжих веснушек на курносом носу.

Светлана

– Мам, давай к нашему дому еще приисуем помещение, – в комнату вбежала Маришка с листом ватмана в руке, на котором рос и ширился индивидуальный проект семейства Кротовых.

– Цель назначения?

– Что? – переспросила Маришка.

– Для чего тебе еще одно помещение? Вон, какой он у нас широкий получился.

В обсуждение проекта включилось все многочисленное семейство, включая бабушек. Каждый высказывал свое тайное пожелание. Получалось, что о большом доме мечтали все, и сейчас торопились высказать свои пожелания, чтобы успеть до приезда Павла. Словно в день его появления начнется грандиозное строительство.

– Я сегодня в школе случайно узнала, что у одной нашей девочки дома живет морская свинка. Ну, очень славная! Она даже свистит по утрам и будит девочку в школу.

– И что? Ты предлагаешь построить для морской свинки большую комнату?

– Ну, я подумала, что вместе с ней у меня уже будет собака и хомячок и котенок и, если папа разрешит, рыбки в аквариуме. А с морской свинкой это уже перебор получается для одной моей комнатки?

– Марин, а ты не хочешь уменьшить свой зоопарк? – строго спросила Светлана.

Она понимала, что зря раздражается на дочку. И весь этот проект – это просто игра, чтобы занять чем – то мысли, пока нет рядом Пашки. Но с самого утра не могла успокоить волнение.

«Как перед свиданием, – улыбалась она про себя. – Это, потому, что мы с ним долго не расставались. Жили себе вместе, притерлись друг к другу, а сейчас даже холодно без него. И так пусто! А ему там, наверное, и скучать было некогда. Дела сдавал, вещи наши собирал. Надо было с ним поехать, помогла бы. Маришка, на следующий день уже здорова была. Как специально, что – то меня дома удерживало».

Света взглянула на себя в зеркало и нахмурилась: «Муж завтра придет, а я словно кирпичи на стройке таскала. Волосы потускнели, руки красные, щеки ввалились, – надо сходить почистить перышки в парикмахерскую».

– Ладно, милая, рисуй свой свинарник, а я побегу красоту наводить к папиному приезду.

– Я тоже хочу, – запрыгала девочка.

– А ты у нас и так самая красивая, – закружила дочку по комнате Светлана.

– А мне одна девочка в нашем классе сказала, что я похожа на моль, – грустно прошептала Маришка.

– Глупости, какие! Скажи ей, что ты – Снегурочка самая настоящая. И на Новогоднем утреннике будешь помогать Деду Морозу.

– Снегурочка?! – Маришка сделала большие глаза и, взглянув на свое отражение в зеркале, выпрямила спину и гордо вскинула белокурую головку. – А Денис тогда кто?

– Денис? Снеговик, только очень маленький из первого снега.

Василиса

– Почему мне кажется, что вам нужна именно моя помощь? – раздался сиплый голос.

Грузный старик с эффектной тростью смотрел на нее суровым взглядом, хмуря седые брови.

Василиса даже вспомнила его имя – Владилен. В последнее время он стал заглядывать в красный уголок, хотя раньше она его там не замечала. Он почти не выходил из своей комнаты; сидел на стуле, повернувшись к окну.

Виолетта сказала, чтобы Вася его не трогала: «В лучшем случае не ответит».

– А в худшем?

– В худшем – может послать.

– Он производит впечатление успешного господина, эдакого барина: фигура, стать, взгляд волевой. А что за трагедия привела его в наш приют?

Виолетта скривила рот, отчего на ее правой щеке появилась ямочка, она не любила когда называли приютом дом престарелых.

– Да он таким и был. Знаменитый адвокат. На процессы с его участием приезжали посмотреть из других городов.

– И как он у нас оказался? – Василиса даже перестала жевать яблоко.

– Как и большинство наших подопечных. Дети сдали.

– Не может быть? Такую важную персону! А как он сам это объясняет?

– Ты что? Я к нему даже не подходила с таким вопросом. Пока сам не захочет рассказать, как все тут. А такой, как он, вряд ли будет рассказывать. Он целый год вообще из своей комнаты не выходил, на кровати лежал. Но кое – что я узнала. Банальная история, в общем – то. Известный адвокат влюбился в молоденькую подзащитную, оставил больную жену, детей и бросил все свои сокровища к ногам преступницы. Снял с нее все обвинения, купил дом в солнечной Италии и собирался начать новую жизнь с молодой женой.

– А она обобрала его до нитки и кинула, – продолжила Василиса.

– Она пыталась его отравить, но организм у нашего ста-

рика оказался крепким, пострадали только голосовые связки. Когда он тихо говорит, это еще терпимо, а вот громким голосом произносить речи уже не в состоянии.

– Ужас, какой!

– Жена его умерла, дети поделили квартиру, и измены отца не простили. Так, что он из больницы прямиком в наш дом и оформлялся.

– Владилен Львович, вы – моя последняя надежда, – Василиса с отчаянием смотрела на старика. – Моя подруга сейчас в тюрьме, а у меня нет денег на выкуп. Может, подскажите, что можно сделать.

– Позвольте вас сопровождать. Разберемся на месте.

– Васька, ты приехала из – за меня? Бросила детей, свою Испанию, – расплакалась Таня, когда увидела подругу в компании статного старика.

– Я тебе потом все расскажу, Танюш. А сейчас давай про твое.

– Вы, барышни, подождите меня здесь, – просипел Владилен Львович, – а я пообщаюсь с властями, полистаю дело.

Статной походкой старик прошел в кабинет, оставив притихшее окружение. Через десять минут он вышел той же царственной походкой в сопровождении красного Ганина и с бумагой в руках:

– Пройдите в кабинет, гражданка Пупсоева.

В кабинете Ганин попросил Таню оставить список всех

адресов и телефонов, по которым ее можно будет найти и извинился за задержку.

– Вы можете быть свободной.

– Совсем свободной? – обрадовалась Татьяна.

– До выяснения... – пробурчал Ганин.

– Что вы ему сказали? – обратилась с восторгом Таня к Владилену Львовичу.

– Разбил его доказательную базу, – просипел старик с улыбкой. – Да и базы то никакой не было. Он до сих пор не опросил потерпевшую, представляете? Даже не знает точно, в какой она больнице. Все доказательство – это звонок анонимного свидетеля. Бред! Кто так работает?

– Я такая голодная, – простонала Таня. – Давайте пойдём куда –нибудь поедем. Я угощаю. А то я ничего не соображаю.

Они перешли улицу и неспешно пошли вдоль сквера с прозрачными деревьями. Холодный ветер работал всю ночь, старательно приводя город в порядок, снимая с веток все желтые сухие листья. Те грустно падали на землю, укрывая ее своим тяжелым покрывалом.

Танюша представила, как хорошо и уютно сейчас дома, захотелось туда, на свою кухню. Надеть Мишину старую рубашку и готовить ему что –нибудь вкусное на ужин, а после рассказывать обо всем, что с ней произошло.

– Вась, дай телефон, пожалуйста, – Таня даже остановилась посреди улицы, – мой разрядился, а Миша ничего не

знает.

Василиса протянула свой телефон и с удивлением посмотрела на подругу.

– Вась, но у тебя он тоже разрядился! – чуть не заплакала Татьяна. – Ладно, наверное, надо говорить, глядя в глаза, а не по – телефону. А вот и ресторанчик и как раз то, что надо. Обожаю грузинскую кухню.

В помещении было тепло, горел живой очаг, пахло приправами. Уютно устроившись за столиков в углу небольшого зала, Таня со своими спутниками заказали настоящий пир: хачапури, пхали, бастурму и люля – кебаб.

– Как давно я не посещал подобные заведения в компании таких прекрасных дам, – улыбнулся адвокат.

– Да и мы сюда давно не заглядывали, – тихо добавила Василиса. – Танечка, я должна перед вами извиниться.

– За что, Василиса? Я тебе так благодарна, – Таня уже откусывала приличный кусок от горячего хачапури.

– За то, что скрывала от вас свою жизнь, точнее, то, что произошло с моей семьей за два года. Что живу сейчас в спальном районе на съемной квартире и работаю в доме престарелых и еще успеваю наводить порядок на кухне в детском саду, куда моего Ваню взяли из жалости ко мне. Кирилл потерял свой бизнес и уехал в неизвестном направлении, и от него нет никаких вестей. Единственная светлая новость в моей печальной истории это то, что у Сашки обнаружился редкой красоты голос, и она теперь учится в школе при на-

шей Консерватории. Так что скоро фамилия Юрьева вновь будет звучать на всю страну.

– Вась, а почему ты нам не говорила? Мы с Мишей могли бы вам помочь. Так, сегодня же переедешь с Ванечкой к нам и...

– Нет, Танюшка, спасибо. Но я уже привыкла к своей новой жизни и даже нахожу ее в чем – то привлекательной. Она простая и понятная. Не надо ни перед кем играть роль. У нас все хорошо, правда.

– Как интересно, – просипел Владилен Львович. – Жизнь зачем – то дала нам с вами посмотреть ее обратную сторону. Сначала вознесла до небес, а потом сбросила к подножию. Не ценили мы ее что ли? Или ошибок много совершали? Ну, мне, то понятно. Я иногда таких особей возвращал в общество – самому неприятно становилось. А ну, как встречу одного из них в темном переулке?

– А зачем вы это делали? – спросила поникшая Танюшка. – Мне всегда было интересно, как можно защищать преступников.

– Работа, девушка. Да и преступники разные бывают: кто – то попадает в такие обстоятельства, что не убить просто невозможно, кто – то совершает преступление от слабости. А тех, у кого души нет – я не брал.

– А как же – не убий? Это же один из смертных грехов, а вы говорите – обстоятельства, – не унималась Татьяна.

– А это, девушка, не моя епархия. Это высший суд, там

свои адвокаты и обвинители.

– Может, мне самой найти ту, которую я сбила? – задумалась Татьяна. – Но я честное слово не почувствовала, ни удара, ни столкновения. Да и скорость я на том участке не превышаю никогда. Там такое место – все ползет медленно, подряд два перекрестка, светофоры, дорога узкая. Какая, уж скорость.

– А почему вы так уверенно говорите именно о том месте? – поинтересовался Владилен Львович.

– Мне следователь сказал, – пожала плечами Таня.

– Вам я советую ничего не предпринимать и с потерпевшей не встречаться. Уж, поверьте старому бывалому адвокату. А вот следователь ваш должен был уже опросить ее и в протокол занести. А то... – старик скривился и махнул рукой.

– Владилен Львович, а у вас книги есть? – вдруг оживилась Василиса.

– Какие именно вас интересуют?

– Ваши, которые вы написали? У вас же такой опыт, есть чем поделиться с молодыми юристами.

– Много раз планировал сесть за воспоминания. Но, то времени не было, то личная жизнь мешала, потом настроение не позволяло...

– А сейчас? Сейчас у вас найдется время для своих мемуаров, а я помогу вам их издать. Мне кажется, это будет интереснее детективного романа!

– Вы так думаете? – оживился старик, и глаза его оживились.

Татьяна

Таня поехала домой на маршрутке, мечтая скорее оказаться на своей кухне.

«Как же Василиска может жить, потеряв свой любимый дом и Кирилла, и жизнь свою, по сути? Я бы так не смогла, умерла бы сразу на пороге, только бы не расставаться с Мишей, с дорогим моему сердцу домом».

Таня поежилась, вспомнив рассказ подруги. Но поговорить они так толком и не смогли. Как то неудобно было в присутствии постороннего человека обсуждать, спрашивать и причитать.

«Как же Кирилл не удержал свой бизнес? Он всегда был таким уверенным в делах, знал в каком направлении нужно двигаться, каких подводных рифов опасаться. И Миша ничего не говорил. Неужели не знал? Странно!»

В маршрутке было шумно: молодой узбек громко говорил на своем языке по телефону, чему – то радостно улыбаясь; два школьника постоянно закатывались в звонком смехе, вызывая улыбки окружающих. Хмурые лица пассажиров разгладились, став не такими напряженными. Таня тоже засмотрелась на мальчишек и проехала свою остановку.

Возвращаться пришлось через грязное, раскисшее поле.

Сапожки увязали во влажной земле, и каждый шаг давался с усилием. Но вот она увидела светящиеся окна своей кухни и словно кто – то вдохнул в нее свежие силы. Идти стало легче, она почти побежала в свою горку, забыв о потяжелевших от грязи сапожках.

«Вот интересно, Миша предпринял, какие – нибудь попытки, чтобы разыскать меня? Наверное, с ума сходит от неизвестности».

От нетерпения она даже не стала искать ключи в своей сумке, а нажала кнопку звонка и давила на нее, вглядываясь с надеждой в светлые окна и ожидая скорее увидеть своего ненаглядного Пупса. Но проходили минуты, а Пупс не появлялся и никто не появлялся. Это было странно, потому что за шторами двигались тени, в доме явно кто – то был.

Порывшись недолго в недрах любимой сумки, Таня извлекла на свет ключи и дрожащими руками, принялась справляться с непослушным замком. Калитка покорилась, пропуская хозяйку, входная дверь в дом была не заперта.

Таня вошла в прихожую и остановилась, удивленно глядя на вешалку, на которой висело женское пальто с клетчатой подкладкой; стены дома содрогались от громких звуков музыки. Дом возмущенно гудел, он не привык к подобным проявлениям меломанства. Да и шансон они с Мишей не особо жаловали. Могли что – то послушать, но чтобы так громко и в таком исполнении...

На кухне лилась вода и Таня направилась туда, уже поба-

иваясь, что может там увидеть.

Прямо посреди ее любимой светлой кухни стояла Настя Сварова с бокалом красного вина. На ней была только белая Мишина рубашка с золотыми запонками и... все. Распушенные густые волосы рыжим облаком закрывали плечи, на губах алая помада, глаза подведены и сияют.

Таня стояла поникшая, с грязной головой. Ей казалось, что все запахи камеры просочились в ее поры и сейчас дружно устремились на волю, перетекая поближе к этой красавице.

– Интересно, что ты тут делаешь? – задала Сварова странный вопрос.

– Это я у тебя хотела спросить, – проговорила Таня охрипшим голосом и с тоской подумала, что в ванну она попадет не скоро.

– Мы тут живем с Михаилом, – пожала плечами Сварова, словно это и так ясно.

– Что происходит? Это я тут живу с Мишей. Как ты сюда попала?

– Попала просто – меня Михаил впустил, кстати, оставь мне ключи, пока я не сделаю себе комплект.

– А куда вы меня определили? – Таня не могла справиться с дрожью от возмущения и нелепости происходящего.

– Михаил сказал, что ты сбежала с любовниками. Почему то он говорил во множественном числе. Ты же знаешь, Серова, мы с Михаилом давно любим друг друга. Иди к своим

мужикам и оставь нас в покое. Если бы не ты тогда, со своими утешениями, Михаил бы подождал меня пару лет и жили бы мы с ним счастливо.

– Это Миша тебе сказал? Сам?! – Таня даже почувствовала, как сердце ее выпадает из груди.

– Да об этом даже говорить не стоило. Так что иди, Серова, и утешься в объятиях своих пылких любовников.

– Я хочу, чтобы Миша сам мне об этом сказал.

– Хочешь, слез, истерик, горьких прощаний? Или раздела имущества? Бери, что хочешь. Думаю, Михаил не будет против. Хотя... кто знает? Захочет ли он, чтобы твои мальчишки пользовались его вещами.

– Не надо мне ничего, – прошептала Таня. – Я возьму только свои вещи.

– Ну, так, то правильно. Выпить хочешь? – протянула Сварова свой бокал.

Но Таня уже поднималась на второй этаж, где была спальня. Там царил порядок, Таня даже удивилась, ожидая увидеть разобранную постель. Но все было так, как оставила сама хозяйка. И аккуратно застеленная кровать и три подушки, лежащие именно так, как раскладывала их Таня. Вздыхнув, женщина прошла в гардеробную и уложила в большую дорожную сумку необходимые вещи.

«Интересно, смогу ли я после забрать еще что – то из своей одежды или меня больше не пустят на порог этого дома? Десять минут назад я считала этот дом своим. Надо же,

как интересно получается. Как там сказал Владилен Львович: жизнь показывает нам свою изнаночную сторону? Видно и я это заслужила. А идти мне куда теперь?»

Уложив свой скромный гардероб, Таня задержала взгляд на вазе, которую они с Мишей купили в Риме несколько лет назад.

Они тогда бродили по сказочному, напоминающему огромный музей городу и не могли им насладиться. Каждое здание, каждый камень тут дышал историей, имел свою тайну. Среди толп туристов бродили гвардейцы Ватикана в своих красочных одеждах, сновали в сутанах священники и монахини. И не понятно было, что это все вокруг тебя: реальность или декорации, спишь ты, или наяву все это видишь?

Вазу заметила Таня в витрине маленькой лавочки и, не раздумывая, решила ее купить. Она была небольшая, но тяжелая, с красивым названием: «Кристалл Леонардо». Когда на нее попадали лучи солнца, то темное стекло преображалось, словно оживало, расцветивая пространство вокруг разноцветными лучиками.

– Знаешь, Миша, – сказала тогда мужу Татьяна, – она похожа на мою душу. Без тебя на душе моей серо и уныло, а когда ты рядом, и смотришь на меня, то душа моя расцветает и превращается в такие вот цветные капли.

– Ну, глупыш, кто же сравнивает душу с вазочкой? – глядя на жену с улыбкой, заметил Михаил, и прижал ее к себе крепко, крепко. – Я всегда буду тебя любить, чтобы ты была

как радуга. Договорились?

А Таня тогда расплакалась от счастья, так это трогательно прозвучало.

А теперь им с вазой надо уходить. А, может, лечь на пороге дома и умереть? Жить то, как дальше?

Таня спустилась вниз, сумка получилась тяжелой и оттягивала руку.

– Ты там лишнего не прихватила? – улыбнулась Настя. – Я конечно, не против, но вдруг Михаил огорчится.

– Обыскать хочешь? Я взяла только свои вещи, тебе они будут велики.

– Вот, уж, чего не хочу, так это твоих убогих вещей. Видела я, в чем ты ходишь. Секонд хенд, какой – то!

Таня надела свое пальто и вышла из дома. В тайне она надеялась, что сейчас подъедет Миша и скажет, что все это недоразумение. И он не знает, как Сварова попала в их дом, и он сходил с ума, не представляя, где может быть Таня. Но тянулись медленные минуты, а Миши все не было.

Таня постояла еще какое – то время на крылечке, прислушиваясь к мирным звукам поселка: где то заливался радостным лаем сторожевой пес, заметив машину хозяина; где – то устало хлопнули дверцы автомобиля; молодая мама вышла на улицу с ребенком и заворковала, загулила над ним, как голубка.

– Серова, ты иди, давай, нечего тут стоять. Я терпеть не могу семейных скандалов. Да и Михаилу, думаю, это здоро-

вья не прибавит. Ты же знаешь, у него сердце. Между прочим, посадил его в разлуке со мной.

Таня хотела сказать, что Миша не любит, когда его называют полным именем, но передумала. «Пусть терпит, раз он променял меня на эту Сварову».

Доехав до метро на той же маршрутке, Таня зарядила свой мертвый телефон в ближайшем кафе – за пятиминутную зарядку, пришлось взять теплый жидкий кофе – и набрала единственный номер, по которому ей могли оказать помощь.

... А Михаил возвращался домой и чувства тихой радости, сменялись щемящей болью и горечью. И он сам не мог понять тянет ли его домой, где ждет его другая. Та, которую он обожал до головокружения, и которая так спокойно покинула его, променяла на перспективного хоккеиста. Или ему хочется, чтобы вышла из кухни уютная, мягкая Танюшка в его клетчатой рубашке и улыбнулась ему, и подбежала, подставляя теплую щеку для поцелуя. Как светло было в их мире, как радостно было быть вместе, как тепло и надежно.

Но это он так думал, а Татьяна, его преданная Татьяна, крутила романы на стороне. Провожая его, тихой овечкой уезжала на встречи со своими мужиками.

«Вот отчего так больно внутри, почему не хочется переступить порог дома. И жить там больше не хочется в этом доме. Грязный он, что ли стал?»

Ярким светом горели все окна дома, кто – то хрипло пел

гнусявым голосом о тяжелой доле.

«Что это? Моя новая жизнь? – подумал Михаил, оглядываясь в прихожей. – Нет, не новая, а нынешняя».

Навстречу вышла прекрасная рыжеволосая Настя, обдав его запахом вина и терпких духов. Михаил даже попятился, так защекотало в носу от этих ароматов. Красный накрашенный рот ловил его губы для страстных поцелуев. Страстных поцелуев, в общем – то не хотелось, хотелось мягкого прикосновения к теплым плечам в клетчатой рубашке.

«Наваждение, какое – то! – разозлился на себя Михаил. – Передо мной стоит женщина, о которой я мечтал много лет, по которой сходил с ума, боясь назвать ее именем жену. Она в моих руках, как жар – птица. Но мне, почему – то, грустно».

Он слегка отстранился от Насти.

– Прости, дорогая, я сейчас только переоденусь, – смущенно уточнил он.

– Мне подняться с тобой? – изогнула свою совершенную бровь жар – птица.

– Потом, ладно? – окончательно смутился Пупсоев, чувствуя, как краска заливает его пухлые щеки. – А Таня не звонила? – беспечно спросил он.

– Никто не звонил. А ты скучаешь по своей изменнице? Не волнуйся, ей сейчас хорошо, она не одна. И нам тоже хорошо. – Махнула рукой Настя, случайно окунув белый манжет рубашки в бокал с вином.

По белой ткани тут же стало расплзаться красное пятно.

«Таня любила эту рубашку, даже запонки специально под нее покупала» – с грустью подумал Миша, поднимаясь наверх.

Только войдя в спальню, он остановился, оглядывая комнату, шумно вдыхая носом воздух.

– Настя, – Миша выбежал из комнаты и с радостью смотрел вниз, где стояла обнаженная Настасья.

Рубашку она сняла, бросила на пол, и стояла посреди холла лишь в одних туфлях на высоких каблуках.

– Ты хочешь, чтобы я поднялась к тебе? – изогнула спину женщина, хитро прищурив глаза.

– Да, то есть, нет! Скажи, а ты куда – нибудь уходила сегодня?

– Я весь день ждала тебя, милый!

– Понимаешь, Таня приходила сюда. Сегодня приходила. Я это точно знаю. Она забрала свою душу... – сказал Миша и осекся, глядя на испуганные, растерянные зеленые глаза. – Это кристалл такой, то есть ваза, – добавил он непонятно зачем.

– Она приезжала на машине, с каким – то мужиком. – Я не хотела тебя расстраивать, милый, – залепетали снизу. – А это дорогой кристалл?

«Ценою в жизнь» – подумал Михаил.

Светлана

Покинув Салон красоты, Светлана не спеша пошла вдоль центральной улицы, любуясь на свое отражение в витринах. Ее густые волосы мастер заплела в мудреную косу, сделав Свету моложе, лет на пять. Еще ей предложили солярий, маникюр и педикюр. В салоне она провела полдня, как настоящая красавица.

В одной из витрин она увидела красивые красные туфли на высоком каблуке.

«Павел никогда не видел меня на каблуках. Только на нашей свадьбе и то, он говорит, что плохо помнит, как все происходило. А пусть увидит меня красавицей! А то даже я забыла, как могу выглядеть. Дома спортивные костюмы, на улице спортивные куртки, а в тайге вообще ходили в тулупах!» Решительно толкнув дверь обувного магазина, Света переступила порог и оказалась в царстве обуви. Со всех полок ее окружали разноцветные туфельки, на каблуках и плоских подошвах, сапожки короткие, длинные и сапоги – ботфорты. Замшевые, кожаные, лаковые... Светлана и забыла, что в мире существует столько видов обуви.

С легким трепетом опустившись в мягкое кресло, женщина приступила к примерке. Глаза разбегались, и хотелось купить все, что ей протягивала симпатичная девушка. И только когда к ней вынесли коробку с красными туфлями, так приглянувшимися ей в витрине, она поняла, что пришла именно за ними.

– Теперь пойду за красным платьем, – размышляла вслух

Светлана.

– Думаю, черное платье по фигуре будет намного эффективнее, – тихо прокомментировала девушка.

На покупку нужного платья ушло еще полдня. Но результатом Света осталась довольна. «Павел сойдет с ума от моей красоты! – улыбнулась она. – Завтра надену все свои покупки и буду ходить так, пока он не приедет!»

Войдя в квартиру, Светлана не услышала знакомого шума: веселого визга своих детей и счастливого смеха бабушек. Маришка появилась, как серый призрак и застыла в дверях, глядя на Свету испуганными глазами.

– Мариш, что случилось, почему у вас такая тишина?

Девочка пожалала плечиками и прошептала:

– Одна бабушка упала и долго лежала, пока к ней не приехали доктора и не увезли ее на белой машине. А вторая все время плачет на кухне.

Света прошла туда, где сидела ее мама, увидев Светлану, она прижала ладони к щекам и зашлась в беззвучном плаче.

– Мамочка, не пугай меня, пожалуйста! Что у вас произошло?

– Сегодня передавали новости и там... показали вертолет. Он разбился, Танечка. В Красноярском крае. Там наш Павел был в списке.

Онемевшими губами Света постаралась что – то спросить, что – то важное, но губы только шевелились и не хотели произносить никаких слов.

– Ох, Господи, я сейчас тебе валидола дам, надо держаться, дочка. – Захлопотала мама. Неуклюже вскочив, перевернула табурет, рассыпала коробку с лекарствами, и, опустившись на колени, принялась собирать раскатившиеся тюбики и флаконы.

Но Света всего этого не видела. Глаза ее закрылись, тело сделалось легким и невесомым и поплыло куда – то вверх, за облака, туда, где летают вертолеты. Летают и никогда не падают.

Василиса

Василиса под руку с Владиленом Львовичем неспешно шла от метро. На лице старика она впервые видела улыбку. Он, то и дело поглядывал на нее, словно собираясь с духом начать разговор.

– Вы не возражаете, если мы зайдём в кафе и выпьем хорошего кофе? – наконец спросил он, явно обрадовавшись своему предложению, что сумел оттянуть момент возвращения в грустное пристанище. – Кофе – моя большая слабость. Понимаю, что время для него уже позднее. Но, видимо, моему организму уже все равно, как не спать: с кофе или без кофе.

Кафе по пути попало на удивление уютное с мягкими удобными диванчиками, симпатичными пейзажами на стенах, аккуратными столиками.

Девушка за стойкой приподняла накрашенные брови, яв-

но недоумевая – что связывает такую разную по возрасту парочку, но с улыбкой предложила им пройти за столик. В витрине под стеклом были выставлены аппетитные пирожные, пироги и булочки.

– Я и не знала, что здесь такое кафе. Надо будет зайти сюда с Ванечкой.

– Я, пожалуй, тоже стану здесь завсегдатаем, – с явным удовольствием откинулся на спинку дивана Владилен Львович. – Мне же можно выходить из здания? Не только ж во двореке траву топтать?

– Конечно, можно! Главное, чтобы с вами ничего не случилось за пределами клиники. Мы же несем ответственность...

– Клиника – это вы хорошо обозвали дом престарелых. А перед кем вы несете ответственность? – старик дернулся вперед и лег грудью на столик, отчего тот тихо скрипнул.

– Перед вашими близкими, – опустила глаза Василиса, понимая, что избежать тяжелого разговора не удастся.

– Моим детям наплевать, что со мной происходит, как и большинству так называемых близких, сдавших нас на ваше попечение. В родительские дни можно пересчитать по пальцам к кому приезжают дети или родственники. Иногда приезжают старые друзья или сестры. Но я думаю это для того, чтобы еще больше ценить собственное положение и отдавать своим деткам последние крохи, чтобы не оказаться соседом по койке.

Василиса молчала, пытаясь подобрать правильные слова, утешить старика, как – то подбодрить.

– Простите, моя хорошая! Обрушил на вас свою горечь. Сам виноват во всем, только сам. Моим детям не за что меня любить. Бросил их и супругу, которая со мной верой и правдой сорок лет прожила. Решил, что заслужил еще разок порадоваться жизни. Можно подумать, что не было у меня этой радости, что в оковах жил! Нет, и жену любил, и ладил с ней всю жизнь, и детей она мне хороших родила и воспитала...

А та ворвалась в жизнь, как лавина, огнем выжгла все внутри, заслонила собою всю мою прошлую жизнь. Только о ней и думал, только и мечтал, как заживу молодо и заново.

– А где вы с ней встретились? – грустно спросила Василиса.

– Она меня к себе в адвокаты пригласила. Знала, что я лучший был в городе.

– Так она преступница была?

– Бесом в образе ангела она была. Хотя на ангела и мало смахивала: глаза зеленые, взгляд наивный, волосы рыжие, словно языки пламени за спиной. Я, как увидел ее в первый раз, так сразу и влюбился, как мальчик невинный. Она мне в глаза смотрела, слезы роняла, клялась в своей невинности, говорила, что оговорили ее люди из зависти. Улики все против нее, доказательств море.... Но я сумел добиться оправдательного приговора. Это мое последнее дело было. После суда мы с ней не расставались. Документы я ей чистые сде-

лал, и уехали мы в сказочную страну Италию, где у меня друг жил. Домик она присматривала, чтобы был, как в ее снах, которые она в тюрьме видела.

– А что потом? – спросила Василиса с интересом, прервав глубокое молчание.

– Дом купила, попросила, чтобы на нее оформил, все боялась, что сыновья мои у нее отбирать начнут имущество. Я же им квартиру только оставил, в которой мы тридцать лет прожили, да дачку небольшую. А все свои накопления с собой забрал, в новую жизнь. Ну, два года с небольшим моя новая жизнь продлилась. Я был счастлив. Словно вновь познавал жизнь во всех ее проявлениях. Открывал новые вкусы, посещал новые страны, любил красивую, молодую, свободную женщину. Меня не любили, это я чувствовал, но как мне тогда казалось, мне были благодарны. И я одаривал свою королеву за эту благодарность, чем мог. Любое желание выполнял, как фея.

– Кто?

– А знаете, Василиса, я заметил, что нет в языках мира феи мужского пола. Ну, той, что исполняет желания. Вот и звал себя феєм.

– Почему? Желания исполняет добрый волшебник или Дед Мороз, в конце концов.

– Ну, значит, я был круглогодичным Дедом Морозом. И никогда мне не доставляло это такого удовольствия. У жены моей запросы были более чем скромные – к золоту рав-

нодушна была; сумку или кофточку дешевенькую купит и счастлива, для детей она сама подарки покупала. Книги любила, альбомы разные по искусству. А тут! Кабриолет, драгоценности от известных фирм, поездки на самые дорогие курорты, бесконечные процедуры для поддержания красоты. Я был счастлив от той мимолетной радости в ее глазах, когда она принимала очередной подарок. Потом она попросила купить ей салон с этими самыми процедурами – хорошее вложение денег, как мне объяснили, которое дает отличный доход. Короче от моих солидных накоплений мало, что осталось.

– И где она сейчас?

– Мне позвонил один влиятельный бизнесмен и попросил прилететь в Москву, чтобы вести его дело. Он хотел, чтобы именно я представлял его в суде. Оплату за мои услуги назначили запредельно высокую, и Ася уговорила меня согласиться. Она радовалась как ребенок, что мы с ней сможем побывать на Родине. Говорила, что скучает. Я не мог отказать.

Кофе в чашках остыл, на улице зажглись фонари, мимо окон кафе торопливо возвращались домой усталые питерцы. Василиса немного нервничала, она скучала по Ванечке и знала, что и он ее ждет, сидя рядом с нянечкой. Садик был круглосуточным, но Василиса забирала сына домой каждый вечер. Правда, он все равно волновался, что и его могут оставить вместе с другими детишками и каждое утро уточнял:

заберут ли его сегодня домой?

Но прервать грустные воспоминания старика Василиса не могла. Она чувствовала, как важно ему кому – то рассказать о своем наболевшем. Ему не нужна была помощь, он не ждал сочувствия, жалости и прощения, его боль и его грехи оставались с ним. Но ему надо было прервать свое молчание, облегчить свою раненную душу. И Василиса слушала и поражалась, в каком море страстей может погрузить себя умный, знающий жизнь и людей человек.

– В Москве Ася сразу из аэропорта поехала навестить больную подругу, как мне было сказано, и в гостиницу я устраивался сам. Она вернулась только под вечер, а я весь день пытался дозвониться до своего клиента, но на связь со мной не выходили. Она принесла с собой бутылку моего любимого виски и предложила отметить возвращение. Виски пью только я, Ася налила себе коньяк из мини бара...

Очнулся я в больнице, кажется через неделю. Асю я больше не видел. Мало того, и в гостинице ее никто не видел. Даже камеры видеонаблюдения не заметили красавицу с рыжими волосами. Поэтому все мои рассказы о том, что меня отравила гражданская супруга, никто не принимал во внимания. Выжил из ума старик, решил свести счеты с жизнью. И дела то никакого никто не заводил. Через старого друга нашел сына, он и привез меня в Питер. За всю дорогу слова мне не сказал. Только на прощание так посмотрел мне в глаза... – губы у старика впервые за весь рассказ затряслись, он

торопливо полез в карман и вытащил белоснежный платок.

– Ну, ведь можно было найти ее в Италии? У вас же там дом остался? – принялась искать решения Вася.

– Да и что с того? Ну, приеду к ней, хоть и сомневаюсь, что она ждет меня в том доме, и что скажу: «Почему ты меня не любишь?» Смешно! Самое страшное, что я только сейчас понимаю, как это смешно. Всегда морщился, когда смотрел на картину «Неравный брак» помните? Когда морщинистый старик стоит перед священником с молоденькой заплаканной девушкой. И сам оказался в роли такого старика.

– Ну, вот это уж, точно не про вас! Там старик покупает свою невесту – чистую, безвинную. А вас в прямом смысле развели по всем параграфам, как сейчас молодежь выражается. Да еще и убить пытались. Это уже вообще преступление. А вы хотите ее наказать? Или увидеть?

– Нет, даже не думал никогда об этом. И видеть больше не хочу. Пусть живет с миром. Она для меня сейчас, как укор всем моим прегрешениям. Сам виноват, что не справился со своими чувствами. Сыновей только видеть хочу, Игоря и Левочку – это младший. Но они меня не простят. Это я точно знаю, сам бы не простил никогда! Такую грязь развел! Василиса, засиделись мы с вами, у вас же сынок в садике. Пора в застенки возвращаться.

Владилен Львович неуклюже поднялся, от долгого монолога его голос совсем перестал ему подчиняться и он едва шептал. Но глаза его просветлели, заблестели в вечерних ог-

нях, на морщинистых щеках румянец появился.

– Давайте вместе зайдем в садик, а потом мы с Ваней вас проводим, – предложила Василиса.

– Это вы так проявляете свою жалость? – взглянул с болью старик.

– Глупости, какие! – строго посмотрела на бывшего адвоката Василиса. – Ванечке хочу доставить радость от общения с дедушкой. Мои родители далеки от сентиментальных проявлений чувств, живут музыкой и учениками. Сашу вот отметили, талант обнаружили, а с Ваней им играть некогда. Так, что окажите любезность, побудьте сегодня посаженным дедом.

– Тогда я куплю ему пирожное! Вы позволите? – И, не дожидаясь ответа, старик направился к буфету.

* * *

Поздним вечером на маленькой кухне с фотообоями, на которых голубая волна ласкала белый песок, тихо, чтобы не разбудить Ваню, причитала и рыдала Татьяна.

– Вась, ты представляешь, она ходит по моей кухне в его рубашке с запонками, которые я ему подарила на нашу годовщину. Я не могу это понять, Вась! А меня словно не существовало. А мы с Мишей этот дом по кирпичику строили, каждую стенку, каждое окошко с любовью возводили. Нам было так интересно этим заниматься. Ехали каждый день по-

сле Мишиной работы и радовались, что еще один уровень кирпичей поднялся. Комнаты детские планировали. А теперь... У-у-у!

– Ну, что ты, что ты, Танюша! – пугалась Василиса этих завываний. – На еще выпей.

– Да не берет меня эта водка. Я вообще ее не пью, – отмахивалась Таня, но рюмку каждый раз поднимала и выпивала ее одним махом, как заправский пьяница. – Мы с Мишей иногда вина хорошего красного по бокалу выпивали.

– Где ж я тебе хорошего возьму? Может, заснешь? – с тревогой глядя на подругу, произносила Василиса. – Я тебе на Сашкином диванчике постелю, а Ваню к себе перенесу, а то утром проснется, испугается.

– Вася, ну переночую я у тебя сегодня, завтра, а дальше?

– Что, дальше?

– А потом куда меня девать? Они об этом не подумали? Просто выбросили меня, как надоевшего котенка и дверь закрыли.

История пошла по очередному кругу. Таня как пластинку из раза в раз повторяла свои обличительные вопросы, но, ни она сама, ни Василиса, не могли найти на них ответ.

– Как сегодня твой адвокат сказал? – произнесла Татьяна охрипшим от слез голосом.

– О чем, Танечка?

– Он сказал, что жизнь показывает нам свою обратную сторону. Вот только зачем она это делает?

– Это не оборотная сторона, это скорее ее второй вариант.

– Вась, и ты смирилась с этим? – Таня обвела рукой маленькую кухню.

– Знаешь, как сказала моя Сашка – это не самый худший вариант. Мы могли оказаться и под мостом. Но нас приютила одна очень хорошая женщина. Просто отдала нам свою квартиру и сказала: «Живите!» А теперь я говорю тебе: живи с нами, Танюшка! И не думай пока о том, что будет завтра. Я научилась жить одним днем, это даже успокаивает. Наверное, душе надо немного прийти в себя от пережитого, окрепнуть. Вот она и впадает в спячку: день прошел и славно! Попробуй так, Танюша! А сейчас пойдем спать. Мне утром на работу надо.

Глава вторая. Нынешняя жизнь

Таня решила, что спать ляжет, а просыпаться не будет. Не сможет проснуться в своей новой жизни без Миши, без дома. Она долго подбирала синоним к слову «новая», но так и не смогла определить, как ей назвать свое теперешнее положение. «Новая жизнь» – звучало как – то издевательски. «Другая жизнь» – звучало и вовсе траурно. Наконец, определение «нынешняя», как показалось Тане подходило к ситуации. С этими мыслями она и заснула в твердой уверенности, что утро она не увидит. Странно, но эта мысль ее не пугала.

– Ты кто? Почему тут лежишь? – цепкие маленькие паль-

цы впивались в плечо и теребили его из стороны в сторону.

С трудом удалось приоткрыть опухшие от ночных слез глаза. Перед ней стоял Ваня Юрьев и с интересом разглядывал ту, которая занимала место сестры.

– Я Таня. Помнишь, я приезжала к тебе, когда ты был маленький? Мы еще с тобой бегали по газону с красным мячом.

Мальчик пожал плечами, продолжая гипнотизировать Таню взглядом кофейных глаз.

– У тебя тоже дом отобрали? – задал он не детский вопрос.

Отдохнувшие воспоминания оживились, и в свете тусклого утреннего света набросились на Таню с удвоенной силой. Она смогла только покачать головой, чтобы не пугать ребенка рвущимися из груди рыданиями.

– Это кто тут у нас проснулся? – в комнату вошла Василиса и подхватила мальчика на руки. – Доброе утро, Танечка. Сейчас будем завтракать, а потом пойдем на работу.

– Ты хочешь, чтобы я тоже пошла с вами на твою работу? – спросила Таня немного озадаченно. Она планировала провести этот день в одиночестве, позволяя только горьким соленым слезам посещать ее время от времени.

– Конечно, чего тянуть? У нас как раз есть ставка медицинской сестры. Со стариками проще, чем с детишками. Они, по крайней мере, в большинстве своем точно знают про свои болезни. Но без медицинского присмотра и им нельзя. Надо только немного восстановить утраченные навыки.

– Это, какие? – Таня с ужасом рассматривала себя в зер-

кало: глаза почти заплыли, а нос и губы распухли, но последние ее даже порадовали: «Как у Джоли!»

– Ну, например: как ставить капельницы, как делать внутривенные инъекции. Без этого – никуда.

– Ой, я это даже не проходила, кажется, – испугалась Таня.

– Должна была проходить. На практике.

– Нет, Вась, я не смогу. Ты что? Я же почти не работала после института.

– Я уже позвонила нашей заведующей, и она нас ждет. Походишь к моей соседке на ликбез, она сто лет проработала медсестрой в больнице. Научит.

– Вот она пусть и работает у вас, Васенька!

– У нее ноги больные, она не может. А ты у нас дипломированный врач. Света наша тоже своих сибирских работников лечит. Как она, улетела в свою тайгу?

– Должна была, только она мне так и не позвонила. Что то я волнуюсь, только не пойму почему: из – за себя любимой, из – за работы грядущей или из – за Светланы?

– По себе знаю – жалеть себя нет никакого смысла, только хуже получается; работы страшилась, но делать – то все равно надо; а Светлане мы сегодня позвоним и рассеем твои тревоги. Вперед, Татьяна! Нас ждут великие дела!

– Вась, какое счастье, что Бог создал нам подруг! А то тет-ки многие с ума бы посходили от своей жизни без дружеской поддержки. Вот, уж, поистине: и в горе и в радости...

Таня перед работой успела заскочить на почту и забрать посылку с книгами, которые она заказала. Это были медицинские справочники, учебники – то без чего она пока не могла обходиться. Хотя знания, полученные когда то в институте, пробирались через замусоренные лабиринты памяти и приходили на помощь, но все равно она пока чувствовала себя неуверенно.

Виолетта Бенедиктовна с радостью приняла в свою команду еще одного сотрудника. Их приют уже не напоминал то сонное царство в серой паутине, в которое она сама пришла, когда то работать.

Старики стали оживленно общаться друг с другом, кто – то предложил выпускать стенгазету, как в старые советские времена. Вывешивали фотографии с поздравлением именинников. Бывший кондитер прославленного кафе «Север» – грузная Евдокия Федоровна, вызвалась к каждому празднику печь торт. Помогала ей лично Виолетта, как молодой поваренок, исполняя суровые команды именитого мастера.

Музыкальные вечера, на которые частенько заглядывали в качестве шефской помощи друзья Василисы по Консерватории, стали пользоваться невероятной популярностью. На них сползались даже те, кто никогда в жизни не интересовался классической музыкой.

В воздухе стоял запах нафталина – это пожилые леди доставали из своих чемоданов «выходные платья».

Таня оборудовала небольшой медицинский кабинет. Главный врач соседней поликлиники, куда она пришла за помощью, оказался однокурсником и с радостью поделился кое – каким инвентарем.

– Тань, ну как же я рад, что вижу тебя! Ты не изменилась совсем, только еще красивее стала. Я в институте был в тебя влюблен. А ты меня даже не замечала.

Таня смущенно теребила свой шарф, усиленно пытаясь вспомнить имя своего однокурсника: Фадеев Н.М. – значилось на табличке у кабинета. «Николай, Наум, Назар? Какие там еще имена на «Н»?

– Спасибо тебе огромное, дорогой мой! – вышла из положения Татьяна, так и не вспомнив имени.

– Никита Михайлович, к вам посетители, – проворковал селектор голосом секретарши.

«Никита! Точно! Как же я могла забыть этого мальчика. Он ходил за мной тенью, терпя насмешки сокурсников, всегда готовый прийти на помощь, подать руку, дать конспект, подбодрить улыбкой. А я даже не могла вспомнить его имени. Только Миша, один только Миша был в моем сердце».

– Танечка, я обязательно зайду к тебе на работу. Может, еще, чем смогу помочь, – заметив, как изменилась в лице Татьяна, поспешил утешить Фадеев. – А почему ты в дом престарелых пошла работать? Может, лучше к нам?

– Спасибо, Никита, но мы там вместе с Василисой. Помнишь мою подругу из Консерватории? Надо же кому – то за стариками приглядывать.

– У тебя всегда было большое сердце. Твоего сочувствия хватит на десятерых. И в то время это уже считалось редкостью, а, уж, в наше... Передавай привет Василисе и обращайся, если будет нужна помощь.

– Спасибо, Никитка! Ты всегда был моим спасителем.

– А ты разве это замечала? – тихо спросил Фадеев.

* * *

Василиса, нахмурившись, смотрела в монитор, изредка косясь на Таню, читающую книжку притихшему Ванечке. Наконец, даже Татьяна заметила эти взгляды и подошла к подруге:

– Что тебя тут беспокоит?

Крупными заголовками было напечатано: «Депутатам закон не писан». И дальше помещались фотографии улыбающейся Татьяны. Чуть ниже более мелким шрифтом говорилось, что супруга депутата Пупсоева сбила несчастную женщину – мать двоих детей и спокойно продолжает оставаться на свободе.

– Я сейчас поеду в полицию или лучше в больницу? – зашептала Татьяна.

– Подожди, Таня. Тебе Владилен Львович говорил, чтобы

ты в больницу не ходила, а полиция тебя должна была сама вызывать, если бы ты понадобилась.

– Боже мой, Вася, они же не знают моего адреса. Я живу у тебя, а адрес в деле написан мой прежний. Нет, мне обязательно надо с ними связаться. А с Мишей надо срочно разводиться, чтобы не бросать тень на его имя.

– Ой, ой, скажите, пожалуйста! Нашла честное имя! Выставил жену из дома и живет себе припеваючи. Вот пусть тоже пострадает немного, поерзает.

– Да он, то ни при чем. Зачем же ему терзаться?

– За аморалку. Раз представляешь интересы народа, должен быть кристально честным, – горячилась Василиса.

Но на утро созвали совет с участием Владилена Львовича.

– Странно! Кому понадобилось копаться в этом деле? – удивился старик.

– Ну, сейчас такие издания. Любят грязью полить и просто так. А тут свершившийся факт. – Пояснила Василиса.

– Да нет никакого факта, – скривился адвокат.

– Как нет? – воскликнули подруги.

– А так. Разговаривал я еще раз с вашим следователем. Они обзвонили несколько больниц. Службу скорой помощи. Все вызовы проверили за тот день. Не было на том участке никакого наезда на женщину и даже на мужчину не было. Телефон этого анонима Ганин нашел, только по нему никто не отвечает, выключена симка. Вот такие дела. Поэтому и странно мне, что статья эта появилась. Кому надо вас под-

ставлять?

– Ой, это не меня, это, наверное, Мишу. У меня какие враги? – пожалала плечами Таня. – А вот Мишу могут специально из обоймы вытолкнуть. Он сейчас стал так популярен. Политический вес набирает, – с тихой гордостью проговорила Татьяна.

А Василиса недовольно фыркнула.

– Может, конечно, и его, – задумался Владилен Львович.

– Надо его предупредить, а то, он же не знает всех этих подробностей, – сжала кулачки Татьяна. – Пусть будет вооружен информацией.

– Я бы не стала, – пробормотала Василиса. – Пусть сам вооружается информацией. У него для этого секретари работают.

– Да пока они все разведывают, время пройдет, – вскочила Татьяна и побежала за своим телефоном.

Ей, почему то было радостно оттого, что она услышит Мишин голос, сможет сообщить ему, чтобы он не волновался и спокойно работал.

Миша ответил сразу, словно ждал ее звонка.

– Миш, это я, – бодро начала Татьяна, но осеклась, почувствовав, ледяную преграду на том конце провода.

– Я понял.

– Ты не верь, что пишут в Интернете про меня.

– А о тебе уже пишут в Интернете? – в Мишином голосе появились новые нотки, чужие, колкие.

– Да, там пишут о нас, точнее, что твоя жена сбила женщину и гуляет на свободе. Но это все неправда, Миша. Я хочу, чтобы ты знал. Я никого не сбивала и полиция уже во всем разобралась. Вот. Это все, что я хотела тебе сказать... У меня все хорошо, – торопливо добавила она.

– Я понял, – выдохнул Михаил и отключился.

«Как – то плохо поговорили, не правильно! – огорчилась Таня. – Хотя, какое ему дело теперь до меня и моей жизни? У него своя новая счастливая жизнь, полная любви. А у меня своя, теперешняя».

* * *

К Новогодним праздникам готовились всем коллективом. Установили настоящую елку, которую отдуваясь и сопя, притащили четыре старика от ближайшего елочного базара. Оказалось, что новогодних игрушек в этом заведении не было и в помине и три самых деятельных старушки, взялись изготавливать их самостоятельно. Евдокия Федоровна замыслила испечь необычный торт, и в помощники взяли еще Татьяну, Виолетта одна не справлялась с поставленными задачами.

Василиса украшала свой Красный уголок и репетировала с подопечными, у которых оказался прекрасный слух и большое желание выступить на празднике.

Одновременно она заменяла некстати заболевшую препода-

давательницу музыки в Детском саду и еще готовила новогодний утренник с младшей группой.

Вечерами подружки без сил сидели на кухне и не переставали удивляться, как они могли жить такой однообразной спокойной жизнью раньше.

– Я, Вась, только об одном жалею, – с закрытыми глазами проговорила Татьяна.

– О том, что потеряла свой любимый дом? – так же, не открывая глаз, спросила Василиса.

– Да, Бог с ним, с домом, – махнула рукой Таня. – О том, что Миша оказался не таким, каким я всегда представляла. Я же думала он умный, порядочный, с добрым сердцем, сочувствующий, любящий. А на деле оказалось одно сплошное разочарование. Больше всего на свете я не люблю разочаровываться в людях. Живешь и думаешь, что рядом с тобой преданный и добрый человек, на которого ты можешь положиться, которому можешь довериться. А на деле оказывается, что человек только притворялся таким, скрывал свою сущность, чтобы приблизиться к тебе.

– Брось, Танюша. Что тебя на философию потянуло? Человек ищет, где лучше. Значит, рядом с тобой кому – то было хорошо, вот он и был рядом с тобой. Может, это ты идеализировала своего попутчика? Сама придумала, что он такой хороший, а потом сама же и удивляешься.

– Ты права, Василиса, наверное! Сами мы во всем виноваты. Но неужели ему не интересно, что со мной? Как я жи-

ву, на что? Раньше несколько раз в день звонил: встала ли, куда поехала, когда вернусь?.. А тут... Меня уже два месяца нет, а он ни разу не позвонил, не поинтересовался. Мог бы позвонить, просто голос мой послушать.

– А ты ему сама звонила? – Открыла глаза Василиса.

– Нет, держусь. Только один раз к его работе подъезжала. Машину его увидела и все. Значит, жив, здоров на работе. А тебе Кирилл звонил?

Василиса только помотала головой из стороны в сторону.

– Даже не знаю: жив ли?

– Знаешь, а я все равно нас не считаю проигравшей стороной. Ни тебя, ни меня. Добро всегда сильнее зла, а честность сильнее лжи.

– Ты так считаешь? – Василиса смотрела на подругу потухшим, усталым взглядом.

– Конечно, иначе, почему люди так боятся, что правда выплывет наружу?

– Тань, я сейчас не в том состоянии, чтобы с тобой дискутировать, прости. Знаешь, чего мне иногда хочется? Как в детстве: взять шарик, надуть его своими проблемами и отпустить в синее небо. И чтобы сразу все разрешилось и успокоилось и вернулось на круги своя!

* * *

– Вась, а ты на праздник в чем пойдешь? – задумчиво гля-

дя, на падающий снег за окном спросила Таня.

– Не думала пока, а что? – отвлеклась Василиса от раскраски новогоднего костюма для Ивана.

Костюм шился, раскрашивался и клеился ей собственноручно. Ване была поручена роль медвежонка, который встречал Дедушку Мороза. Из старой Сашкиной шубы сделали жилетку с бантиками и маленький хвостик на вельветовые шорты. Ванька каждый вечер вытаскивал пакет со своим костюмом и усаживался на стульчик наблюдать, как продвигается работа у мамы.

– Кто бы мне сказал, что буду шить костюмы своим детям в детский сад, засмеяла бы! А теперь вот шью, и даже с удовольствием.

– Мне кажется, что надо прийти в чем –нибудь нарядном, – продолжала Татьяна. – Старикам приятно будет на нас посмотреть, они и сами нафталином все коридоры засыпали. Гардероб свой в порядок приводят.

– Наденем что –нибудь эффектное, – кивнула Василиса.

– А я ничего нарядного из дома не брала. Как думаешь, могу я еще раз за своими вещами поехать? Если они их не выбросили, то, может, отдадут. Шубы, конечно, я забирать не буду, это дорого, а вот пуховик бы взяла. Сварова его все равно носить не будет – не ее стиль. А мне в своем пальто холодно уже. Вон мороз как давит. И платье у меня есть красивое. Оно скромное, но для нашего Нового года как раз.

– Ты хочешь увидеть Мишу? – тихо спросила Василиса.

– Наверное, нет. Еще так больно, Вась! Мы всегда перед праздниками дом наш украшали вместе. И на улице гирлянды развешивали. В нашем поселке все так делали. Вечерами так гулять было приятно. А после прогулки Миша камин разжигал, и мы долго с ним сидели, на огонь смотрели, пили чай. Вась, ну ты скажи мне: разве это не счастье было? Чего ему не хватало?

– Может, ну его твое красивое платье, Танюшка! Купим тебе что –нибудь в магазине.

– На что, Вась? – грустно вздохнула Таня.

Перед Новым Годом они явно вышли из своего скудного бюджета. Купили продукты, новогодние подарки, несколько елочных украшений.

– Я все – таки должна поехать. Я же не преступница? Почему не могу в свой дом войти? Спрошу у Миши разрешение, конечно.

Походив в задумчивости по квартире, Таня несколько раз брала в руки свой телефон, но каждый раз со вздохом откладывала в сторону. Наконец, она сделала глубокий вдох, как перед прыжком в воду и набрала номер Михаила. Шли долгие звонки, словно Миша раздумывал: отвечать на ее вызов или пропустить его.

В глазах защипало, сердце сжалось, а потом быстро застучало; так захотелось закричать, что она по – прежнему любит его, что сходит с ума без него и не представляет, как ей жить дальше.

Михаил так и не ответил. То ли не смог, то ли не захотел. Таня еще подождала какое – то время. Думала: может, перезвонит.

– Ну, что? – спросила Василиска.

– Абонент не доступен. Поеду я, Вась. Завтра и поеду. Ты со мной?

– Танюша, я не могу! Завтра же в садике утренник, – кивнула она на костюм медвежонка. Я за роялем. С утра репетиция.

– Ах, да! Тогда я сама? – как – то неуверенно переспросила Таня.

– Слушай, а возьми с собой Владилена. И ему будет полезно прогуляться, и ты в компании. Если что, он и закон не позволит нарушить.

– Вась, я не собираюсь законы нарушать, – нахмурилась Танюшка.

– Это я так, образно, не сердись.

* * *

Владилен Львович Танину просьбу выслушал внимательно, кивнул и спросил – когда надо выезжать?

– А если прямо сейчас? – робко уточнила Таня.

– С удовольствием! Утро – то, какое ясное!

Денек и, правда, выдался, как с картинки. Солнце собиралось с силами осветить землю яркими лучами, на деревьях

за ночь выступил мохнатый иней, превратив все улицы в новогодние декорации.

«В поселке нашем сейчас красотища!» – подумала Танюшка.

– Тогда встречаемся у выхода через пятнадцать минут? Я только загляну к Валентине Павловне, проверю, как она!

Валентина Павловна была новенькой. Как и многие в первые дни старушка испытывала шок и грусть. И нуждалась в повышенном внимании.

Таня заглянула в комнату. Пожилая женщина сидела у окна в ночной рубашке. Кровать была не заправлена, в углу стояли два чемодана и большая клетчатая сумка. Пространство было необжитым, неудобным, пустым.

– Валентина Павловна, здравствуйте! Как прошла ночь?

– Спасибо.

Ни поворота головы, ни одной краски в голосе. Полная безучастность.

– Валентина Павловна, нам очень нужны руки, – не сдавалась Таня.

– Какие?

– Ваши руки. Дел перед праздниками множество. Понимаю, вам сейчас трудно уделить нам время. Надо чемоданы разобрать, уют в вашей комнате навести, обжиться. Вы скажите, если помощь нужна. У нас и мужчины могут гвоздь забить и женщины красоту навести. А сейчас мы все украшаем наш дом. И готовим угощения. У кого какой любимый

рецепт есть, чтобы праздник получился.

– Вы здесь празднуете Новый год? – удивление, заинтересованность.

– Конечно! И концерт новогодний будет. Если вы можете петь, то мы включим ваш номер в программу. Надо только к нашей Василисе подойти. Это в красном уголке. Вы его еще не видели? Одевайтесь и вас проводят. А мне бежать надо. Я еще загляну к вам сегодня.

Таня выдохнула и побежала за своей курточкой. «Явно не по погоде, но до поселка как – нибудь доедем. В маршрутке тепло».

Владилен стоял в своем роскошном пальто с норковым воротником, с тростью – и весь походил на русского барина. Кто бы знал, из какого дома вышел этот барин.

– Вы не замерзните, Танечка? – спросил участливо.

– Нет, что вы?

«Прямо Настенька из любимого «Морозко»!

А по спине уже забегали предательские мурашки, сковывающая спину холодом. Если бы бегом, то оно, может, и ничего бы было. Но Владилен тяжело опирался на свою палку и быстро передвигаться был просто не в состоянии. До остановки оставалось еще прилично, а Таня чувствовала, что замерзает. Но ей повезло, знакомый номер маршрутного такси, проезжая мимо, высадил пассажира, и Таня махнула водителю рукой, с просьбой остановиться.

– Ехать не очень далеко, – подбодрила старика Таня, белы-

ми губами. – Увидите, как у нас там красиво. Никогда не были в поселке «Ягодном»? Там действительно летом так много ягод в лесу. Мы любили с Мишей чернику собирать. Выходили из леса всегда с черными ртами. Смешно, – улыбнулась Танюшка.

Он только взглянул на нее, но ничего не произнес. А Таня всю дорогу болтала, даже сама на себя злилась, но ничего не могла поделать. Нервное, что ли это было? Рассказывала, как они дом строили, как смешно стол бильярдный через крышу заносили на кране. Хорошо стол пришел раньше, и крышу еще можно было разобрать. Но по мере того, как поселок становился ближе, Таня затихла. И уже по спине вновь бежали мурашки, но эти были другие. От страха стали бегать, не от холода. И руки похолодели тоже от страха. Как ее встретит дом. Кто в нем будет? Настя? Или Миша задержался этим утром? А, может, замки давно сменили и Таня в дом попасть не сможет? Все – таки надо было дозвониться, согласовать, а то получается, словно преступница. А что она такого сделала, кого предала? За что он с ней так? Вот и слезы глаза щипать стали, в носу захлюпало.

– Танюша, это вы зря! – подал сиплый голос Владилен. – Ваше дело правое. Я свидетель.

– Спасибо вам, Владилен Львович! А вот и наш «Ягодный», – показала Таня рукой на небольшой поселок.

– Симпатичные строения.

Неторопливо вышли. Таню била дрожь и она не могла уже

понять: холод ее снова сковывает или нервное возбуждение выходит наружу. Хотелось побежать, чтобы скорее увидеть дом. Украсил его Миша со своей новой хозяйкой? Но Владилен Львович тяжело дышал и все чаще останавливался, чтобы передохнуть. Уже и ноги в тонких сапожках стало сводить холодом, но Таня улыбалась, подбадривая старика кивком головы.

По поселку неторопливо прогуливались немногочисленные мамы с колясками. Пара пенсионеров с улыбками разглядывали новогодние гирлянды. Перед выездом, у будки охранника, стояла елка в разноцветных шариках. Шары отсвечивали солнечные лучи, посверкивали в мохнатых еловых лапах. Праздник!

Бывший Танин дом стоял неприбранным, неукрашенным, словно его обошли стороной, как провинившегося. У Тани даже сердце сжалось от обиды. Уж, Миша то мог бы гирлянды повесить. Не первый год тут живет.

Достала ключи, руки немного тряслись. А вдруг замки поменяли или Сварова сидит на диване в его рубашке? Помешкала секунду, а потом, позвонила в дверной замок. Никто не вышел на крылечко, не открыл гостям дверь.

– Ну, Владилен Львович, прошу в мой бывший дом, – произнесла Таня и повернула ключ.

Он послушно провернулся, щелкнул замком, впустил хозяйку в дом. Слезы закапали, больше не хотели сидеть внутри, много их там скопилось. Даже не дали рассмотреть тол-

ком, что с домом стало. Только почувствовала, что тепла внутри совсем чуть – чуть. Миша всегда так делал, когда уезжали надолго, ставил котел на минимальный режим.

– Проходите, Владилен Львович! Уехали хозяева. Некого нам бояться. Сейчас я вас чаем напою.

Таня подошла к чайнику, нажала кнопку. Он привычно зашумел. Солнце пробивалось сквозь ее любимые занавески, отбрасывая причудливые кружевные тени на темный пол.

– Уютно у вас, Танюша!

– Да, представляете, все так и осталось, как было! Я думала, Настя все тут поменяет, все по – своему переделает. Может, еще руки не дошли.

– Вы присаживайтесь, а я пока вещи свои поищу, если их, конечно, не выбросили на помойку.

В ее бывшей спальне все тоже осталось так, как было при ней. И покрывало и ее многочисленные подушки и даже несколько статуэток стояли на комод, покрытые пылью. Таня робко приоткрыла дверцу шкафа и удивленно вскрикнула: все ее вещи весели на своих местах, словно дом ждал, когда вернется его любимая хозяйка.

Она быстро нашла новое сиреневое платье, купленное в последнюю поездку в Париже, даже без примерки. Некогда было, только взглянула на размер: «Должно подойти!» И побежала дальше в кафе, где ее ждал Миша.

Пуховик с теплыми ботинками нашла в гардеробной. Воровато заглянула в отделение, где висела Мишина одежда. И

там все было на своих местах.

«Странно все это»!

Прихватила еще несколько вещей: юбку пару кофточек. А больше и не надо, в общем – то. И зачем столько вещей покупала? Вон, шкаф забит полностью.

Владлен уже достал пару чашек, вытащил из шкафчика банку с растворимым кофе, взглянул на Таню: «Правильно все делаю»? Она только кивнула, устало опустилась на высокий стул.

– Спасибо вам за компанию! Без вас бы мне было плохо.

– Я бы тоже с удовольствием по своей квартире побродил. Фотографии бы взял, книги. Запах бы своего прошлого вдохнул. Только нет больше ни квартиры нашей, ни книг моих.

– Наверняка что – нибудь осталось?

– Не думаю, Танечка! Да и поделом мне. Сам от своего прошлого отказался, а это никому не прощается. Мстит судьба.

– Ой, а я не хочу, чтобы Мише судьба мстила, – махнула рукой Таня. – Пусть у него все будет хорошо. Пусть будет счастье. Ну, поедем? Почему то мне хочется скорей отсюда уйти.

Таня вымыла чашки, поставила их на место, еще раз отметив, что все вещи так и стоят на своих местах. Что – то неправильное было во всем этом.

Таня, даже не понимая, что делает, подошла к телефону и набрала номер свекрови. Трубку сняли быстро, после пер-

вого гудка, словно свекровь ждала звонка.

– Здравствуйте, Амалия Александровна, это Таня...

– Таня? Ах, Таня! И у тебя еще хватает совести мне звонить?

– Простите, я не понимаю... Почему вы так со мной разговариваете? Я ничего плохого не делала. Это Миша вернул свою первую любовь, а меня просто выкинул из своей жизни. Я хотела узнать, как Миша?

– Это ты разбила его сердце. Путалась со всякими мужиками, пока он на работе был. Миша так страдал. Он показывал мне твои гадкие фотографии. И после этого, ты говоришь, что ничего не делала? Да как ты смеешь?!

– Амалия Александровна, это какая – то ошибка, я не понимаю...

Но Таню больше никто не слушал, Амалия бросила трубку.

Таня помотала головой, нахмурила брови и удивленно взглянула на Владилена.

– Ерунда, какая – то! А как там Миша, я так и не узнала.

– Что – то не так, Танечка? Вы даже в лице изменились. – Светлые глаза смотрели на нее с участием.

И она рассказала старику и про странные встречи с молодыми людьми и про букеты цветов на пороге дома и про преследование серой машины и про фотографии и про то, как Миша убежал из дома и больше она его не видела.

– А он, оказывается, страдал, свекровь сказала, – непонят-

но чему улыбнулась Таня. «Страдал» – повторила она про себя.

Теперь по поселку шли не торопясь. Теплый серый пуховик, в котором она всегда гуляла с Мишей, надежно защищал ее от зимней стужи. Владилен Львович поддерживал ее, и с удовольствием вдыхал морозный воздух. Но вдруг пальцы его дернулись и больно вцепились в Танину руку. Старик остановился и прерывисто задышал, издавая сиплые звуки.

Таня взглянула на него и испугалась. Глаза его были расширены, губы тряслись, щеки как – то моментально ввалились, словно он увидел призрак. Таня проследила за его взглядом и остановилась. Навстречу им шли Миша и Настя Сварова. На ней была эффектная шубка леопардовой расцветки и мохнатая лисья шапка. Откуда они вышли Таня не поняла. Сварова оживленно что – то выговаривала Мише громким голосом, а он смотрел себе под ноги и молча, кивая головой.

Когда до них оставалось метра три, Сварова умолкла, и тоже остановилась, с ужасом глядя на Таниного спутника.

Владилен бросил Танину руку и, замахнувшись тяжелой тростью, пошел на Настю. Миша преградил ему путь, но старик махал и махал своей палкой, пока у него не кончились силы и он не упал на дорожку.

Не понимая, что происходит, Таня стала вызывать скорую помощь, продолжая поддерживать голову Владилена, которая болталась у него из стороны в сторону, как у младенца.

– Да, что же это? Что случилось? – чуть не плача причитала Таня.

Она подняла глаза – на дорожке остался стоять один Миша, – Сварова растворилась, исчезла, словно ее и не было вовсе.

– Где она? – прохрипел Владилен Львович, когда суровая крепкая тетка в белом халате сделала ему укол.

Старика перенесли в дом Пупсоевых и уложили на большой диван в холле. За все время Миша не произнес ни одного слова и даже ни разу не посмотрел на Таню, хотя она пыталась поймать его взгляд.

– О ком речь, мужчина? – прокуренным голосом спросила врачаха.

– Где это исчадь ада? Ее надо поймать, пока она снова не причинила людям вред.

– Я думала, сначала свет люди видят, а этот несчастный сразу чертей узрел. Видать здорово нагрешил за свою жизнь, – тетка складывала в сумку свои нехитрые медицинские препараты, тонометр.

– Я про Анастасию спрашиваю. Мужчина, вы же с ней были? – перевел он суровый взгляд на Мишу.

– Владилен Львович, это Миша, мой муж, бывший, – тихо прокомментировала Таня.

– Тогда мне все понятно! – откинул голову на подушку старик.

– Что? Что вам понятно?

– Кто попытался разбить вашу жизнь, Танечка. Откуда все ваши странные встречи, цветы, фотографии... – ее рук дело. Это ведь она меня семьи лишила и чуть не забрала жизнь. Это мой рыжий дьявол сейчас шел по вашему поселку. Теперь ей понадобился ваш муж. Она еще не предлагала вам уехать в теплые страны? – спросил он у растерявшегося Пупцова.

– Ну, да. Мы планировали уехать, – кивнул своей лысой головой Михаил.

Щеки у него как – то осунулись, и весь он был словно сдувшийся мячик. Форма еще прослеживалась, но объема уже не было. От этого весь вид был, какой – то жалкий, потухший, несолидный.

– Вы в больницу поедете? – закурила врач, даже не спросив разрешения.

– Да– да, пожалуйста, его надо в больницу. У него такой стресс сильный был. – Спихватилась Татьяна. – Я с вами поеду. Я медработник из дома престарелых. Мы с ним оттуда.

Тетка взглянула на Таню с интересом.

– Ее надо найти! – просипел Владилен, глядя на Мишу. – Она пыталась меня убить. Вы ей не верьте. А у жены своей прощение просите, – совсем шепотом прошепел он одними губами.

* * *

Таня тихо открыла дверь и вошла в темное пространство квартиры. Еще с улицы она заметила, что окна темные. «Наверное, Василиса устала после всех своих музыкальных спектаклей и легла, спать, пораньше», – подумала она. Но прислушавшись к тишине, поняла, что на кухне кто – то тихо всхлипывает. Не зажигая свет, Таня прошла туда.

Васька сидела на полу и сжимала в руках лист бумаги. На нем мелким подчерком было что – то написано с двух сторон. Таня опустилась рядом:

– Вась, ты чего?

Подруга закрыла ладонями свое мокрое лицо и затрясла плечами:

– Письмо сегодня принесли от Кирилла. Пишет, что обрел себя на Гоа. Расписывает о своем просветленном разуме и образе жизни. Говорит, что я абсолютно свободна, что он аннулировал наш брак. И я могу выстраивать дальше свою жизнь. О детях ни слова, словно у него их никогда и не было. А ты помнишь, как он Сашку любил? С рук не спускал, как только не называл. Все тетки в нашем поселке завидовали. А сейчас, ни словечка. Обидно, Тань! Я ведь надеялась, что он вернется. Пусть даже не на коне, но вернется. И мы с ним заживем такой вот простой жизнью и будем вместе детей поднимать. И о Сашке хотела ему рассказать, какая она талантливая. А он, оказывается, живет в согласии со своим сердцем и разумом. Гад!

– А че написал тогда? Ну и пусть бы дальше себе жил!

– Написал, что развод ему оформили и деньги мне, какие – то должны передать. Не нужны мне его деньги.

– Вась, давай чаю попьем? А то я утра ничего не ела. В больнице с Владиленом провела полдня.

– Как он? – всхлипнула последний раз Василиса. – А то мне передали, что ты звонила, но я так толком и не поняла, что случилось.

– Владилен в нашем поселке встретил свою Анастасию, – хмыкнула Танюшка. – И знаешь, кто это?

– Откуда мне знать? – округлила и без того большие глаза Василиса.

– Сварова!

– Да, ладно! Быть не может! – Васька даже откинула письмо, вытирая слезы.

– Идут по поселку с Мишей. А мы с Владиленом, как раз из дома вышли. И встретились!

– А Мишка то как?

– Похудел, – задумалась Татьяна.

– Да я не о его внешнем виде. Что сказал?

– Ничего! Молчал всю дорогу. На меня даже не смотрел. Но Владилен ему прошептал обо всем, – довольно улыбнулась Татьяна. – И о том, что она его чуть не убила, и чтобы у меня прощение просил. Но я со скорой уехала, даже сумку с платьем забыла в доме.

– Придется еще раз ехать, – лукаво взглянув на подругу, пропела Василиса.

* * *

Большой шоколадный торт внесли в зал под звуки музыки и смеха. Старики с интересом вытягивали шеи, силясь увидеть надпись, сделанную белой глазурью. Торт торжественно поставили на стол, но резать его не торопились. Виолетта постучала вилкой о бокал из простого стекла у нее в руке и попросила внимания:

– Прежде, чем поздравить вас всех с Новым годом, я хочу сообщить, что нашему дому официально присвоено название. Теперь мы называемся: «Осенний вальс». Вот оно и написано на нашем именном торте. А теперь, я поручаю разрезать наш Новогодний торт той, которая вдохнула в наш дом новую жизнь, которая сделала нас всех добрее и музыкальнее – нашей любимой Василисе. Есть возражения?

Громкие голоса нестройным хором закричали «Ура!», раздались аплодисменты; морщинистые лица растянулись в улыбках, заставляя блеснуть уставшие глаза.

Василиса сморгнула навернувшиеся слезы, и поднялась со своего места, пересадив с колен Ваню.

* * *

Телефонный звонок с незнакомого номера, застал Таню в своем кабинете, куда ее зашел поздравить с наступающими

праздниками Никита Фадеев, принеся с собой целый ящик с мандаринами и несколько коробок конфет.

– Таня, это Маргарита Сергеевна, мама Светы, – прошелестела трубка.

– Ой, здравствуйте, Маргарита Сергеевна! А мы с Василисой все собирались позвонить Свете, попытаться ее найти. Но с ней так трудно связаться, – весело щебетала Татьяна, смущенно лоя на себе взгляды своего вновь обретенного поклонника.

– Да, Танечка, вы, наверное, не в курсе. Простите, но мне все не хватало сил, чтобы с вами связаться. Столько всего навалилось... – голос замолчал.

Таня нахмурилась и сильнее прижала к уху трубку, ей даже показалось, что связь прервалась, так стало тихо.

– Алло! – произнесла она в надежде, что ее услышат.

– Да, Таня, я просто не знаю, куда мне обратиться. Дело в том, что Светы больше нет. Ни Светы, ни Павла, никого... Я осталась одна с детьми. Но сегодня мне сообщили, что... Короче, Танечка, мне нужна ваша помощь. Я не могу оставить Светочкиных детей одних, а больше мне обратиться не к кому. Света дала мне ваш телефон, когда вернулась из Питера...

Таня молчала не в силах переварить услышанное. Она даже тихонько щипала себя за щеку, чтобы удостовериться, что она не спит.

– Таня, я понимаю, что в это трудно поверить. Я до сих

пор не могу все это принять, у меня есть несколько месяцев. Может, за это время вы сможете что – то придумать, как то устроить детей? Ваш муж, кажется, депутат?.. – в голосе зазвучали заискивающие нотки и Таня опомнилась.

– Маргарита Сергеевна, не волнуйтесь, я обязательно что –нибудь придумаю. Это все ужасно и трудно представить, что все так... все так случилось... Но я вам обещаю, что с детьми ничего плохого не случится. Я вам перезвоню и постараюсь приехать в самое ближайшее время.

– Спасибо, Таня. И от меня и от Светочки.

Таня перевела взгляд на Никиту, но произнести ничего не могла. Дыхание перехватывало, а в глазах стояло улыбающееся лицо Светы в уплывающем вагоне.

* * *

После долгих слез, не приносящих облегчение, Таня тяжело поднялась из – за стола, и протянула стакан с водой рыдающей Василисе.

– Вась, надо что – то делать, а я не знаю, с чего начать.

– Ехать к ним надо, – всхлипывая, ответила Василиса. – Будем решать на месте.

– Мне кажется, надо Мише звонить. Он может что – то подсказать, узнать что –нибудь по своим каналам.

– Думаешь, он будет тебе помогать?

– Думаю, мне не дадут детей, если узнают что я в разводе.

Поэтому с разводом пока спешить нельзя.

– Что мы гадаем, надо с Владиленом посоветоваться. Заодно и навестим его в больнице.

В небольшой палате стояло две кровати. Одна была пустой, даже матраца на ней не было. На другой лежал Владилен. Возле него на табуретке сидел плечистый молодой мужчина и крепко держал за руку старика.

Татьяна с Васькой остановились в дверях и уже готовы были развернуться, но их заметили.

– Вот и мои спасительницы, – хрипло прокаркал Владилен. – Признавайтесь, кто мне такой подарок сделал? Сына вызвал. Знаю, что это одна из вас. Лева, знакомься с этими ангелами. По – другому и не назовешь их.

Парень неуклюже вскочил на ноги. Рост у него оказался, чуть ли не под два метра. Богатырь протянул свою большую ладонь, пристально глядя в глаза Василисе.

– Этого ангела я знаю, папа! Она ко мне прилетала.

– Да, простите, это я! – смутилась Василиса.

После Таниного сообщения, что Владилена увезли в больницу, Васька приняла решение, что надо известить его сыновей. Может, дрогнет, что в их сердцах, простят друг друга. Телефон старшего сына Игоря не отвечал, был недоступен, а у Левы телефон то ли не записали, то ли он поменял свой номер, но Василиса дозвониться и до него не могла, и решила съездить к парню домой.

На ее счастье, он оказался дома, точнее это был и не дом

вовсе, а мастерская художника. Все пространство занимало одно помещение уставленное мольбертами, палитрами с красками, банками с карандашами и кистями. Стены были увешаны картинами. Было видно, что художник себя еще ищет или ему просто нравится заниматься разными стилями: на полотнах были портреты, натюрморты, цветы, пейзажи и все в новой манере, разными мазками, цветовой гаммой.

Василиса открыла рот и разглядывала с удовольствием работы художника. А он стоял в сторонке и тихо наблюдал за незваной гостьей. После продолжительного молчания, хозяин не выдержал первым:

– Простите, вы от Дэна?

– Что? От какого Дэна? Ой, извините, увлеклась вашими работами, – смутилась Василиса.

– Вы – модель?

– Я?! Нет, что вы! Я в доме престарелых работаю, где ваш папа находится, точнее находился.

– Что с ним?

Его испуг был таким искренним, что Васька сразу поняла, она найдет отклик в его сердце. В двух словах она сообщила парню, в какой больнице находится Владилен Львович и сын тут же стал торопливо собираться.

– За что вы извиняетесь? Вы все правильно сделали. Я давно Игорю говорил, что надо отца найти. Ведь знал же, что

с ним произошло. Но ты, папа, не расстраивайся. Игорь тоже к тебе придет. Обязательно!

– А нам снова нужна ваша помощь, Владилен Львович! – перевела разговор Василиса, заметив, что губы у старика задрожали. – Как нам взять двух детишек нашей подруги? С чего начать. Там такая ситуация...

И Василиса, глотая слезы, рассказала печальную историю.

Васька, вытащив лист бумаги, быстро записывала за стариком ценные наставления. Остальные молчали.

– Все это так долго, – нахмурилась она. – А если мы не успеем все оформить, то их отдадут в приют?

– Вероятно. Таня, а вы не хотите подключить своего супруга? Думаю, для него не будет красного света с оформлением.

Таня молчала. Она сама полночи вела с Михаилом мысленный разговор. Ей нужно было только его согласие, а потом она все сможет сделать сама. Она уже все для себя решила: детей Светы она усыновит. И другого варианта тут быть не может.

– Тань, ну хочешь, я поговорю с Мишей первой, объясню все. А там уж и ты подключишься. Он же к Свете хорошо относился.

– Спасибо, Вась! Я смогу сама, – кивнула Таня.

* * *

Вечером, вновь не дозвонившись до Михаила, Таня набрала номер свекрови.

– Здравствуйте, это снова Таня! Мне нужно поговорить с Мишей и это срочно! – произнесла она твердым голосом.

– Денег надо? А сама заработать не пробовала?

– Прекратите! – оборвала Таня свекровь. – Мне нужно Мишино согласие на усыновление детей.

– Это ты решила его, таким образом, к себе привязать? – не унималась свекровь.

– Я никого не собираюсь привязывать, – устало произнесла Таня. – Умерла наша Света, дети остаются совсем одни и я должна взять их к себе.

Таня не собиралась откровенничать со свекровью, но и выносить ее подколки было обидно.

– И если хотите знать, я работаю в доме престарелых. Так что, на жизнь мне хватает. Мне нужен Миша. Надо торопиться с оформлением.

На том конце провода молчали. Наконец, устало вздохнув, свекровь назвала новый номер телефона своего сына.

– Разбирайтесь сами, – выдохнула трубка. – Тань, а где этот твой дом? Может, и меня в него заберешь? А то мне от своего одиночества на стену лезть хочется. Миша ко мне давно не приходит, даже о здоровье не спрашивается. Помру, и не узнаете, – всхлипнула от жалости к себе свекровь, но тут – же опомнилась и закричала:

– Таня, Таня, а ты можешь меня в свой дом на экскурсию

сводить?

– Да у нас не музей, в общем. Рано вам пока в наш «Осенний вальс». Это у вас минутная слабость.

Но потухший голос некогда властной и довольной жизнью женщины, Тане не понравился.

«Интересно, Миша из – за меня сменил свой номер? Столько лет пользовался, а тут – нате вам. Или в новую жизнь с новым номером?»

По новому номеру Миша ответил сразу, Таня специально позвонила с городского телефона, чтобы у мужа не было искушений ее заблокировать.

– Миша, это я и я звоню тебе по серьезному делу, – быстро проговорила Таня, боясь, что Миша отключится, и она не успеет высказать свою просьбу.

– Хочешь меня пожалеть или покаяться? – странным голосом начал Михаил.

– Мне все равно, что происходит в твоей жизни, и каяться мне перед тобой тоже не в чем. Разбирайся сам со своей Сваровой. Прощай ее, сажай, узнавай, где она нанимала актеров для своих фотосессий со мной. Миша, мне нужно усыновить детей нашей Светы. Ее больше нет и Павла тоже. – Быстро начала излагать Таня, пока их разговор не скатился до выяснения отношений. – У ребяток никого не осталось больше на свете. Единственная бабушка обратилась ко мне с просьбой. Я должна их взять. Ты понимаешь? – спросила Таня.

– Да, Таня, я понимаю. Господи! Не укладывается в голо-

ве, что рядом такое горе, – пробормотал Миша, сделав ударение на слове «такое». – Что мне надо сделать?

– Миша, от тебя только одно: повремени пока с разводом. Иначе это затянет оформление, а мне надо торопиться.

– Прекрати, Таня! Я готов реальную помощь тебе оказать.

* * *

Дни тянулись медленно и как – то пусто. После праздников все словно погрузилось в коллективную спячку. До весны. Наверное, если бы у людей не было такого шумного и всеми любимого праздника Нового года, они бы тоже укладывались в какие – нибудь берлоги и спали бы в них не тревожась, не переживая, не обращая внимания на холода и слякоть.

Таня собрала все необходимые документы и отвезла их в Великие Луки. Миша поехал с ней он был очень внимательным и заботливым. Нашел какого – то знакомого в Луках, который обещал посодействовать.

К детям пошли вместе. Дверь открыла улыбающаяся Маргарита Сергеевна, только сильно похудевшая и бледная. Маринка выбежала первой и бросилась на шею Тане, чем привела ее в замешательство. Дениска остановился в дверях и только настороженно улыбался. Миша подошел и поднял его на руки, прижав к себе.

После разглядывания подарков, Маришка потащила Таню

в свою комнату и стала показывать множество рисунков с нарисованным домом.

– Мама с папой скоро вернутся, и мы поедем в Питер. Будем строить такой красивый дом. Только они что – то не едут. Мне даже надоело их ждать.

Таня бросила испуганный взгляд на Маргариту Сергеевну. Та опустила голову и прошептала:

– Я не могу им сказать. Боюсь.

– А хочешь, поедем прямо сейчас? Подберем место для вашего дома. Я тебе покажу наш город. Он красивый.

– Знаю, мама мне часто рассказывает о нем. Говорит, что это лучший город на Земле. Это правда?

– Правда! Только с характером.

– Это как? Город и с характером? – удивилась девочка.

– Принимает не всех. Его полюбить надо, понять, тогда и он полюбит, и будет отдавать тебе свою красоту. А то некоторые едут по городу и бурчат: холодно, сыро, серо. Вот город им себя и не показывает. А если его любишь, то он тебе и отражения в лужах, как картины покажет.

– Я его полюблю, – кивнула Марина. – Но поехать сейчас с вами не смогу. Во – первых, надо дождаться маму с папой. А во – вторых, я же в школу хожу. Четверть только началась. До каникул еще далеко.

– Ну, ладно, – нерешительно проговорила Таня. – Я пока подготовлюсь к вашему приезду.

Таня пока не представляла, куда привезет детей и Марга-

риту Сергеевну. О том, что ее тоже надо забрать с собой даже не обсуждалось.

Возвращались в молчании. Миша только произнес когда они садились в его машину:

– Славные дети!

Таня весь обратный путь прикидывала разные варианты, но все упиралось в деньги, точнее в их отсутствие. На свою зарплату она даже не могла снять маленькую квартирку. А детей нужно во что – то одевать, учить, отдавать их в кружки для развития. Хотя, Васька с удовольствием будет заниматься с ними музыкой и бесплатно. Вон, весь «Осенний вальс» запел. Да еще как!

– Таня, а ты, правда, пошла работать к старикам? – спросил Миша, когда высаживал ее у метро, как попросила Таня.

– Да, мы с Василисой работаем вместе в доме престарелых. Только теперь он называется «Осенний вальс».

* * *

Коридоры и комнаты только два дня назад, погруженные в ленную спячку, встретили Таню звуками музыки и радостным смехом.

«Что это за шум? – удивилась Таня. – До восьмого марта еще далеко».

Не снимая пальто, она прошла в Красный уголок, и с удовольствием обнаружила там своих стариков и Василису, ко-

торая наигрывала знакомую мелодию.

– Вы, что «Сильву» собрались ставить?

– А как вы догадались? – Засмеялась их новенькая – Валентина Павловна. – Я же в театре музыкальной комедии всю жизнь проработала. Главных ролей не получала, правда, но все наши спектакли наизусть знаю. – Она гордо обвела присутствующих ярким взглядом.

– Нам всем очень понравилась эта идея, – улыбнулась в ответ Василиса. – Вот, начали репетиции.

– Интересно! А кто же будет петь Сильву?

– Эта роль доверена мне, – скромно потупила глазки Валентина Павловна. – Хоть напоследок удастся спеть любимую партию. Как же мне повезло, что я попала в ваш «Осенний вальс»! – прошептала она, дрогнувшим голосом.

– Это нам повезло, что у нас появились такие ценные кадры, – несколько старичков повскакивали с мест и бросились с объятиями к плачущей актрисе.

К ним заглянула грустная Виолетта Бенедиктовна и пома-нила жестом Василису с Таней.

– Девочки, пройдите в мой кабинет на разговор.

– Что случилось? – испуганно спросили подруги.

– Пока не знаю, но нашим домом кто – то стал интересоваться.

– Ну и что тут страшного. Репутация у нас растет, сама же говорила. Может, кто хочет устроить сюда свою родственни-цу?

– Нет, тут другое. Запрашивают размеры площади, количество персонала, пациентов. Ну, только жить стали нормально. Старики ожили, вон, даже на оперетту потянуло. А теперь что? – Виолетта чуть не плакала. – Конечно, как приведишь что в порядок, сразу и хозяин находится. Может, хотят сделать коммерческий? Сейчас это, говорят, тема. Сдают в такие дома состоятельных родственников, которые способны оплачивать проживание. А наших куда денут? В приюты для бомжей?

– Виолетта, не надо раньше времени расстраиваться. Будем переживать неприятности по мере их поступления, – бодрым голосом проговорила Таня, но на душе и у нее стало беспокойно.

* * *

Как – то все шло не так, как представлялось. Тяжело. Репетиции выматывали Василису. Старики забывали тексты, терялись, некоторые путали мелодию. Одна Валентина Павловна держалась молодцом, чувствовалась театральная школа и годы репетиций. Но даже она начинала терять терпение:

– Но это – же самая популярная оперетта во всем мире! Мы все выросли на этих ариях. Помните, как часто раньше звучала эта музыка по радио, которое говорило день и ночь? В каждом концерте «По заявкам радиослушателей» обязательно просили включить арию Сильвы или Бони.

Ее коллеги стыдливо опускали глаза, кивали в знак согласия головами, но слова все – равно путали и краснели от отчаяния и бессилия.

Наконец, было принято решение от спектакля не отказываться, но сделать его в сокращенном варианте. Все выдохнули с облегчением и вновь приступили к творчеству с открывшимся вторым дыханием.

Таня все больше погружалась в депрессию, от какой – то беспросветности. Несколько раз, звонив Мише, она натыкалась на его усталый и, как казалось Тане, недовольный голос. Ей хотелось услышать от него, что все идет хорошо и скоро дети будут с ней. Но Миша твердил одну и ту – же фразу: «Пока ничего определенного сказать не могу. Ситуацию контролирую». Вот только куда она сможет привезти детей? Этот вопрос наводил на Таню панику. С Василисой она это не обсуждала. Они все были на птичьих правах. И Васька каждый раз при неожиданных звонках вздрагивала, думая, что это вернулась Нина с просьбой освободить квартиру.

Как – то вечером, в конце апреля, вернувшись с работы, Василиса предложила пойти в ближайший лесопарк подышать воздухом.

– Вечер такой теплый, словно летний. Даже почки на деревьях стали распускаться. Идем гулять, что сидеть в четырех стенах!

Ваня деловито прихватил с собой кулек с игрушками и торжественно вручил его Тане:

– Неси!

– Ванечка, а зачем так много берешь? Давай одну машинку только возьмем?

– Все будем играть, – проговорил мальчик тоном, не терпящим возражений.

Василиса захватила старый плед.

– Мы словно на пикник идем, – пробурчала Таня.

Но на полянке в лесу плед расстелила и с удовольствием на него уселась.

Ваня высыпал из мешка все свои сокровища и с интересом разглядывал их, передавая Тане.

– Вась, смотри, что у нас есть! – воскликнула Таня и протянула подруге небольшой прозрачный пакетик.

– Что это? – Васька открыла один глаз, вынырнув из своих мыслей.

– Шарики воздушные, – Танины губы растянулись в глупой улыбке.

Васька резко села и, радостно округлив глаза, смотрела на подругу:

– Надуваем?

– Надуваем! Каждый выдох – одна проблема, – прокомментировала Таня.

– Ой, боюсь мой, в таком случае, лопнет.

– Второй надуешь.

Таня протянула Василисе пакет, вынув из него красную резиновую тряпочку и, закрыв на минуту глаза, беззвучно

пошевелила губами, словно проговаривала молитву.

Шарик, наполняемый женскими проблемами, становился все больше и объемнее.

– Тань, хватит, а то сейчас взорвется, – испуганно проговорила Василиса.

– Последняя, – выдохнула Татьяна и улыбнулась, держа шар на вытянутой руке.

– Давай мне, – подошел радостный Ванечка.

– Нет, малыш, этот шарик тебе не нужен. Это мой. Тебе я сейчас новый надую. Легкий и чистый.

Васька надувала с закрытыми глазами, по щекам ее текли слезы. И теперь Таня предупредила ее об осторожности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.